

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ АФГАНИСТАНА

1747—1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Ответственный редактор
Ю. В. ГАНКОВСКИЙ

Книга — первая в СССР и за рубежом история вооруженных сил Афганистана — охватывает период с 1747 г., когда было создано независимое афганское государство, до 1977 г., кануна национально-демократической революции и образования Демократической Республики Афганистан.

И 0803000000-141 КБ-4-57-85
013(02)-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы, связанные с особенностями формирования, организации, руководства, вооружения и численности афганской армии, затрагивались практически во всех общих трудах, посвященных истории Афганистана, а также в работах по истории англо-афганских войн и завоеваний основателя независимого афганского государства Ахмад-шаха Дуррани (1747—1773) в Индии и Иране. Многие из этих исторических исследований внесли определенный вклад в изучение новой и новейшей истории Афганистана. Однако ни в СССР, ни за рубежом до сих пор еще не было опубликовано специального исследования по истории вооруженных сил Афганистана.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена истории вооруженных сил Афганистана за период с 1747 по 1977 г. Ее хронологические рамки охватывают 230 лет — от времени создания независимого афганского государства до кануна революции 27 апреля 1978 г., открывшей новую эпоху в истории Афганистана и его народов. Основные изменения и качественные сдвиги, происшедшие в вооруженных силах Афганистана в ходе и в результате революционных преобразований после 27 апреля 1978 г., особенно на новом этапе Апрельской революции, кратко изложены в послесловии.

Первые сообщения об афганской армии появились в России еще в 1755—1758 гг.¹ Информационно-справочный характер носили и небольшие заметки об афганских вооруженных силах, печатавшиеся время от времени в нашей стране в различных периодических изданиях XIX — начала XX в. до Октябрьской социалистической революции². Но лишь в некоторых из этих публикаций делалась попытка дать более или менее полное представление об афганской армии. В 1908 г., например, в Ташкенте была издана небольшая брошюра «Вооруженные силы Афганистана», в которой кратко рассказывалось об основах организации, численности, комплектовании, обмундировании, снаряжении, а также о дислокации и обучении афганских войск.

После Октябрьской революции и восстановления независимости Афганистана первой книгой об этой дружественной стране, изданной в Советской России, был труд видного востоковеда А. Е. Снесарева (1865—1937) «Авганистан», вышедший в 1921 г.³ Седьмая глава этого исследования целиком посвящена афганским вооруженным силам.

В 1928 г. работу об Афганистане и его вооруженных силах опубликовал А. Ванченко, в последующие годы специальное исследование об афганской кавалерии подготовил и издал С. Севрюгов⁴. О вооруженных силах Афганистана писали также И. Маздур (Романов), А. Станишевский и некоторые другие авторы⁵.

Обстоятельное исследование о вооруженных силах Афганистана в эпоху Ахмад-шаха Дуррани включил в заключительную главу своего труда, посвя-

щного проблемам развития феодализма и образования государства у афганцев, Н. М. Рейснер; состояние афганской армии в годы правления эмира Хабибуллы-хана (1901—1919) в связи с некоторыми реформами, которые проводились тогда в Афганистане, исследовал в одной из своих книг В. А. Ромодин⁶.

В Афганистане много сделал для изучения начального этапа истории афганских вооруженных сил Мир Гулам Мухаммад Губар, который посвятил армии Ахмад-шаха Дуррани специальный раздел в своей книге о жизни и деятельности этого шаха⁷. Об армии Тимур-шаха (1773—1793) писал Азизуддин Попользай, а о вооруженных силах Афганистана в середине XIX в. — С. К. Риштия⁸.

Ученые Индии и Пакистана интересовались особенностями истории афганских вооруженных сил прежде всего в связи с проводимыми ими исследованиями колониальной политики Англии в Южной Азии и на Среднем Востоке, а также историей отношений между Афганистаном и различными независимыми государствами Северной и Западной Индии во второй половине XVIII — начале XIX в.

Из работ, специально посвященных истории афганской армии в эпоху Ахмад-шаха, отметим раздел в содержательной книге Ганда Сингха⁹.

Авторы настоящей книги внимательно учли труды советских и зарубежных (прежде всего афганских) специалистов по новой истории Афганистана, а также то, что было опубликовано о вооруженных силах Афганистана. В ряде случаев ими обобщены результаты собственных исследований.

Книгу написали: главу I — Ю. В. Ганковский; главы II и III — А. И. Полищук; главы IV, V и послесловие — М. Ф. Слинкин. В написании послесловия принимал участие В. В. Луков.

Авторы выражают признательность всем принявшим участие в обсуждении и рецензировании работы и своими советами и замечаниями содействовавшим устранению ряда недостатков.

*Сектор Афганистана
Отдела Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения АН СССР*

Глава I

АФГАНСКАЯ АРМИЯ В ЭПОХУ ШАХОВ ДУРРАНИ (1747—1819)

«Всякая военная организация,— писал Ф. Меринг,— всеми своими нитями связана с тем общественным строем, из которого она выросла»¹. Для армии и военной организации шахов Дуррани характерна определенная двойственность, связанная с особенностями феодального афганского государства, созданного Ахмад-шахом Дуррани в середине XVIII в. Одна из этих особенностей состояла в том, что у пуштунов (афганцев) как в тот период, так и значительно позже устойчиво сохранялись пережитки производственных отношений и общественного устройства, присущих родо-племенному строю². Именно поэтому армия шахов Дуррани не была (да и не могла быть) единой, централизованной организацией, а представляла собой сочетание регулярных воинских отрядов, укомплектованных профессиональными воинами, с дружинами ханов и ополчениями племен.

Армия и военная организация шахов Дуррани сложились в ходе завоевательных походов в северо-западную Индию, восточный Иран и южный Туркестан. В результате этих походов образовалась обширная империя, в то время сильнейшая на Среднем Востоке, территория которой превышала 2 млн. кв. км. Европейские путешественники и дипломатические агенты, имевшие возможность сравнивать армию шахов Дуррани с войсками индийских и иранских феодальных властителей второй половины XVIII в., указывали, что афганская армия превосходила армии соседей по своим боевым качествам³.

Ядром регулярной армии («фаудж-и низам» или «аскар-и муназзам») шахов Дуррани был гвардейский кавалерийский корпус («гулам-хана» или «гулам-шахи»), первоначально состоявший из солдат иранского шаха Надир-шаха Афшара (1736—1747), которые после убийства последнего перешли на службу к Ахмад-шаху Дуррани. Приблизительно третья часть воинов этого корпуса состояла из кызылбашей — выходцев из Ирана. Кроме того, в гвардию зачислялись христиане — армяне и грузины, переселенные из Ирана, арабы. Сын и наследник Ахмад-шаха — Тимур-шах включил в свою гвардию горцев-таджиков и джунгаров-калмыков, приведенных им из Балха.

В гвардии служили также рабы из Эфиопии, купленные шахом или подаренные ему его вассалом, беглербегом (правителем) Белуджистана Насир-ханом Белуджем (1750—1795). В начале XIX в. при шахе Шудже ул-Мульке (1803—1809) в гвардейский корпус входил отряд хазарейцев, насчитывавший 500 человек⁴.

При Тимур-шахе в гвардию было включено некоторое число пуштунов-исхаказев. К ним принадлежал и их военачальник сардар-и сардаран Мадад-хан, однако основу гвардии составляли иранцы, таджики и представители других непустунских народов.

Оторванные от своей родины, не связанные ни с пуштунскими племенами, ни с их ханами, они полностью зависели от шаха, были послушным орудием в его руках и составляли главную военную опору его власти. Вместе с тем они были обязаны шаху своим сравнительно высоким и хорошо обеспеченным положением. Гвардия шаха являлась основной силой, с помощью которой обеспечивались слаженные и согласованные действия всей армии как единого боевого механизма.

По численности гвардия составляла примерно одну треть регулярной армии. Отряд воинов («гуламов»), постоянно находившихся при особе шаха, назывался «рекаби» («стремяные»).

Существовал специальный отряд регулярной армии на верблюдах, воины которого помогали пехоте форсировать реки.

В каждой части шахской гвардии, называемой «даста», насчитывалось 12 сотен кавалеристов.

Командиры гвардейской кавалерии именовались «кулларагаси» (от «кул» — раб)⁵.

Пехота составляла не более четверти общей численности регулярных войск афганской армии, и, как пишет Дж. Форстер, «она была не в почете, и ею пренебрегали»⁶. Важнейшим соединением пехоты был корпус персидских мушкетеров — «туфанчи» или «джазаирчи», укомплектованный наемными солдатами⁷. Солдаты этого корпуса, по-видимому, были обеспечены лошадьми и являлись как бы «ездящей пехотой»; во всяком случае, известно, что из 40 тыс. пехотинцев, сражавшихся в рядах афганской армии при Панипате, 30 тыс. имели лошадей. Командиром корпуса мушкетеров во времена Ахмад-шаха был Наваб-хан Дуррани⁸. В отрядах регулярной пехоты служило много горцев-таджиков из районов, лежавших к северу и северо-востоку от Кабула; из-за своей воинственности они считались в Афганистане лучшими пешими воинами. Очевидно, поэтому немало таджиков служило в армиях и других среднеазиатских и индийских властителей.

Гуламы шахской гвардии носили расшитые золотом пояса и шапки, украшенные золотым галуном и кистями — «турра», а их офицеры — тюрбаны отличного от солдат цвета с султанами из перьев. Некоторым высшим военачальникам за проявлен-

ную доблесть даровалось право украшать султан бриллиантами. Такое право, например, получил в 1761 г. Ахмад-хан Бангаш за то, что отразил ночную атаку маратхского военачальника Ибрагим-хана Гарди и нанес при этом противнику большие потери. А Насир-хану, беглербегу Белуджистана, в виде особой милости было разрешено носить два султана, украшенных бриллиантами. У самого Ахмад-шаха таких султанов было четыре.

Отряды гвардии различались фасоном головных уборов и цветом флажков на копьях. Во времена Ахмад-шаха в составе афганской армии имелся также особый отряд пехоты, носивший форму британских сипаев⁹.

Помимо основных соединений имелись также специальные отряды. Одним из них был отряд шахских телохранителей — «кашикчи» («часовых»), в нем было несколько сот воинов; их вербовкой ведал начальник армейской прислуги — «орду-баши». При преемниках Ахмад-шаха отряд этот набирался из уроженцев Индии, воины его были обмундированы на европейский лад¹⁰. Начальник телохранителей имел титул «кашикчи-баши»¹¹.

В мирное время телохранители-кашикчи охраняли дворец шаха, а во время походов — его ставку. «Кашик-хана» — помещение, в котором размещались телохранители, находилось перед входом в личные покои главы государства; посторонние в кашик-хана не допускались; исключений не делали даже для ближайших родственников шаха. Когда, например, осенью 1788 г. шах-заде Хумаюн, бывший правителем Кандагара, прибыл в Кабул и пожелал пройти к своему отцу Тимур-шаху, стража его не пустила; произошла ссора, во время которой Хумаюна схватили и обыскали. А так как при нем был найден нож, шах приказал заключить своего сына в тюрьму¹².

Ахмад-шахом, кроме того, были созданы части полевой жандармерии («насакчи») для несения охранной и заградительной службы и приведения в исполнение приговоров, вынесенных шахом. Во время военных действий воины этого отряда располагались позади сражавшейся армии и имели обязанность расправляться со всеми, кто попытается бежать с поля боя.

Во время битвы под Панипатом, когда мусульманские войска дрогнули и начали отступать под натиском маратхов, отряд насакчи численностью в 1500 человек был послан в тыл боевых порядков афганской армии с приказом уничтожать всех, кто посмеет бежать; другой отряд, в 500 человек, был направлен в расположение афганского лагеря; здесь насакчи обнаружили около 8 тыс. человек армейской прислуги, не принимавшей участия в сражении; отряд насакчи заставил всех взять оружие и принять участие в бою.

В армии афганских шахов командир отряда назывался «насакчи-баши»¹³. Его непосредственным начальником был «хар-

кара-баши», глава осведомительной службы. В ведении последнего находились также все конные и пешие посыльные. Конных фельдъегерей обычно называли «савар-чапар» или «чапар», а также «касид»¹⁴.

Помимо перечисленных отрядов в афганской армии имелись специальные квартирмейстерские, транспортные подразделения и всевозможные вспомогательные команды, занимавшиеся обслуживанием ставок шаха, находившихся в ведении орду-баши.

Важное место в армии принадлежало артиллерии. Она делилась на тяжелую и легкую.

Командующий всей артиллерией именовался «тупчи-баши»; при Ахмад-шахе эту должность занимал сначала некий Осман-хан, а затем Абдурахман-хан Баракзай.

Основу артиллерии составляли легкие орудия — «замбурек», называемые также «штурнал» или «шахин».

Хрисанф, рассказывая об армии Тимур-шаха, писал о замбуреках: «Сия часть воинства есть важнейшая у афганского государя»¹⁵.

Ввиду важности этого рода артиллерии часто «замбурекчи» («шахинчи») формировались из отборных, наиболее мужественных и верных солдат; в армии Ахмад-шаха их было 4 тыс. Командующий легкой артиллерией именовался «шахинчи-баши»; эта наследственная должность была закреплена за ханами клана баракзаев¹⁶.

Замбуреки перевозились на верблюдах. Помимо орудия каждый верблюд вез одного-двух замбурекчи и 40 зарядов, ядра которых весили по 600—800 г; огонь из замбуреков можно было вести в движении.

Полковник Ф. Коломбари, посвятивший замбурекам специальное военно-историческое исследование¹⁷, утверждает, что гильзы из Кандагара первыми (в 1722 г. при завоевании Ирана) догадались установить замбурек в седле на вращающемся стержне.

На поле боя замбуреки обычно располагались позади полевой артиллерии или впереди нее; иногда, чтобы обмануть противника, их прятали за рядами пехоты и конницы. Большая подвижность замбуреков позволяла допускать врага на расстояние картечного выстрела без особого риска для замбурекчи и их орудий. Залповый огонь из замбуреков наносил тяжелый урон противнику; известна громадная роль, которую они сыграли в битве при Панипате, где Ахмад-шах имел около 2 тыс. этих пушек.

Большое количество таких пушек имелось также в армии преемников Ахмад-шаха; известно, что при войске Мадад-хана, посланном Тимур-шахом в Индию в 1787 г., было около 1700 замбуреков, а у шаха Замана (1793—1801) в боевой готовности их было 2600 и, кроме того, 3270 в резерве; шах Шуджа имел 700 замбуреков¹⁸.

Орудий полевой артиллерии у шахов Дуррани было меньше, и, по-видимому, они были невысокого качества. В сражении при Панипате у афганцев было только 40 таких орудий; всего же армия Ахмад-шаха и его союзников имела около 70 полевых орудий. Преемники Ахмад-шаха располагали полевыми орудиями также в значительно меньшем количестве, чем легкими. Так, у шаха Замана во всех крепостях и гарнизонах его обширной империи имелось всего 640 пушек, т. е. в несколько раз меньше замбуреков, которыми он располагал.

На вооружении афганской армии времен шахов Дуррани находилось также некоторое количество тяжелых осадных орудий. Известна громадная пушка, изготовленная для Ахмад-шаха под Нишапуром в 1164 г. х. (1751). Эта пушка заряжалась ядром весом в 20 тебризских манов¹⁹. Другое осадное орудие Ахмад-шаха, знаменитая лахорская «замзама», было изготовлено в 1757 г. по приказу вазира Шах Вали-хана мастером Шах-Назиром. Это бронзовое орудие, находящееся сейчас возле музея в Лахоре, имеет длину 14 футов и 4,5 дюйма при диаметре канала ствола около 9,5 дюйма²⁰. Тяжелую полевую и осадную артиллерию перевозили при помощи лошадей, волов и даже слонов.

Помимо артиллерийских орудий в армии Ахмад-шаха имелись особые ракетные станки «эраде-бан», применение которых, по-видимому, было заимствовано афганцами из Индии. По дошедшим до нас описаниям, ракета представляла собой тяжелую трубку диаметром в 3—7 см и длиной около 30 см, которая привязывалась к бамбуковому шесту длиной в 2,3 м. Иногда к корпусу ракеты прикреплялся стальной клинок. Поджигалась она с помощью фитиля и на цель направлялась рукой. Дальность полета достигала 1 км. С наибольшим успехом ракеты применялись против плотных боевых порядков пехоты и кавалерии. Перевозились они обычно на верблюдах (причем каждый верблюд вез 10 ракет и солдата, стреляющего ими) или на тележках, в которые впрягалась пара буйволов. Как утверждает английский автор второй половины XVIII в. А. Доу, ракеты воздействовали на противника главным образом морально, не нанося больших потерь живой силе²¹.

Для стрельбы ракетами надо было обладать умением и сноровкой. Солдат, обслуживавших ракетные станки, называли «бандар» или «банандаз».

Низшим подразделением регулярной армии было отделение, состоявшее из 10 солдат, находившихся под командованием «дах-баши». Пять отделений образовывали взвод, которым командовал «пинджах-баши». Два взвода составляли роту во главе с сотником «юз-баши», а несколько рот — батальон под начальством «минг-баши». Отдельные части («рисала» или «кита»), как правило, насчитывали 3—5 тыс. человек и состояли из нескольких батальонов; известно, что в армии шаха Замана отряд регулярных войск под командованием Илтифат-хана Ход-

жа-сара насчитывал 4900 человек, а отряд Юсуф Али-хана Ходжа-сара — 3 тыс. человек. Командиры отдельных частей обычно имели чин «амирлашкар». Во время войны из этих частей формировались корпуса по 12—18 тыс. солдат, командование которыми поручалось знатым сардарам.

Руководящие посты в армии были непосредственно закреплены за сардарами племени дуррани. В походе каждого сардара сопровождало несколько личных слуг. При преемниках Ахмад-шаха этих слуг в армии зачастую было больше, чем воинов, непосредственно принимавших участие в сражении.

Офицерский состав регулярной армии состоял из придворных, приближенных и даже внуков шаха и назначался лично главой государства. Офицерам при вступлении в должность выдавался фирман, в котором указывался присвоенный чин и жалование, перечислялось подаренное почетное оружие и т. д.

Имеются сведения, что на службе у афганских шахов были отдельные солдаты и офицеры — европейцы. Дж. Форстер, находившийся летом 1783 г. в Кабуле, скрывал свое английское происхождение главным образом потому, что боялся «оказаться бомбардиром в артиллерии Тимур-шаха»²². Махмуд ал-Хусайни рассказывает о европейцах-артиллеристах («ступчиян-и ференги»), принимавших участие в хорасанском походе Ахмад-шаха 1754—1755 гг.²³. О том же говорит и Хусайн Али. М. Эльфинстон упоминает какого-то немецкого офицера, служившего в афганской армии во времена Тимур-шаха²⁴. Однако эти немногие европейцы не оказали заметного влияния на стратегию и тактику афганской армии и на организацию афганских вооруженных сил того времени.

Основные силы регулярной армии — «фаудж-и низам» или «аскар-и муназзам» — и гвардия шаха обычно расквартировывались в столице государства. Отдельные регулярные части, усиленные нерегулярными формированиями, квартировали в центрах вилайетов (провинций). В западных вилайетах империи Дуррани наиболее сильные гарнизоны обычно располагались в Герате; при Ахмад-шахе в распоряжении правителей этого города находилось около 2 тыс. «исправно-вооруженного войска»²⁵. Шах Заман в начале своего правления держал здесь 15 тыс. воинов, а шах Шуджа — 8 тыс. и отряды дуррани и аймаков.

В индийских вилайетах державы Дуррани во времена Ахмад-шаха гарнизоны наибольшей численности стояли в Лахоре, а при его преемниках — в Мультане и Кашмире.

Так, в Мультане, после того как этот город был отбит Тимур-шахом у сикхов, были оставлены отряды под командованием Музаффар-хана Садозая общей численностью 20 тыс. человек²⁶.

При Тимур-шахе гарнизон Кашмира состоял из 3 тыс. кавалеристов и пехотинцев²⁷. По данным Гулам Сарвара, при шахе Замане войска, находившиеся в Кашмире, были усилены

переброской сюда кавалерийского корпуса численностью в 11 тыс. человек с 416 замбуреками, а общая численность этих войск составляла около 16 тыс. человек. Таким образом, шах Заман держал в Кашмире почти 60% воинских частей, находившихся в индийских вилайетах. В начале XIX в. гарнизон Кашмира уменьшился; по данным М. Эльфинстона, в 1809 г. он состоял из 8600 человек. В других вилайетах войск, как правило, было меньше, и обычно в распоряжении хакима находилось от 1,5 до 2 тыс. воинов.

Иногда отряды афганских войск располагались также на территории вассальных княжеств, как для защиты от нападения извне, так и для того, чтобы предупредить возможную измену правителя. Известно, например, что, уходя из Хорасана в 1755 г., Ахмад-шах оставил в Мешхеде при Шахрохе «знатный корпус» своих воинов²⁸.

В случае опасности войска, расквартированные в вилайетах, могли быть усилены за счет мобилизации местных жителей. В 1757 г., когда Тимур-шах был назначен низамом Лахора, воинские части, оставленные при нем, были пополнены контингентами дуррани, гвардейцев-кызылбашей, а также отрядами, набранными из местных жителей-мусульман.

Регулярные части составляли обычно не более 30% численности афганской армии. Остальные 70% приходились на долю различных нерегулярных отрядов, основными из которых были: отряды ханской кавалерии — «ханан-и саваре», или «хаванин-и саваре» («конные ханы»), сформированные вождями афганских племен; контингенты родо-племенных ополчений; вспомогательные отряды, укомплектованные военными колонистами и жителями особых военных зон; отряды, выставлявшиеся по требованию шаха его вассалами, правителями зависимых ханств и эмиратов Восточного Ирана и Северной Индии.

Отряды ханской кавалерии, так же как и регулярные части, находились и в мирное время в полной боевой готовности. Они назывались «байраг» («знамя») и формировались из соплеменников, слуг или рабов их командиров. Специальным фирманом шаха определялась численность отдельных отрядов (пропорционально количеству земли, пожалованной их вождям, или получаемому из казны жалованью) и утверждалось воинское звание их командиров.

В зависимости от численности отряда хану присваивался чин «саркарда-и саваре» или «хан-и саваре». Младших офицеров своей части хан назначал сам. Всякий командир «байрага» имел свой флаг, литавры или барабан и «зурначи» (флейтиста)²⁹.

Ханан-и саваре охраняли границы, дороги, государственные склады, а также участвовали в сборе налогов и взыскании недоимок.

Значительные отряды воинов имели не только светские, но и крупнейшие духовные феодалы.

Особое место занимали в афганской армии контингенты, представлявшие племена дуррани, «газиян-и дуррани», как их называет Хусайн Али. Они являлись основой создаваемых в военное время иррегулярных формирований. Численность отрядов дуррани составляла почти 12 тыс. человек. Как правило, отдельные части, состоявшие из воинов дуррани, включались в каждый иррегулярный кавалерийский корпус.

Остальные иррегулярные кавалерийские части — «саварха-и чарики», формировавшиеся из ополченцев других афганских племен, призывались под знамена только в случае особой необходимости. При осуществлении известного принципа Ахмад-шаха — «брать воинов с Запада, а деньги с Востока», многие районы, населенные пуштунами, освобождались от уплаты налогов. За это в случае войны они выставляли отряд воинов определенной численности и в полном вооружении. Такие отряды были обязаны посылать в армию шаха гаггани, оракзан, юсуфзаи, баннучи, племена Хоста и др. Некоторые племена в мирное время платили налоги, но во время войны эти налоги заменялись поставкой отряда воинов; например, племя марват во время войны взамен обычного налога верблюдами отправляло в армию шаха 200 всадников.

Иногда прибегали к созыву родо-племенных ополчений — «улусов» или «лашкар-и кауми», которые создавались либо из добровольцев, либо путем принудительной мобилизации мужского населения; у юсуфзаев в этих случаях выставлялся один пеший воин с каждого плуга или один конник с двух плугов. Для сбора ополчения вождю племени обычно посылали указ шаха; иногда созыв племенных ополчений возлагался на муллы, которые призывали добровольцев принять участие в священной войне. Ядром ополчений являлись дружины ханов племени.

Части племенных ополчений строились по родовому принципу: воины каждого клана образовывали отдельный отряд, находившийся под командой своего хана или малика. Обычно командиром соединения, состоявшего из нескольких таких племенных отрядов, назначался какой-либо знатный дурранийский сардар.

Уклонившихся от явки на сбор племенного ополчения подвергали штрафу или другому наказанию обычно по решению хана или малика племени. Племенные ополчения, формировавшиеся в основном из представителей беднейших слоев населения, почти целиком состояли из пехоты. Иногда эти ополчения использовались и для общественных работ.

Несмотря на свою многочисленность, племенные ополчения зачастую не обладали высокой боеспособностью. В дальних завоевательных походах использование их было затруднено тем, что ополченцы не могли на длительный срок оставлять свое хозяйство. С большим успехом они использовались для отражения неприятельских вторжений. Необходимо также учитывать, что воины лашкар-и кауми были сравнительно плохо вооруже-

ны. По свидетельству Кашираджа Пандита, 200 или 300 тыс. бойцов афганских нерегулярных войск, принимавших участие в сражении под Панипатом, имели меньше лошадей и оружия, чем 29 тыс. кавалеристов Ахмад-шаха. Из отрядов нерегулярной пехоты лучшими считались контингенты ополченцев восточнопуштунских племен — момандов, юсуфзаев, афридиев, хатаков, мухаммадзаев и других, которые славились своей храбростью, хладнокровием и меткостью при стрельбе. Во время одного из вторжений в Панджаб шаха Замана племена Хайбера поставили в армию этого шаха 10 тыс. воинов, из которых 2 тыс. были пехотинцами-афридиями³⁰. В сражениях иррегулярные части играли вспомогательную роль: «Было обычным, что, после того как регулярные войска нападали и разбивали врага, эти нерегулярные части накидывались на противника с саблями в руках и заканчивали уничтожение»³¹. Их использовали также для грабительских набегов и блокады неприятеля. Иногда небольшие отряды иррегулярной пехоты располагались в крепостях для несения гарнизонной службы.

Дружины ханов и ополчения племен, составлявшие по численности большую часть вооруженных сил державы Дуррани, никогда полностью не подчинялись власти шаха и были весьма слабо связаны между собой. Родо-племенные связи определяли как сильные, так и слабые стороны нерегулярных частей афганской армии. Придавая отдельным афганским отрядам внутреннюю сплоченность, они в то же время разъединяли их в масштабе всей армии. Последнее обстоятельство таило в себе огромную опасность, так как в тех случаях, когда афганское войско начинало терпеть поражения, отдельные отряды выходили из-под власти шаха и армия разваливалась.

В некоторых завоеванных провинциях (Балх, Шикарпур, Панджаб) Ахмад-шах основал афганские военные колонии, жители которых в случае необходимости были обязаны нести службу при отрядах регулярной армии, дислоцированных в этих вилайетах. Под знамена колонистов призывали только в случае непосредственной военной угрозы тому району, где они были поселены. Иногда из их отряды включали также местных жителей-мусульман (в Панджабе).

В военное, а иногда и в мирное время правители вассальных ханств и эмиратов выставляли определенные контингенты в армию афганских шахов. В случае необходимости Ахмад-шах собирал под свои знамена войска из Сирхинда, Панджаба, Синда, Белуджистана, Дераджата и Южного Туркестана³². Известно, что пехотинцы из Белуджистана в мирное время служили в Кашмире, а кавалерийские отряды под командованием Насир-хана Белуджа участвовали в походах Ахмад-шаха Дуррани в Индию и Хорасан; в 1768 г. эти отряды отличились при подавлении восстания Насруллы-мирзы, сына Шахроха, и Али Мардан-хана, правителя Тебеса. В походах на Мешхед Ахмад-шах использовал также отряды туркмен. В индийских кампа-

ниях этого завоевателя принимали участие крупные контингенты узбеков и хорасанцев³³. В некоторых войнах Тимур-шаха на стороне афганцев сражались войска наваба Бахавалпура. Небольшой отряд в армию афганских шахов выставлял правитель Систана.

Вооруженные отряды вассальных княжеств не включались в армию шахов Дуррани в качестве органической составной части. В вопросах комплектования, организации, вооружения, снаряжения и оплаты своих вооруженных отрядов вассальные князья были совершенно самостоятельны. Даже многочисленные воинские контингенты, которые выставлялись в армию шаха вассальными правителями, сохраняли в период пребывания на службе у шаха полную автономию. Командовали ими собственные военачальники, а афганские шахи осуществляли только общее руководство боевыми операциями.

О вооружении воинов афганской армии во времена Ахмад-шаха и его преемников мы располагаем следующими сведениями.

Вооружение солдат регулярных отрядов осуществлялось по иранским и могольским образцам. Кавалеристы имели мушкет или карабин, копье и саблю. Многие из них, а гвардейцы поголовно, носили кольчуги. Кавалеристы — гуламы авангарда имели пики с серебряными и позолоченными наконечниками, а часть офицеров — пистолеты. Оружие насакчи — солдат полевой жандармерии — состояло из боевого топора, сабли и кинжала.

Современные индийские историки считают, что кавалерия Ахмад-шаха была лучше вооружена и располагала большим количеством огнестрельного оружия, чем сильнейшая из индийских армий того времени — армия маратхов³⁴. Солдаты-пехотинцы имели мушкет с сошкой, меч или саблю.

Конные ополченцы племени дуррани были вооружены иранской саблей и мушкетом, а некоторые также копьями, кинжалами и боевыми топорами. Во времена Ахмад-шаха многие имели щит, но к началу XIX в. он почти вышел из употребления. Ружья обычно были укороченными, большого калибра и иногда снабжались штыком. Полное вооружение одного конного воина стоило около трех туманов³⁵.

Гильзаи были вооружены так же, как и дуррани. Восточные пуштуны (юсуфзаи, хаттаки, марваты и др.) имели индийские сабли, щиты, кожаные панцири, мушкеты и копья, а также луки и стрелы. Афридии и воины некоторых племен, жившие близ Кабула, вместо сабель вооружались особыми боевыми ножами длиной около 90 см³⁶.

Ополченцы-таджики из Кухистана были вооружены ружьями, пистолетами «шер-бача» и короткими кинжалами.

Так как большую часть армии составляла кавалерия, то вопросам ремонта конского состава уделялось большое внимание. Лошади, главным образом туркменской и узбекской по-

роды, отличались выносливостью и быстротой и были способны совершать длительные переходы; они ходили под легким деревянным седлом, сиденье которого подбивалось хлопком и покрывалось кожей, а у командиров регулярной и нерегулярной армии — бархатом или парчой; под седло клалась подушка из войлока или шерсти; употреблялась уздечка; мунштуков не знали. В 80-х годах XVIII в. хорошая кавалерийская лошадь стоила в Афганистане 50—60 рупий³⁷.

Гуламы — гвардейцы шаха — обычно ездили на лошадях, принадлежащих их повелителю. Все остальные воины были обязаны иметь собственных коней; если же лошадь выдавалась им из казны, то стоимость ее постепенно удерживалась из жалования (так же как и стоимость полученного от государства снаряжения и оружия).

Перед началом кампании, иногда накануне сражения, устраивались военные смотры, как правило, в присутствии шаха³⁸.

Во время похода впереди главных сил двигался сильный авангард, состоявший обычно из кавалерийского корпуса, в который включалось до одной четверти всей армии³⁹. Авангард собирал сведения о противнике, захватывал продовольствие и фураж и в случае необходимости завязывал бой в ожидании подхода остальной армии. С тыла главные силы прикрывались небольшим арьергардом. На марше каждый отряд двигался отдельно. Воинам было строго запрещено покидать свое место и следовать в рядах другого отряда; виновных в нарушении этого правила подвергали суровому телесному наказанию. Обычно перед началом очередного дневного перехода гуламы шаха выстраивались четырьмя колоннами в конном строю вокруг палатки шаха; в тот момент, когда шах садился в седло, тысячи гвардейцев хором приветствовали своего повелителя: «Благословенно имя бога! Милость бога Его Величеству шаху!» По этому приветствию вся армия узнавала, что шах сел в седло, и трогалась в путь. Шах ехал, окруженный своими гулами. Средний дневной переход составлял около 25 км, причем за днем марша следовал день отдыха. Но в случае необходимости афганская армия могла совершать длительные форсированные марши и покрывать за короткий срок большие расстояния. Так, в феврале 1762 г., желая неожиданно напасть на сикхов, Ахмад-шах прошел со своей армией за два дня свыше 100 миль — от Лахора до северной части Сирхинда⁴⁰. В 1764 г. армия Ахмад-шаха прошла за две ночи и один день 80 косов⁴¹. В таких случаях впереди армии высылались небольшие кавалерийские разведки, которые собирали сведения о противнике и вырезали всех встречных, чтобы никто не смог предупредить врага о приближении афганских сил и чтобы ни один шпион, посланный противником, не вернулся живым.

В походе каждый воин вез с собой запас продовольствия, состоящий из хлеба, сухого овечьего сыра — «крута» и большой кожаной фляги с водой. «Все нужное каждый имеет навью-

ченное на лошади»⁴², — писал Хрисанф. Когда продовольствие кончалось, отряды кавалеристов угоняли скот у мирных жителей. Припасы, добытые таким образом, распределяли среди воинов специальные чиновники. Армию обычно сопровождали торговцы хлебом и мясом, фруктами, зеленью, тканями, а также ремесленники различных специальностей — плотники, шорники, портные. Вместе с армией обязательно следовали купцы, скупщики военной добычи и даже монетный двор⁴³.

Когда армия располагалась на привал, каждый отряд обрзовывал круг, центром которого были палатка вождя племени или командира части и его имущество. Если армия останавливалась на долгое время, то лагерь окапывали рвом и обносили засекой или земляным бруствером. Так, под Панилатом Ахмад-шах окружил свой лагерь траншеей длиной в 4 коса и засекой из деревьев. Связь во время походов осуществлялась специальными курьерами и посыльными, а также посредством сигнальных костров, зажигавшихся на горных вершинах.

При форсировании рек часто сооружались понтонные мосты на лодках.

Служба охранения в первых походах Ахмад-шаха была организована недостаточно хорошо, и афганская армия терпела от этого большой урон. Ахмад-шах учел это, и в последующих кампаниях его разведка и охранение действовали достаточно хорошо, что принесло свои плоды.

Транспортировкой шахского имущества в походах ведал «пешханачи» или «фарраш-баши»; имущество это состояло из запаса сухарей и зерна, навьюченного на 300 верблюдов, которые следовали на левом фланге армии; на правом фланге две сотни других верблюдов везли посуду, одежду и т. п. В тылу армии на мулах и дромадерах перевозились сокровища шаха.

В сражении боевые силы армии делились на центр, правое и левое крыло и резерв. В центре боевых порядков располагался командный пункт шаха, впереди которого обычно выстраивался корпус мушкетеров, усиленный орудиями полевой артиллерии и замбуреками. Гвардейцы-гуламы держались в резерве и бросались в бой только в критический момент сражения⁴⁴.

Численность армии шахов Дуррани была более или менее постоянной только в ее регулярной части. Что же касается нерегулярных воинских формирований, то число воинов в них изменялось в зависимости от обстоятельств.

Утверждение афганского историка М. Губара, что армия Ахмад-шаха насчитывала 120 тыс. человек, из которых одну треть составляли регулярные войска, представляется нам произвольным; вряд ли сейчас, пока не найдены афганские архивные материалы той эпохи, можно с достаточной точностью определить численность войск Ахмад-шаха.

Известно, что численность вооруженных сил, которыми располагал этот шах, не была одинаковой на разных этапах его

военной деятельности. Так, в 1748 г. в походе на Лахор Ахмад-шах возглавлял 30-тысячную армию, а в хорасанских кампаниях он имел от 50 до 70 тыс. воинов⁴⁵.

В 1757 г. в его войске, вступившем в Индию, кроме гвардии и отрядов дуррани (насчитывавших 12 тыс. человек), было 12 тыс. узбеков из Балха, 2 тыс. конных белуджей, 8 тыс. кызылбашей, 5 тыс. воинов Бадж Чанг-хана Бангаша и 10 тыс. — Самад-хана Моманда. Таким образом, в этом походе участвовало около 50 тыс. воинов⁴⁶.

В битве под Панипатом афганская армия насчитывала примерно 29 тыс. кавалеристов (четвертую часть которых составляли гвардейцы-гуламы) при 40 полевых орудиях и 2 тыс. замбуреков с 4 тыс. замбурекчи; кроме того, имелось несколько отрядов регулярной пехоты. Вместе с войсками союзников армия Ахмад-шаха насчитывала 41 800 кавалеристов и 38 тыс. пехотинцев, 2 тыс. замбуреков и 70—80 других орудий. Нерегулярных войск было в четыре раза больше, но из-за плохого вооружения серьезной роли в сражении они не сыграли.

Кашираджд, у которого мы берем приведенные выше сведения, пишет: «Я знаю наверное, что такова была мусульманская армия, так как прежде, чем записать это, я делал неоднократные запросы как в дафтаре (канцелярии. — Авт.), так и у тех, кто ежедневно распределял провизию»⁴⁷.

Таким образом, в сражении у Панипата Ахмад-шах имел под своим командованием около 80 тыс. регулярных войск и, возможно, 200—300 тыс. нерегулярных; если даже число последних источники преувеличивают, все же несомненно, что это была самая большая армия, собиравшаяся под знаменами Ахмад-шаха. Однако отряды афганской регулярной армии составляли в ней всего около 10% общей численности армии.

По данным генерал-губернатора английской Ост-Индской компании Ванситарта, в 1767 г. во время очередного вторжения Ахмад-шаха в Индию афганское войско насчитывало 100 тыс. конных воинов. Цифра эта представляется нам преувеличенной; несомненно ближе к истине А. Доу, который говорит, что в армии Дуррани в этом походе было всего 50 тыс. всадников⁴⁸.

О численности армии Тимур-шаха мы имеем сравнительно немного сведений. Дж. Форстер пишет, что армия Тимур-шаха была значительно меньше армии его отца и состояла из 30 тыс. человек, главным образом кавалеристов. В постоянной боевой готовности находилась только гвардия, вокруг которой во время войны группировались дружины ханов и ополчения племен⁴⁹. Хрисанф определяет численность войск Тимур-шаха, находившихся в постоянной боевой готовности, в 20 тыс. человек⁵⁰. Основным ядром его гвардии был отряд из 12 тыс. конных кызылбашей под командой сардара Мухаммад-хана Баята. Можно полагать, что Тимур-шах собирал под свои знамена одновременно не больше 60—70 тыс. человек. Армию такой численности он повел в 1789 г. на Бахавалпур⁵¹. Что же касается

утверждения Абдул Карима Бухари, что в поход против Шах Мурада Бухарского после завоевания последним Мерва Тимур-шах якобы повел 150 тыс. человек⁵², то оно ничем не обосновано и приведенная им цифра является, безусловно, преувеличенной. Донесение английского разведчика из Кабула осенью 1788 г. о том, что против Шах Мурада был послан Абдул Латиф-хан с 40 тыс. кавалеристов, ближе к истине⁵³. Вооруженные силы Ахмад-шаха, несомненно, превосходили армии его преемников. Рафаил Данибегов, например, считает что афганская армия на рубеже XVIII—XIX вв. насчитывала 50 тыс. человек⁵⁴. По данным Гулам Сарвара, в регулярной армии шаха Замана в начале его правления имелось 68 830 воинов; из них 35 750 человек были размещены по вилайетам, а остальные были расквартированы в центре государства. Столичный гарнизон состоял из 7 отрядов «рисала» (всего 23 300 человек), которыми командовали приближенные шаха, и «даста» его гуламов численностью в 9780 человек. Фаиз Мухаммад пишет, что армия шаха Замана состояла из 12 тыс. гуламов и 12 тыс. конных стражников, охранявших дворец и гарем шаха. Кроме того, в армии шаха имелись отряды конных воинов-белуджей и контингенты племен тарин, андари и других, которые «постоянно находились у стремени шаха» (численность этих отрядов не приводится), а также 30 тыс. всадников, набранных из других племен Кандагарского вилайета, которыми командовали их ханы⁵⁵.

Во время вторжения в Панджаб в 1797 г. шах Заман имел с собой 80 тыс. кавалеристов и пехотинцев, 700 замбуреков и 63 других орудия, однако его собственные регулярные отряды составляли только часть этих сил.

Об относительно небольшой численности войск Замана можно судить также по дошедшим до нас описаниям его походов в Индию.

Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами империи Дуррани был шах. Непосредственное руководство армией он осуществлял через командующего — «сипахсалара», в ведении которого находились военная канцелярия — «дафтар-и низам», интендантство и арсенал. Во времена Ахмад-шаха сипахсаларом был Джехан-хан Попользай. Иногда главнокомандующему присваивался почетный титул «сардар-и сардаран», т. е. сардар сардаров.

Важнейшим из военных учреждений державы Дуррани являлась военная канцелярия. Она ведала учетом личного состава регулярной армии, армейским казначейством и запасами, занималась выдачей продовольствия из государственных складов и снабжением армии всем необходимым. Начальником этой канцелярии был чиновник, который при преемниках Ахмад-шаха назывался «лашкарневис»⁵⁶.

Именные списки всех воинских отрядов хранились в специальной канцелярии, называемой «сан-чахра».

Снабжение войск провиантом и фуражом находилось в руках особого чиновника — «союрсатчи-баши», который собирал в некоторых, специально выделенных районах налоги натурой, шедшие на нужды армии.

В первые годы правления Ахмад-шаха в его армии отсутствовала хорошо организованная интендантская служба, из-за чего солдаты во время походов часто страдали от голода и холода. Известно, что войско Ахмад-шаха понесло огромный урон из-за морозов во время отступления в Герат после неудачной осады Нишапура. Только во время ночевки в Кафиркала от холода погибло 8 тыс. человек⁵⁷. Голод — следствие плохой организации снабжения — был одной из причин, заставивший афганские войска в 1750 г. отказаться от похода на Астрабад и отступить к Кандагару⁵⁸.

Ахмад-шах учел эти неудачи и в последующих походах уделял значительно больше внимания вопросам снабжения армии всем необходимым; историки свидетельствуют, что во время кампании, закончившейся битвой у Панипата, Ахмад-шах следил за тем, чтобы хлеб был «обильным и дешевым на лагерных базарах».

«Кур-хана» (арсенал) находился в ведении «курчи-баши», отвечавшего за изготовление и снабжение армии холодным и огнестрельным оружием, а также за его хранение и ремонт. В Кандагаре имелись «барут-хана» — мастерские, изготавливавшие порох.

Военный суд находился в руках «казиаскеров» — военных судей, исполнявших примерно те же функции, что и гражданские судьи. Нередко для поддержания воинской дисциплины применялись самые суровые наказания. Провинившимся солдатам отрезали носы и водили их в таком виде по лагерю в наказание другим. Телесным наказаниям подвергались не только солдаты, но и военачальники, включая самых высоких. В армии имелись также «мухтасибы», наблюдавшие за тем, чтобы военнослужащие исполняли все предписания шариата.

Отсутствие строгого разделения функций между отдельными ведомствами государственного управления приводило к тому, что на военные должности часто назначались гражданские чиновники и придворные. Так, Шах Пасанд-хан, являвшийся чиновником («даругой») конюшен Ахмад-шаха, в битве под Панипатом командовал 12-тысячным кавалерийским корпусом⁵⁹, состоявшим из афганцев, кызылбашей, узбеков и чар-аймаков.

Следствие того, что большую часть армии составляли нерегулярные части, важную роль в военном управлении играл вазират финансов, осуществлявший учет всех этих частей. Периодически производились смотры оружия и лошадей: от результатов этих смотров зависело жалование командиров нерегулярных отрядов, подотчетных вазирату финансов. Этому же ведомству частично подчинялся союрсатчи-баши.

Во время походов командиры отдельных частей выполняли приказы шаха или поставленного им во главе армии военачальника. В мирное время войска, стоявшие гарнизоном в столице, подчинялись шаху или сипахсалару. Во главе войск, расположенных в вилайетах, обычно находился назначенный шахом командующий — «амирлашкар», который подчинялся как центру, так и приказам хакимов и их найбов (заместителей).

Гарнизонами крупных крепостей командовали «каладары».

По данным Гулам Сарвара, в конце XVIII в. в империи Дуррани имелось 195 крепостей, не считая множества фортов и мелких укрепленных пунктов («котла», или «кот»). Помимо крепостей, построенных во времена Моголов и Сефевидов, в афганских владениях были крепости, возведенные шахами Дуррани. Известно, что Ахмад-шах, например, построил крепости в Таш-Кургане (Хульм) и около Мешхеда⁶⁰.

Для несения гарнизонной службы назначались части регулярной армии вместе с вспомогательными контингентами нерегулярной пехоты; в больших крепостях обязательно размещался отряд артиллеристов с несколькими орудиями.

Сведений о жалованье, которое выплачивалось офицерам и солдатам регулярной армии шахов Дуррани, у нас немного. Командиры регулярной армии, имевшие «мансаб» (чин) «дах-баши» и выше, в конце XVIII в. получали половину жалованья деньгами, а вместо второй половины им выдавался «джагир»⁶¹. Наличные деньги им выплачивались один-два раза в год. Размер жалованья и величина джагиров увеличивались по мере продвижения военачальника по службе и колебались в денежном выражении в пределах от 100 до 1 тыс. туманов в год. Из фирмана шаха Замана от 1212 г. х. (1797), выданного на имя кулларагаси Мухаммад Амир-хана, мы знаем, что военачальники этого ранга, т. е. командиры «даста» шахской гвардии, получали в конце XVIII в. 200 туманов в год⁶² — примерно в 20 раз больше, чем рядовые гвардейцы. Во времена Ахмад-шаха командиры получали, видимо, меньше, так как имеются сведения, что жалованье офицерскому составу армии было увеличено в годы правления Тимур-шаха. (Надо, впрочем, учитывать также падение стоимости денег в конце XVIII в.)

Величина джагиров и условия, на которых они выдавались военачальникам шахов Дуррани (а также гражданским чиновникам, придворным а иногда и рядовым воинам), были различны. В джагир жаловались как небольшие участки земли, так и целые махалы (округа) с населением в десятки тысяч человек.

Самые крупные земельные и иные пожалования давались в завоеванных провинциях Индии: весь махал Хасан-Абдала, например, был отдан в джагир Музаффар-хану Юсуфзаю, правителю Музаффарабада. Значительные джагиры получили афганские сардары в долине Кашмира. Известно, что многим сардарам-дуррани были также даны джагиры и в Кандагарском

вилайте. Шах Пасанд-хан, «мирахур» («конюший») шаха Махмуда, получил в джагир от этого государя весь округ Лаш; Шах Вали-хану, вазиру Ахмад-шаха, были пожалованы в джагир значительные участки орошаемых земель в Гульбахаре и т. д. Давались джагиры и могольским вельможам, перешедшим на службу к шахам Дуррани.

На основании данных, почерпнутых из доступных нам источников, можно выделить следующие основные виды джагиров, жалованных в эпоху шахов Дуррани: наследственное земельное пожалование, связанное с полным или частичным налоговым иммунитетом; пожалование (наследственное или ненаследственное), связанное с получением налоговых и податных сумм для государственной казны с той или иной территории, участка земли или оросительного канала. Взыскав эти суммы, джагирдар в зависимости от условий пожалования мог оставить их себе целиком или был обязан часть собранных денег отдать в казну. Так, некоторым из своих военачальников Ахмад-шах даровал налоговые поступления, которые причитались в Кандагарском вилайете с земель «ноу-абад» (вновь орошенных) и с каналов, сооруженных на средства отдельных лиц. Таким образом, теоретически джагирдарам этой категории принадлежало лишь «уступленное» им государством право собирать и обращать в свою пользу налог или часть налога с некоторых земель; пожалование (обычно на определенный срок) части налогов с тех или иных махалов или вилайетов, которое выплачивалось джагирдару правителем этих областей по специальным бератам, выписанным «высочайшим диваном». Известно, что в 1791 г. Тимур-шах пожаловал могольскому принцу Мирзе Бахшу 200 тыс. рупий ежегодно из налоговых поступлений Мультана и Дера-Гази-хана. Шах Заман пожаловал 200 тыс. рупий из доходов Дера-Исмаил-хана Абдуррахим-хану, на дочери которого он был женат. Другому афганскому сардару была отдана в джагир часть налогов с Аттока⁶³. Налоги с некоторых районов на сумму, равную трем лакхам (300 тыс.) рупий в год, были отданы в джагир сардарам клана мухаммадзаев.

Пожалование, дававшееся не отдельным лицам, а целому племени, обычно выражалось в наделении племени землей. В некоторых случаях в распоряжение племени предоставлялись налоги (или их часть), собиравшиеся с районов, населенных неафганцами. Внутри племени дарованный шахом джагир делился между родами и семьями в соответствии с принципами родового права.

В джагир предоставлялась не только земля, налоги с различных территорий, но и вода, т. е. каналы и кяризы. Все восемнадцать каналов, снабжавших водой Балх, были розданы шахами Дуррани в джагир разным лицам. Известно, что один из этих каналов, пожалованных Ахмад-беку, старшему сыну эмира Клыч Али-хана, приносил доход в 70 тыс. рупий в год;

одновременно с джагиром Ахмад-бек получил титул «вали»⁶⁴.

До сих пор известен только один случай пожалования в джагир с полным налоговым иммунитетом земель, населенных пуштунами. Речь идет о долине Шол (Кветта), находившейся на территории племени какар. Эта плодородная долина, занимавшая площадь приблизительно в 100 кв. км, была вместе с лежащим южнее Мастунгом и расположенным на западном берегу р. Инд районом Харан-Даджель дана в джагир знаменитому беглербегу Белуджистана — Насир-хану Белуджу⁶⁵. Все эти земли были полностью изъяты из ведения налоговой администрации афганских шахов, а доходы с них шли в казну Насир-хана, за что он был обязан ежегодно посылать в Кашмир 1 тыс. пеших воинов.

Что касается жалования рядовым воинам регулярной армии, то, насколько нам известно, в военной канцелярии имелся поименный список воинов⁶⁶, по которому каждый из них получал деньги на свое содержание. Самое высокое жалование получали гвардейцы — гулам-шахи. М. Губар считает, что во времена Ахмад-шаха им ежемесячно выплачивалось наличными деньгами двенадцать рупий⁶⁷. Сумма большая, принимая во внимание, что, по свидетельствам путешественников, побывавших в Афганистане во второй половине XVIII в., за 1—2 рупии всадник со слугой могли питаться в течение 12—14 дней. Пехотинцы получали в два раза меньше — шесть рупий, вероятно, среди них существовали какие-то градации. Гвардейцы-туфангчи, по-видимому, оплачивались лучше других солдат-пехотинцев. На особом положении в отношении оплаты находились также замбурекчи (шахинчи).

При преемниках Ахмад-шаха жалование гвардейцам также выплачивалось из военной канцелярии наличными деньгами. Для кызылбашей — гуламов шаха Замана оно достигало 10—11 туманов в год. В конце XVIII в. пехотинцам, по данным Хрисанфа, платили около 4 рублей в месяц в переводе на русские деньги того времени⁶⁸. Полагавшееся жалование солдаты получали нерегулярно и не полностью, что заставляло их часто «продавать свою лошадь, оружие и одежду, чтобы прожить»; по этой же причине они были вынуждены заниматься ремеслами, торговлей и т. д.⁶⁹.

Иногда во время походов воинам выдавались деньги для покупки продовольствия. Так, в 1796 г. шах Заман, чтобы не допустить грабежей, которые могли озлобить местных жителей, выдал каждому солдату по 3 рупии на расходы в пути от Кабула до Аттока. Однако такие выдачи были исключением, и поэтому солдаты все нужное им отбирали у жителей. Дж. Форстер так описывает сцены, наблюдавшие им в окрестностях Акоры (близ Пешавара) в июле 1793 г.: афганские кавалеристы «наводнили страну, как туча саранчи... они врывались в каждую деревню, лежавшую на их пути, ели сами и кормили своих лошадей за счет жителей»⁷⁰.

Из частей нерегулярной армии на особо привилегированном положении в отношении оплаты находились воинские контингенты, выставлявшиеся племенем дуррани. На основании данных, почерпнутых Г. Роулинсоном из кандагарских архивов, условия военной службы ополченцев этого племени представляют в следующем виде.

С каждой из 6 тыс. джагир-кульба, пожалованных племенем дуррани, выставлялись два всадника, которые несли службу поочередно. Во время пребывания в шахских войсках всадник-дуррани получал 25 туманов, выплачивавшихся ему поквартально; из них 19 туманов выдавались наличными или бератом казначейства, а 6 туманов засчитывались при взимании правительственного налога. В год, когда он не призывался на службу или служил менее трех месяцев, он получал четвертую часть этого жалованья⁷¹.

Кроме того, дуррани получали ряд льгот и преимуществ, в частности, за пожалованные им земли они были обязаны посылать в армию шаха (в соответствии с количеством земли) меньшее, чем другие племена, число воинов⁷² и были освобождены от уплаты большей части налогов — земельного, со скота, «подымного» («ханадуи») и др.

Ополченцам других афганских племен обычно никакого жалованья государством не выплачивалось; тем не менее они охотно участвовали в военных походах, если эти походы сулили большую добычу. Английский агент в Кабуле Шейх Рахим-Али писал в конце XVIII в., что афганские «воины готовы идти в Индию без всякой оплаты, просто ради возможности грабежа». Автор «Нигар-нама-и Хинд», упоминая о воинах нерегулярных отрядов армии Дуррани, писал, что им разрешалось оставлять себе всю добычу, которая попадала в их руки, так как «никакого содержания от правительства они не получали». Иногда, впрочем, если ополченцев призывали на срок более трех месяцев, государство выплачивало им небольшое вознаграждение.

В отдельных случаях ополченцы получали небольшую сумму — около 5 рупий, которая собиралась в качестве чрезвычайного налога со всех жителей деревни. Существовал обычный снабжать зерном семьи ушедших в поход воинов, что входило в обязанности их рода. У некоторых племен Восточного Афганистана, если воин терял во время похода свою лошадь, ему возмещали ее стоимость из специального фонда, созданного из средств, полученных от штрафов или от специальных сборов. Стражники, выставлявшиеся ханами племен (которые были ответственны за безопасность дорог, горных проходов и переправ через реки), вознаграждались освобождением от уплаты земельного налога; иногда им давались участки земли или жаловалась часть налогов, собираемых в данной провинции, большинство которых обычно присваивалось ханом племени⁷³.

Гильзаи за охрану дорог между Кандагаром и Газни полу-

чали из собранных налогов около 40 тыс. рупий в год. Племена, жившие в районе Хайберского прохода, — оракзаи, афридии и шинвари, за охрану этого важнейшего пути в Индию были освобождены от уплаты налогов государству. Кроме того, эти племена получали джагиры в районе Пешавара, доход с которых равнялся 12 тыс. рупий в год. Известно, что шах Шуджа платил ханам хайберских племен 60 тыс. рупий в год⁷⁴. Общий доход этих племен от пожалованных им привилегий и джагиров к концу правления династии шахов Дуррани составлял 132 тыс. рупий в год. Если на дорогах все же происходили грабежи, ханы племен были обязаны возмещать потерпевшим понесенные ими убытки; стоимость похищенного имущества они взыскивали с людей, находившихся под их властью. Получая вознаграждение от правительства, племена в то же время взимали деньги с купцов и путешественников, проходивших через страну. Не платили ничего только солдаты охраны, сопровождавшей некоторые караваны. Для отдельных путников и небольших групп дороги все же оставались небезопасными⁷⁵.

Отряды иррегулярной пехоты, несшие гарнизонную службу в фортах, оплачивались из налогов того вилайета, где они располагались.

Дружины ханов племен содержались и снаряжались в бой за счет их командиров.

Военные колонисты, которых шахи Дуррани расселили на завоеванных территориях и которые были обязаны нести военную службу в дислоцированных там войсках, получали в качестве вознаграждения небольшой участок земли. В западных частях Дурранийской империи эти участки, в зависимости от их величины, назывались «заудж» («зоудже») или «фард». На первом из них можно было посеять 6 харваров зерна. Он предоставлялся конному воину. Фард равнялся половине зодудже, его получал пеший воин. Колонист свой надел обычно сдавал в аренду. Наделы были наследственными, т. е. переходили от отца к сыну. Подобные же земельные пожалования давались афганским колонистам в районах Балха и в северо-западной части Индии. Число таких военных поселений было значительным; только в окрестностях Балха по приказу Ахмад-шаха было поселено 5 тыс. афганцев-«нукаров». В вилайете Шикапур шахами Дуррани было поселено около 3 тыс. человек, получивших за свою службу наделы, называвшиеся «патта». Большое число афганцев из племени садозаев после 1752 г. было поселено Ахмад-шахом в провинции Мульта. Многочисленная афганская колония возникла также в Касуре, к югу от Лахора. После победы над маратхами в битве под Панипатом, Ахмад-шах поселил многих своих воинов в Индии, пожаловав им значительные земельные наделы⁷⁶.

В индийских вилайетах империи Дуррани, где знатным афганским сардарам шах иногда жаловал в джагир территории целых округов, сардары обычно не вели хозяйство, а доволь-

ствоваались сбором налогов. Они не вмешивались в дела крестьянских общин, сидевших на земле; поэтому земля здесь, как правило, оставалась в руках индийских общинников. Однако надо иметь в виду, что, хотя джагирдары имели право взимать с территорий, отданных им в джагир, только те налоги и сборы, которые причитались с них в казну, на практике они брали с крестьян максимум возможного. Именно поэтому в Панджабе, например, ненависть сикхов, бывших в основном крестьянами, направлялась в первую очередь против многочисленных джагирдаров⁷⁷.

* * *

Поскольку лишь небольшая часть войска шахов Дуррани состояла из профессиональных солдат, а основную массу воинов составляли земледельцы и скотоводы, которые не могли надолго отрываться от своего хозяйства и рассматривали службу под знаменами как своеобразный «отхожий промысел», то армию Ахмад-шаха и его преемников нельзя считать централизованным и регулярным войском. Афганская армия не была способна ни к продолжительным кампаниям, ни к борьбе с достаточно стойким и сильным противником, который выдерживал первые, обычно самые мощные удары афганских войск. Были и другие причины, которые обуславливали непродолжительный, скоротечный характер боевых операций армии афганских шахов, в частности отсутствие хорошо организованной интендантской службы. Надо также иметь в виду, что шахи Дуррани никогда не были уверены в прочности своего тыла и боялись надолго отрываться от своей основной базы — Афганистана.

Изучая военные походы Ахмад-шаха, мы не можем не обратить внимание на их быстротечность и стремление разгромить и рассеять противника в первых же сражениях. Третий поход Ахмад-шаха в Индию продолжался всего четыре месяца (декабрь 1751 — апрель 1752), четвертый — пять месяцев (ноябрь 1756 — апрель 1757), все остальные походы продолжались ненамного дольше. Исключение составляет только знаменитая кампания против маратхов, закончившаяся битвой под Панипатом, когда Ахмад-шах пробыл в Индии с октября 1759 по март 1761 г. (т. е. почти полтора года). Длительность походов преемников Ахмад-шаха — Тимур-шаха и шаха Замана редко превышала три-четыре месяца. В результате этого победы, одержанные на поле боя, не закреплялись и поражение противника не завершалось его полным разгромом.

Армия шахов Дуррани хорошо себя проявляла лишь в ходе непродолжительных военных кампаний, обещавших богатую добычу, но начинала терять боеспособность, когда поход затягивался и противник оказывал упорное сопротивление.

Так было, например, в последние годы правления Ахмад-ша-

ха, когда афганская армия столкнулась с выросшими и закалывшимися в боях отрядами сикхов. По имеющимся сведениям, в начале 1766 г. собранное Ахмад-шахом войско отказалось идти в Индию и потребовало, чтобы Ахмад-шах повел его на Иран⁷⁸. Определенное значение имело, очевидно, также то, что афганские сардары были в значительной мере удовлетворены богатой добычей, захваченной в предыдущих победоносных походах. Дж. Форстер писал, что воины Ахмад-шаха целыми отрядами покидали своего повелителя и уходили в Афганистан, так как они уже обогатились за счет грабежей в Индии⁷⁹.

Во время девятого похода Ахмад-шаха в Панджаб (декабрь 1768 — январь 1769) трудности борьбы с сикхами вызвали раздоры среди афганских сардаров. 12-тысячный афганский отряд ушел от Ахмад-шаха и повернул к Кабулу, что заставило шаха отказаться от продолжения похода. При отступлении в афганском войске вспыхнул бунт: лагерь шаха был разграблен и многие из его приближенных убиты.

Потеря большей части богатого Панджаба, которой овладели сикхи, пагубно сказалась на состоянии вооруженных сил шахов Дуррани, так как они лишились значительной части своих доходов. Дж. Форстер писал, что «скупость», т. е. недостаток средств у Тимур-шаха, больше всего отражалась на его регулярной армии⁸⁰. Вместе с тем вследствие процесса непрерывной феодальной децентрализации, в основе которой лежал рост крупного феодального землевладения ханов афганских племен, целые провинции стали постепенно выходить из-под контроля центральной власти. Одновременно происходило неуклонное «размывание» находившегося в распоряжении шаха фонда государственных земель, налоги с которых позволяли содержать шахскую гвардию. Это не могло не ослабить всю военную систему державы Дуррани. Источники отмечают относительную (по сравнению с эпохой Ахмад-шаха) военную слабость державы Дуррани в правление Тимур-шаха и шаха Замана. В этих условиях попытки преемников Ахмад-шаха укрепить центральную власть, сломить своеволие ханов афганских племен и положить конец феодальной децентрализации не могли увенчаться успехом.

В результате дальнейшего развития феодальных отношений в начале XIX в. в афганском обществе продолжался рост крупного феодального землевладения ханов племен, прежде всего племени дуррани, в котором усилилось неравенство: значительная часть прежде свободных общинников, потерявших свои земельные наделы, попала в зависимость от феодальной верхушки. Племенное ополчение дуррани, составлявшее костяк нерегулярной части афганской армии, все более теряло свое значение как боевая сила, и, наоборот, возрастала роль личных дружин крупнейших дурранийских ханов. В результате военная система государства Дуррани вступала во все более острое противоречие с изменившимися условиями.

К началу XIX в. изменилось и международное положение империи Дуррани. На севере страны в годы правления Шах Мурада Мангыта (1785—1800) усилилось бухарское ханство; на западе после многих лет феодальных смут Каджары объединили под своей властью большую часть Ирана; на юго-востоке, в Панджабе, сложилось сильное сикхское государство. Подрываемая изнутри восстаниями покоренных народов и непрерывной феодальной децентрализацией, держава Дуррани не имела сил отражать удары своих окрепших соседей, теряла одну провинцию за другой и в 1819 г. прекратила свое существование. Вместе с ней погибла и военная система, созданная в годы правления Ахмад-шаха.

После распада государства Дуррани на его обломках сложилось несколько самостоятельных афганских княжеств, сильнейшими из которых были Кабульское, Кандагарское, Гератское и Пешаварское. Объединение некоторых из них в единое государство произошло уже в новых исторических условиях.

Глава II

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ АФГАНИСТАНА В 20—70-е ГОДЫ XIX в.

В 20-е годы XIX в. появились предпосылки преодоления кризиса и новой политической консолидации. Феодалы нуждались в сильной центральной власти для подавления сопротивления эксплуатируемых ими крестьян, а жители городов и деревень были заинтересованы в прекращении кровавых феодальных распр и обеспечении безопасности страны¹.

Политическое объединение Афганистана проходило в упорной борьбе за независимость, против агрессии Англии и Ирана.

В этих условиях основной силой в борьбе за укрепление государственной власти и независимости, против сепаратизма феодалов и знати племен, за обеспечение условий для феодальной эксплуатации крестьян и ремесленников стала армия.

Большая заслуга в объединении Афганистана принадлежит эмиру Дост Мухаммад-хану (1826—1863), основателю династии Баракзаев, который стал в 1826 г. независимым правителем Кабула, укрепил армию и, опираясь на нее, начал последовательно проводить политику объединения афганских земель. Дост Мухаммад сурово карал непокорных феодалов, покровительствовал купечеству и боролся за безопасность торговли. В 30-е годы Дост Мухаммад подчинил своей власти Кохдаман, Джелалабад, Бамнан, Зурмат, Гардез и часть земель хазарейцев. В 1835 г. эмир предпринял попытку присоединить к своим владениям Пешаварское княжество, захваченное сикхами, но потерпел неудачу.

В борьбе за возвращение Пешавара Дост Мухаммад пытался заручиться поддержкой Англии, России и Ирана, куда в 1835—1836 гг. были направлены послы с просьбой содействовать присоединению Пешавара к владениям эмира. Однако этим планам не суждено было сбыться.

Усиление Кабульского княжества препятствовало осуществлению колониальных замыслов Англии на Среднем Востоке. Поэтому в 1838 г. Англия, используя в качестве предлога то, что Дост Мухаммад вел переговоры с прибывшей в Кабул русской миссией И. Виткевича, начала войну против Афганистана. Однако героическая борьба народов Афганистана привела к поражению английских войск в ходе первой англо-афган-

ской войны 1838—1842 гг., и Англия была вынуждена вывести свои войска из страны. В начале 1843 г. английские колоннальные власти разрешили эмиру Дост Мухаммаду, который был пленен ими и находился в Индии, вернуться на родину.

В период своего второго правления (1843—1863) эмир Дост Мухаммад продолжал политику объединения страны. Опираясь на армию, укреплению которой он уделял особенное внимание и которую он реорганизовал в 1847 г., Дост Мухаммад подавил восстание гильзайских ханов, а в 1849—1851 гг. завоевал Балх, Хульм и Акчу на левобережье Амударьи. В 1855 г. он присоединил к своим владениям Кандагар. В 1858 г. эмирские войска предприняли поход на север Афганистана, в Каттаган, и захватили крепости Кундуз, Баглан, Гури. В 1859 г. был подчинен Бадахшан. Большим успехом эмира Дост Мухаммада явилось присоединение в 1863 г. Герата.

Однако после смерти Дост Мухаммада в 1863 г. в стране вспыхнули феодальные распри, показавшие непрочность воссозданного афганского государства. Сепаратизм феодальной знати был еще не сломлен, экономические связи между различными районами страны оставались слабыми, не было единого государственного аппарата и боеспособной армии.

В конце 60-х годов кризис был преодолен. В 1869 г. на кабульском троне утвердился Шер Али-хан, сын Дост Мухаммада, который установил свою власть над территориями, входившими в государство его отца.

Шер Али-хан провел ряд реформ, способствовавших прогрессу страны, поощрял ремесленное производство, организовал дорожное строительство, а также строительство государственных зданий, учредил почту. В 1873 г. вышла в свет первая афганская газета «Шамс ан-нахар».

Реформы Шер Али-хана способствовали оживлению экономической жизни, укреплению государственных финансов и армии. Основную роль в консолидации центральной власти играли армия, полиция, чиновничий аппарат, на содержание которых шла основная часть государственных доходов.

В конце 70-х годов XIX в. Англия усилила политический и дипломатический нажим на Афганистан, стремясь полностью поставить его под свой контроль. В 1877 г. в Пешаваре во время переговоров между представителями эмира и Англии английский представитель потребовал от эмира согласия на фактическое установление контроля над внешней политикой Афганистана и открытие страны для английских официальных и неофициальных лиц². Эти требования были отклонены афганской стороной. Отношения между Афганистаном и Англией резко обострились.

В ноябре 1878 г. англичане начали новую англо-афганскую войну. Английские войска заняли Кандагар, Джелалабад и часть Южной провинции Афганистана. Эмир Шер Али-хан передал власть своему сыну Якуб-хану, а сам выехал на север,

где в начале 1879 г. заболел и умер. Новый эмир, Якуб-хан, в мае 1879 г. заключил с англичанами в местечке Гандамак навязанный ему мирный договор, по условиям которого Афганистан превращался в зависимое от Англии государство, лишенное возможности самостоятельно вести внешние сношения. К Британской Индии отходили юго-западные области Афганистана. В Кабуле учреждалась английская резидентура.

Кабальные условия Гандамакского договора и бесчинства оккупантов вызвали возмущение народов Афганистана. 3 сентября 1879 г. в Кабуле началось восстание. Повстанцы уничтожили охрану английского резидента Каваньяри и убили его самого. Эмир Якуб-хан бежал. К концу года народное восстание охватило всю страну. Англичане оказались запертыми в нескольких укрепленных пунктах, и положение их стало критическим. В июле 1880 г. у местечка Майванд вблизи Кандагара афганские войска нанесли крупное поражение оккупантам. Англия была вынуждена вывести войска из страны и признать правителем Афганистана Абдуррахман-хана, племянника эмира Шер Али-хана. Однако Англии удалось навязать новому эмиру договор, согласно которому он мог вести внешние сношения только при посредстве вице-короля Британской Индии.

* * *

Социально-экономическая и политическая ситуация, существовавшая в Афганистане в 20—70-е годы XIX в., оказывала непосредственное влияние на состояние вооруженных сил.

В первой половине XIX в. армия была представлена в основном феодальным ополчением³. Отряды ополчения возглавлялись феодалами и вождями племен, которые выставляли определенное количество воинов на основании различных феодальных повинностей.

Крупные феодалы обычно имели собственное небольшое постоянное войско (подобие дружины) или отряд, состоявший из лично зависимых от феодала воинов или наемников. За службу солдатам жаловались небольшие земельные участки, пастбища или льготы в торговле⁴. Иногда солдаты получали небольшое жалованье, которое выдавалось феодалами нерегулярно и не имело установленного размера. Этих денег на пропитание и покупку необходимого военного снаряжения обычно солдатам не хватало.

Существовавшая военная система не могла удовлетворять эмиров Афганистана. Зависимость от феодальных ополчений мешала политике объединения страны. Действительность настоятельно требовала создания постоянной армии, которая могла бы стать прочной опорой в проведении как внешней, так и внутренней политики эмира.

Как уже говорилось, в начале 30-х годов XIX в. на кабульском престоле прочно укрепился Дост Мухаммад. Номинально

он сосредоточил в своих руках управление всеми вооруженными силами. Эмиру подчинялись командиры дружин феодалов и вождей племен. Четкого разграничения между гражданской и военной властью не существовало. Во главе провинций эмир Дост Мухаммад поставил своих сыновей, которые сосредоточили в своих руках всю полноту власти на местах.

Эмир нуждался в постоянной военной силе, которая находилась бы под его полным контролем. Дост Мухаммад стремился заменить ненадежные дружины отдельных феодалов и ополчения вождей племен постоянным наемным войском⁵. «Уже в период своего правления он (Дост Мухаммад. — Авт.) создал соединение регулярных войск с помощью индийца Наиба Абдус-самад-хана. Это соединение в 1835 году участвовало в Кандагарском бою против шаха Шуджи»⁶.

Процесс создания афганской армии непосредственно связан с системой устройства вооруженных сил Кабульского княжества, которые впоследствии стали ядром будущей регулярной армии Афганистана.

Основным способом комплектования армии в Афганистане в начале XIX в. было условное пожалование за службу земельных наделов, джагиров или тиулей, которые давались под обязательство выставлять определенный контингент конного ополчения. Практика предоставления земельных наделов за службу в армии была широко распространена в Афганистане⁷.

Другим источником для содержания армии были бераты, т. е. переводные чеки, разовые приказы на сбор части налогов в оплату жалованья или на предоставление фуража и зерна для эмирской армии в виде своеобразного «пайка».

В 30-е годы XIX в. эмир Дост Мухаммад впервые в Афганистане сделал попытку отказаться от тиулей и джагиров и ввел новую систему комплектования армии, которая, по сведениям А. Бернса, носила название «амлеи»⁸. Сеид Касем Риштия определяет новую систему термином «амал-и саркари»⁹. Воины «амалы» были кавалеристами, имели казенных лошадей и получали жалованье, выплачиваемое из казны государства. Такая система комплектования армии позволила создать войско, ставшее прообразом регулярной армии Афганистана 50—60-х годов XIX в.

В 30-х годах эмиру Дост Мухаммаду удалось создать значительную для своего времени армию, и, как отмечал А. Бернс, в 1832 г. армия Дост Мухаммада превосходила по своим размерам армии других афганских правителей.

В 1838 г. в кабульской армии было около 2,5 тыс. пехотинцев, так называемых джазаирчи, вооруженных мушкетами с сошкой, и 12—13 тыс. кавалеристов, в числе которых было около тысячи кызылбашей.

Для управления и обучения армии необходим был офицерский корпус, но твердой системы комплектования армии офицерами не было. Высшие офицерские должности, как правило,

занимали родственники или сыновья эмира. Одно время командующим армией был сын эмира вазир Акбар-хан. Во время второго правления Дост Мухаммада армией командовал генерал Фарамарз-хан¹⁰. Кроме того, в армии был отдельный командующий артиллерией — «тупчи-баши». Во главе частей и подразделений часто оказывались эмирские слуги и евнухи, крупные феодалы и представители родо-племенной знати. При назначении на офицерские должности решающую роль играли протекция, деньги и феодальные привилегии. Часть младших офицеров выслуживалась из солдат.

Эмир Дост Мухаммад пытался ликвидировать нехватку офицерского состава за счет привлечения на службу иностранцев. Например, эмир предложил Александру Бернсу, который посетил Кабул в 30-х годах, генеральское звание и должность командующего афганскими войсками.

В период правления Дост Мухаммада в афганской армии служили несколько иностранцев-офицеров. Среди них необходимо выделить англичанина Кэмпбелла, который был захвачен Дост Мухаммадом в плен во время войны с Шахом Шуджой ул-Мулком в 1834 г., затем был назначен военным советником и адъютантом эмира, а также инструктором артиллерии. Позже Кэмпбелл стал генералом, принял ислам и под именем Шер Мухаммад-хана командовал афганскими войсками в Балхе¹¹.

В армии Дост Мухаммада служил американец Харлан, который в 1835 г. дезертировал из армии Ранджит Сингха и поступил на службу к афганскому эмиру. В Кабуле Харлан обучал афганские войска европейской тактике, а затем стал адъютантом Дост Мухаммада, который произвел его в генералы¹². На службе у Дост Мухаммада были и европейцы: полковник Лесли (под именем Ретрей) и француз Арго, который дезертировал из сикхской армии в 1836 г., а в афганской армии командовал полком¹³.

Дост Мухаммад привлекал в свою армию также иранцев и индийцев, прошедших европейскую военную подготовку, таких, как Салех Мухаммад, который был субадаром (капитаном) в индийской колониальной армии. Вначале он служил инструктором, а затем стал командующим афганской армией.

После первой англо-афганской войны, когда в 1843 г. Дост Мухаммад вновь стал правителем страны, он начал свою деятельность с реформ управления и создания новой армии. Им было сформировано пять батальонов регулярных войск по 800 человек в каждом батальоне, которые составили ядро его армии¹⁴.

Активная деятельность Дост Мухаммада в последующие годы принесла определенные плоды: численность афганской армии возросла, улучшилось ее обучение. Но задачи, которые ставил перед собой Дост Мухаммад, — укрепление государственной власти, подчинение крупных феодалов, расширение терри-

тории своих владений и т. п.—требовали большой регулярной армии. Поэтому, приступая в 50-х годах к ее созданию, эмир Дост Мухаммад мобилизовал внутренние ресурсы и использовал английскую помощь.

Большая регулярная армия отвечала интересам не только эмира, который нуждался в военной силе для укрепления своей власти. Известно, что Англия намеревалась использовать Афганистан и его армию против России.

За счет включения в состав Афганистана новых территорий расширилась база призыва в армию. Н. В. Ханыков писал, что до присоединения Кандагара эмир Дост Мухаммад мог собрать до 40 тыс. воинов, а после присоединения этого города в 1855 г. эмир получил возможность увеличить это число до 75 тыс.¹⁵.

В 1858 г. регулярная армия имела 16 полков пехоты 8-сотенного состава (12 800 человек) и три полка кавалерии 3-сотенного состава при 80 орудиях¹⁶.

Набор в эмирскую армию проводился «самым худшим способом, а именно: годные на вид люди брались насильно и совершенно произвольно»¹⁷. А. Гамильтон отмечает, что система набора рекрутов в афганскую армию в середине XIX в. была крайне неудовлетворительной. Общей воинской повинности не существовало. Набор в армию всех пригодных к службе молодых людей проводился в насильственном порядке. Новобранцы должны были нести службу под страхом тюремного заключения и разорения семей¹⁸.

В это же время Дост Мухаммад предпринял попытку ввести новую систему регулярной выдачи жалования солдатам. По этой системе солдаты ежегодно получали из казны деньги; кроме того, им выдавалось зерно, сено, скот, одежда и мыло. Деньги солдатам должны были выплачивать сборщики налогов, а продукты доставлять деревенские старосты по нарядам от казначейства¹⁹. Однако и после введения этой системы материальное положение солдат не улучшилось. Особенно тяжелым оно было в районах со слабо развитым сельским хозяйством.

В целом содержание постоянной армии было тяжелым бременем для государства и составляло большую часть государственных расходов. Для удовлетворения военных нужд уже в 30-х годах XIX в. эмир Дост Мухаммад увеличил налоги и принудил купечество давать крупные денежные ссуды на военные нужды. Эта мера вызвала недовольство некоторой части купечества²⁰.

В период своего второго правления Дост Мухаммад вновь увеличил военные расходы. Так, согласно имеющимся данным за 1863 г., из общей суммы расходов эмира Дост Мухаммада в том году в 710 тыс. ф. ст. на армию было израсходовано 430 тыс., или 61%²¹. Важным источником покрытия военных расходов была английская субсидия, которая выплачи-

васась эмиру Дост Мухаммаду в качестве компенсации за его лояльность по отношению к правительству Британской Индии.

Правители отдельных княжеств Афганистана также начали создавать свои постоянные армии. В 50—60-е годы войска, получавшие жалование от государства, имелись в Кандагаре, Герате и Балхе.

Так как экономические возможности отдельных афганских правителей (за исключением правителя Кабула) были примерно одинаковыми, то и возможности содержать постоянное наемное войско у них были равными. Постоянное войско правителя Герата Султан Ахмед-хана, который признавал зависимость от Ирана, в 60-е годы насчитывало около 5 тыс. человек. Л. Н. Соболев отмечает, что в регулярных войсках Герата было 2500 пехотинцев и 2250 кавалеристов²².

Постоянные войска Кандагара и Балха насчитывали примерно по 5—6 тыс. человек.

Политическая и экономическая раздробленность мешала созданию единой афганской армии и значительно ослабляла силы афганцев. Завершение в конце 50-х начале 60-х годов объединения страны создало предпосылки для формирования единой централизованной армии, но они были реализованы значительно позднее.

В период правления эмира Шер Али-хана возникла настоятельная необходимость в создании единого централизованного государства, в ослаблении сепаратистских тенденций вождей племен и крупных феодалов, в обеспечении защиты страны от внешнего врага. Для осуществления этих задач правительство нуждалось в хорошо обученной и оснащенной постоянной армии²³.

В военной области перед Шер Али-ханом стояла та же задача, что и перед Дост Мухаммадом, но в несколько иных исторических условиях. Если Дост Мухаммад, опираясь на армию, добивался объединения страны, то Шер Али-хану предстояло укрепить центральную власть, сломить сопротивление местных феодалов и добиться более прочного административного, политического и экономического единства в рамках нового государственного объединения, обеспечить оборону страны перед лицом возросшей опасности извне, особенно со стороны Англии.

В этих целях Шер Али-хан первоначально планировал создать регулярную армию, численность которой достигла бы 26 тыс. человек²⁴. Для этого нужны были не только деньги, но и оружие, инструкторы; надо было разработать уставы и наставления. Не имея возможности самостоятельно решить столь сложную задачу, эмир вынужден был обратиться за помощью к Англии. В марте 1869 г. после переговоров Шер Али с лордом Майо в индийском городе Амбала Англия предоставила Афганистану военную помощь. Англичане передали эмиру 600 тысяч рупий, 6500 мушкетов, четыре 18-фунтовые осадные пушки, две

гаубицы калибра 200 мм и батарею из шести 3-фунтовых горных пушек²⁵. Несмотря на помощь Англии, денег и оружия не хватало. Эмир потребовал, чтобы население сдавало в казну металлические изделия²⁶. Был организован сбор домашней утвари. Эмир делал все, чтобы увеличить налоговые поступления из провинций²⁷.

Социальной опорой своей власти Шер Али стремился сделать служилое сословие. Видные гражданские и военные государственные посты, которые по традиции распределялись по принципу принадлежности к тому или иному клану или роду, были отданы людям без веса и влияния, но зависимым от эмира²⁸.

При переходе к регулярной армии прежде всего изменились принципы комплектования. Шер Али-хан пытался ввести систему рекрутских наборов, аналогичную европейской. Для того чтобы показать пример своим вассалам, Шер Али-хан зачислил в армию своих сыновей, но желающих последовать этому примеру оказалось мало. Ханы племен не прислали к нему не только своих родственников, но и солдат для регулярной армии²⁹.

В конце 70-х годов, в период обострения отношений с Англией эмир провел рекрутский набор в армию. Было призвано 60—65 тыс. человек³⁰. Шер Али-хан также предпринял меры против комплектования отдельных частей выходцами из одного района или представителями одного племени. Правительство распределяло рекрутов по воинским частям «без учета племенного и семейного родства»³¹.

Такие насильственные меры комплектования армии при относительной слабости государственного аппарата не привели к желаемому результату. Среди афганского населения, которое вообще по воинские повинности смотрело как на зло, эти меры вызывали глубокое недовольство и в какой-то степени явились причиной того, что Шер Али-хан не смог организовать отпор английским войскам в 1878 г.

Эмир Абдуррахман-хан (1880—1901) в своей автобиографии писал, что «самым большим недостатком в организации армии Шер Али-хана была принудительная вербовка на службу»³².

И все же Шер Али-хану в конце 70-х годов удалось значительно увеличить постоянную армию.

По данным Л. Н. Соболева, в 1878 г. афганская регулярная армия насчитывала 50 тыс. человек³³. Полковник Н. И. Гродеков, побывавший в 1875—1879 гг. в Афганистане, отмечал, что регулярные войска эмира Шер Али-хана насчитывали 40—45 тыс. человек³⁴.

По английским официальным данным, армия Шер Али-хана накануне второй англо-афганской войны насчитывала 20 тыс. в Кабуле, 6 тыс. в Кандагаре, 25 тыс. в Герате и Туркестане, т. е. всего 51 тыс. человек³⁵.

Сам эмир Шер Али-хан утверждал, что в 1879 г. у него имелась 60-тысячная регулярная армия³⁶.

Афганский историк Какар со ссылкой на английские источники определяет численность регулярной армии Шер Али-хана в 56 тыс. человек³⁷. С. К. Риштия писал, что в конце правления Шер Али-хана регулярная армия насчитывала примерно 60—80 тыс. человек³⁸. Мир Гулам Мухаммад Губар отмечал, что армия эмира Шер Али-хана имела примерно 50 тыс. воинов, была регулярной, а солдаты служили постоянно и пожизненно и размещалась в Кабуле, Нанграхаре, Пакти, Кандагаре, Герате, Маймане, Балхе и в приграничных районах Афганистана³⁹.

Таким образом можно сказать, что Шер Али-хану удалось создать сравнительно многочисленную регулярную армию, насчитывающую 50—60 тыс. человек.

Для увеличения численности регулярной армии в 70-е годы эмир перевел часть иррегулярных войск (включая личные отряды сардаров) в регулярные и стал оплачивать их расходы из казны. Деньги солдатам регулярной армии выдавались лично командующими в присутствии командиров батальонов. Солдаты регулярной кавалерии получали по 26 рупий в месяц, и на эти деньги они обязаны были кормить себя, свою лошадь, а также одеваться⁴⁰.

Часто вместо денег солдатам платили хлебом или же выдавали ссуды продуктами по местным ценам. Зачастую солдаты, не имея возможности покупать себе пропитание, добывали деньги путем открытого грабежа⁴¹. Н. И. Гродеков рассказывал, что командир отряда, который сопровождал его в Герат, «ходил по дворам и собирал по ложке масла, по горсти рису, щедро рассыпая побой и приказывая делать то же ходившим за ним солдатам. Вместо денег Шер Али-хан выдавал квитанции, в которых указывал на какую сумму забраны продукты. Квитанция представлялась обществом в казну для погашения следующих с него податей»⁴².

Нередко солдаты не получали никакого жалованья в течение нескольких месяцев. В связи с этим войска иногда выходили из повиновения. Например, в 1877 г. эмир уплатил своим войскам жалованье только за месяц; они взбунтовались и забросали камнями своего генерала. Порядок удалось восстановить только тогда, когда солдатам было обещано выплатить остальную часть недополученного жалованья⁴³.

В 1878 г. войска Чарвиляята не получили жалованья за полгода и отказались подчиняться своим командирам. Годом раньше два полка корнайлей Кауса и Ахмад-хана самовольно возвратились в Кабул к своим семьям. В 1878 г. отряд в 800 человек ушел домой из Туркестана, так и не получив жалованья⁴⁴.

Капитан Г. А. Арандаренко, посетивший Северный Афганистан в 70-х годах XIX в., писал, что «материальное положение чарвиляятских войск настолько же плохо, насколько жалко эко-

номическое убожество несчастного узбекского народа. Денег, очевидно, нет, продовольствия нет, а повсеместная реквизиция уже стала в формы, которые дают ей название грабежа. Берут у всех и все: берут провиант, берут фураж, берут топливо, берут живность и всякие съедобные продукты»⁴⁵. Из сказанного очевидно, что уровень материального обеспечения в афганской армии был довольно низким, и это отрицательно сказывалось на состоянии дисциплины в войсках.

При реорганизации вооруженных сил и создании регулярной армии были введены уставы, которые определяли обязанности военнослужащих и устанавливали дисциплинарную ответственность. Дисциплинарные взыскания в афганской армии были очень суровыми, власть офицеров над своими подчиненными была почти безгранична и были случаи, когда они безнаказанно даже убивали своих подчиненных⁴⁶.

За самовольный уход из части солдаты строго наказывались и «пойманного обыкновенно доставляли в войсковую часть со скрученными руками»⁴⁷. Дисциплина основывалась прежде всего на боязни наказания, на палочной муштре.

В 70-х годах вооруженные силы Афганистана кроме регулярных войск включали в себя и иррегулярные части. Общая численность иррегулярной кавалерии доходила до 80 тыс. человек, а пешего ополчения — до 50 тыс.⁴⁸.

По другим данным, иррегулярной кавалерии в стране насчитывалось до 20 тыс. человек⁴⁹. Единой системы организации ополчения не существовало. Оно могло быть создано в случае необходимости для борьбы с внешней агрессией. В армии Шер Али-хана кроме постоянных регулярных войск в провинциях имелись внутренние вспомогательные войска, так называемые хассадары, которые находились в распоряжении гражданских властей (губернаторов провинций) и представляли собой иррегулярные территориальные войска⁵⁰. Так как хассадары набирались из местного населения, то национальный состав их был очень пестрым⁵¹.

Несмотря на имевшиеся в первой половине XIX в. различия в военной организации отдельных афганских владений, общим для них являлось деление армейских формирований на три основных рода войск: пехоту, кавалерию и артиллерию. Роль и значение этих родов войск в армии, а также их организация в 30—70-е годы XIX в. претерпели определенную эволюцию, основные направления которой будут рассмотрены отдельно по каждому роду войск.

Пехота. В армиях афганских правителей пехота традиционно составляла незначительную часть армии и играла в ней второстепенную роль. В XIX в. новой тенденцией в развитии армии в Афганистане явился рост удельного веса и значения пехоты. Этому способствовали определенные внутренние и внешние факторы.

Содержание пехоты стоило государству гораздо дешевле,

чем кавалерии. Кроме того, набрать людей в пехоту из числа представителей неимущих классов за небольшое жалование было значительно легче. По мере развития феодальных отношений в афганском обществе появилась определенная прослойка неимущих, но лично свободных людей, которые охотно нанимались в армию. Вместе с тем наемная пехота находилась в полной зависимости от эмира и являлась надежной опорой его власти.

В начале XIX в. афганцы впервые столкнулись с обученной по-европейски армией, а позже, в период первой англо-афганской войны, и с англо-индийскими войсками, в которых преобладала пехота.

Феодальное ополчение, собиравшееся от случая к случаю, не могло служить базой для формирования регулярной пехоты, к которой предъявлялись несравненно более высокие требования в смысле боевой выучки, воспитания, организованности и оснащенности.

Не имея достаточного опыта в организации и обучении регулярной пехоты, афганцы были вынуждены прибегнуть к помощи иностранных инструкторов, которые, в свою очередь, оказывали определенное влияние на политику афганских правителей в вопросах формирования армии и придавали большее значение развитию пехоты и артиллерии.

Наемная регулярная пехота кабульской армии комплектовалась в основном из таджиков кабульского вилайета, так называемых парсиванов. Кохистанские таджики, по свидетельству А. Бернса, были известны в стране как «самые лучшие пехотинцы». В армии эмира Дост Мухаммада было два батальона регулярной пехоты, состоящей из парсиванов⁵².

Большое значение пехоте придавалось и в армии правителя Герата Яр Мухаммада, который сформировал восемь батальонов регулярной пехоты по 1 тыс. человек в каждом⁵³. Эти батальоны комплектовались парсиванами и хорошо показали себя на службе.

В 1833 г. правитель Кандагара Кохандиль-хан для реорганизации своей армии воспользовался услугами нескольких европейцев. В течение пяти лет европейские инструкторы подготовили отряд в 2 тыс. пехотинцев-афганцев⁵⁴.

В период второго правления Дост Мухаммада, в конце 50-х годов, афганцам впервые удалось сформировать значительный контингент регулярной пехоты. Это стало возможным в результате заключения второго Пешаварского договора с Англией от 26 января 1857 г. Дост Мухаммад создал пехоту численностью в 18 тыс. человек, из которых 13 тыс. должны были служить в регулярной пехоте, сведенной в 13 полков⁵⁵.

Эмир Шер Али при формировании регулярной армии также придавал первостепенное значение пехоте. В 1878 г. афганская пехота насчитывала 68 батальонов⁵⁶. По утверждению Н. И. Гродекова, в афганской пехоте было 50—60 батальонов⁵⁷.

Численность пехотного батальона в тот период колебалась в пределах 500—600 человек. В 70-х годах численность регулярной пехоты доходила до 37 тыс. человек⁵⁸, а по данным Л. Н. Соболева, она в конце 70-х годов должна была составлять 40 800 человек. В целом в конце 70-х годов в регулярной пехоте, по нашему мнению, служило около 35—40 тыс. человек и пехота составляла до 80% всей армии.

При переходе к регулярной армии и увеличении численности пехоты афганское правительство встретилось с большими трудностями по обеспечению армии оружием. Часто разные полки имели на вооружении разные системы огнестрельного оружия. Иногда в одной части разные подразделения были вооружены неодинаково. Это сильно затрудняло обеспечение войск боеприпасами и вызывало трудности при обучении солдат.

В 70-х годах пехота была вооружена устаревшими ружьями, шашками и штыками или кабульской имитацией этого оружия. Некоторые роты были снабжены двухствольными ружьями. Отдельные батальоны имели на вооружении ружья, заряжавшиеся с казенной части⁵⁹.

Афганская регулярная пехота была обмундирована наподобие английской и в форме полков не было различий.

Пехота подразделялась на гвардейскую и армейскую. Дворцовая гвардия несла караулы в генерал-губернаторских резиденциях, а также могла быть использована для действий в поле⁶⁰.

Таким образом, в 60—70-х годах, после введения новой организации в афганской армии, а также в связи с заимствованием европейской (в частности, английской) тактики ведения боевых действий пехота стала основным родом войск, оттеснив кавалерию на второй план. Пехота получила стройную штатную организацию, увеличилась ее численность, улучшилось обучение.

Кавалерия. В армиях стран Среднего Востока по традиции преобладала кавалерия. В начале XIX в. иррегулярная кавалерия продолжала оставаться основным родом войск в афганской армии, составляя по некоторым данным около 90% ее общей численности⁶¹.

В 30-е годы XIX в. афганская кавалерия состояла преимущественно из иррегулярных воинских формирований, собиравшихся в случае начала военных действий. Кавалеристы прибывали на службу на собственных лошадях. Во время службы они получали денежное содержание от казны.

Кавалерия была вооружена преимущественно холодным оружием: мечами, кинжалами и пиками, хотя огнестрельное оружие тоже встречалось.

В период правления Дост Мухаммада в кабульской армии появились отряды постоянной кавалерии амаля⁶².

В конце 50-х годов эмир Дост Мухаммад сформировал три

полка регулярной кавалерии. Каждый полк насчитывал триста кавалеристов. Таким образом, в регулярной кавалерии насчитывалось всего около тысячи всадников. Но подавляющая масса кавалерии продолжала оставаться иррегулярной. Например, в гератской армии кавалеристы имели собственных лошадей и приобретали оружие за свой счет, но государство выплачивало им определенное жалованье⁶³. В 70-е годы часть иррегулярной кавалерии была переведена в регулярную и кавалеристы должны были служить в армии постоянно. Необходимо подчеркнуть, что название «регулярная» кавалерия в данном случае довольно условно, так как, несмотря на постоянную службу, кавалеристы не были на полном государственном обеспечении, что является одним из характерных признаков регулярной армии.

И хотя кавалерия постепенно вытеснялась пехотой, афганские эмиры сохраняли к ней традиционную привязанность. В период правления эмира Шер Али-хана численность постоянной кавалерии возросла и ее удельный вес в армии составил около 20% общей численности регулярных войск. По данным Л. Н. Соболева, накануне англо-афганской войны 1878—1880 гг. в кавалерии было 16 полков⁶⁴. По оценке Н. И. Гродекова, постоянная кавалерия в конце 70-х годов насчитывала приблизительно 20 полков. Общая численность кавалерии в афганской армии оставалась довольно значительной, так как наряду с постоянной кавалерией продолжала существовать иррегулярная. Например, в 1877 г. в гератском гарнизоне находилось 2 тыс. регулярной кавалерии и 4 тыс. иррегулярной⁶⁵.

По оценке А. Гамильтона, афганская кавалерия была «подражанием индийской легкой кавалерии, от которой были заимствованы даже седла и стремена»⁶⁶.

Кавалеристы были вооружены огнестрельным оружием: карабинами и пистолетами системы кольт, но вооружение было плохого качества и малоприспособлено для ведения боевых действий. Начальник штаба войск Сырдарьинской области, посетивший в 1879 г. северный Афганистан, отмечал, что «англичане не особенно позаботились о снабжении хорошим огнестрельным оружием, зная, что в критическую минуту оно легко может быть обращено против них самих»⁶⁷.

В конце 70-х годов афганский кавалерийский полк состоял из четырех, а в некоторых случаях из шести сотен. Во главе десяти рядовых стоял дафадар, который был вооружен карабином, саблей и пикой с флажком. Оружие рядовых состояло из карабинов и сабель⁶⁸.

Лошади являлись собственностью солдат. В случае потери лошади во время выполнения служебных обязанностей хозяину выдавалось из казны четыре тила в качестве компенсации. Однако этих денег было недостаточно для приобретения новой лошади, которая стоила 10 тила. Сбрую для лошадей покупали в Индии за казенный счет⁶⁹.

В кавалерии служили лишь люди достаточно состоятельные,

которые имели возможность приобрести коня и необходимую экипировку.

Дальнейшее развитие афганской регулярной армии привело к определенным изменениям в соотношении различных родов войск. Начиная с 60-х годов в связи с более широким использованием стрелкового оружия и артиллерии кавалерия постепенно стала терять свое назначение.

Артиллерия. В первой половине XIX в. артиллерия в афганской армии хотя и составляла отдельный род войск, но в мирное время артиллеристами не была полностью укомплектована. В известных нам источниках, относящихся к этому периоду, не содержится исчерпывающих сведений о численности артиллеристов в армии и о количестве артиллерийских орудий⁷⁰. Накануне первой англо-афганской войны в армии эмира Дост Мухаммада было, по данным Мохан Лола, 50 пушек и 200 замбурек⁷¹. А. Бернс сообщал, что в армии эмира было 45 пушек⁷². По другим данным, в армии эмира Дост Мухаммада было 28 пушек⁷³. Вартан Григорьян утверждает, что артиллерия афганцев состояла из 50—60 пригодных для стрельбы орудий, 40 из которых находились в Кабуле⁷⁴. На наш взгляд, вполне вероятно, что в артиллерии Дост Мухаммада насчитывалось примерно 30—50 орудий и значительное количество замбурек. Правители Кандагара и Герата также имели небольшой артиллерийский парк. Артиллерия правителя Герата Яр Мухаммад-хана состояла из 15 пушек — 6-, 8- и 12-фунтовых⁷⁵.

Не имея достаточно опытных артиллеристов и понимая важность артиллерии на поле боя, эмир Дост Мухаммад пытался привлечь в артиллерию иностранных инструкторов⁷⁶.

В целом, накануне войны 1838—1842 гг. афганская артиллерия находилась на крайне низком уровне. Артиллерийская прислуга не была подготовлена, обучение не проводилось, не были разработаны принципы применения артиллерии в бою. К тому времени замбуреки перестали играть сколько-нибудь заметную роль в бою и не могли соперничать с полевой артиллерией англичан.

Английский лейтенант Уорбартон в своем письме Макнотену от 15 августа 1841 г. дает следующую характеристику афганской артиллерии, захваченной в ходе первой англо-афганской войны: «При учете артиллерии, захваченной в Аргандабе, следует сказать, что орудия были самых разных калибров, в основном до 6 фунтов, одна была 17-фунтовая и несколько пушек калибра от 10 до 12 фунтов... В Аргандабе было оставлено 4270 шт. снарядов разного калибра... Ядра представляют собой отливки железа, вес которых невозможно определить без взвешивания. Большая часть они весили гораздо меньше ядер 6-фунтовых пушек... Говоря о других припасах, захваченных при Аргандабе, можно отметить их полную бесполезность, кроме металлических частей старых лафетов и осей, пригодных лишь в качестве железного сырья»⁷⁷.

Проблеме создания сильной артиллерии после первой англо-афганской войны, которая наглядно продемонстрировала отставание афганцев в артиллерии, впоследствии было уделено большое внимание.

В 50—60-х годах XIX в. численность афганской артиллерии была увеличена и несколько улучшено ее качество. Англичане передали эмиру Дост Мухаммаду в качестве дара несколько пушек; кроме того, эмир использовал часть английской субсидии на приобретение новых орудий. В 1858 г. в афганской армии было около 80 полевых пушек⁷⁸. Позже в афганской армии появились горные пушки и осадные орудия. А. Гамильтон утверждал, что в 60-х годах афганская артиллерия насчитывала 57 полевых, 4 горных и 2 тяжелых орудия и одну мортиру⁷⁹. Однако качество афганской артиллерии продолжало оставаться низким. Многие орудия были непригодны к стрельбе, снарядов не хватало, лафеты орудий были самых устарелых образцов. Наличие орудий имели разный калибр, что затрудняло или вообще делало невозможным их использование в связи с трудностями обеспечения боеприпасами.

Многое для улучшения афганской артиллерии было сделано эмиром Шер Али-ханом, который использовал для этой цели помощь англичан. И уже в конце 70-х годов англичане признают, что в этот период афганская артиллерия была в несколько лучше, чем прежде. Макман, например, отмечает, что «афганская армия не представляла никакой ценности как сила, за исключением артиллерии, которая так успешно разгромила генерала Барроуза при Майване»⁸⁰. В сражении при Майване участвовала артиллерия гератского гарнизона, которая была лучшей в армии Шер Али-хана. В 1878 г. в афганской армии уже насчитывалось около 300 орудий⁸¹.

Представляют интерес данные об артиллерии Герата в конце 70-х годов. В 1877 г. там было 51 орудие. На вооружении были в основном 6-фунтовые, заряжавшиеся с дула медные пушки английского и местного производства. Они стреляли гранатами и картечью. Дальность их стрельбы при использовании гранаты составляла 6 тыс. м. Были также старые 18-фунтовые пушки английского образца, 120- и 66-фунтовые мортиры⁸². Каждому пехотному батальону придавались 2 полевых орудия и 26 лошадей. В орудие впрягались 3 лошади, остальные использовались для перевозки боеприпасов и грузов. При каждом орудии имелись 3 зарядных ящика и повозки.

В конце 70-х годов в афганской артиллерии впервые была использована такая тактическая единица, как батарея. Артиллерия стала делиться на полевую, горную, крепостную и осадную. Для перевозки тяжелой артиллерии использовали слонов. Полевые орудия перевозились лошадьми, горные — мулами. Основным недостатком афганской армии была нехватка современных орудий и квалифицированных артиллеристов. Многие орудия к тому времени устарели или были плохого качества.

При переходе к регулярной армии большое значение приобретает обучение и воспитание войск. Впервые вопрос о боевой подготовке солдат афганской армии встал в период правления эмира Дост Мухаммада при формировании отрядов регулярной пехоты по европейскому образцу. Так как вопросы боевой подготовки были новыми для Афганистана, первоначально обучение отдельных частей осуществлялось иностранцами. При обучении пехоты основное внимание уделялось не тактике ведения боя в боевой обстановке, а одиночным строевым приемам и перестроениям в составе подразделений. При обучении тактике методы ведения боевых действий, принятые в европейских армиях того периода, механически переносились на афганскую почву.

В кавалерии основное внимание уделялось индивидуальной подготовке кавалеристов. Однако неумение действовать в составе подразделений в строю делало такую кавалерию малоэффективной, особенно в борьбе с регулярной английской кавалерией. Кавалеристы, которых называли «шамшири» («человек с саблей»), учились в основном владеть холодным оружием, в частности саблей. Пики они не применяли, вести залпового ружейного огня отдельными шеренгами не умели.

В первой половине XIX в. боевая подготовка артиллеристов не предусматривалась, так как в мирное время постоянных артиллерийских расчетов не существовало. В случае необходимости в артиллерию призывались ремесленники-оружейники. В ходе боевых действий артиллерия в основном использовалась для морального воздействия на противника. Поэтому прицельный огонь на поражение не велся, а осуществлялась стрельба по площадям.

В 1857 г. в Афганистане побывала английская военная миссия во главе с майором Лэмсденом. Члены этой миссии внесли ряд предложений по улучшению обучения регулярной пехоты Кандагара. Белью отмечает, что уже в то время афганские регулярные войска были одеты и обучены по английскому образцу. Английское обмундирование для армии закупал специальный правительственный агент в Пешаваре⁸³.

Единой системы боевой подготовки и обучения войск в армии не было. В конце 50-х годов XIX в. англичанин Кэмпбелл провел реорганизацию балхской армии, и «войска получили элементарные понятия о воинской дисциплине и тактике»⁸⁴. Однако эти нововведения не затронули всей афганской армии и даже там, где они были проведены, не привели к повышению уровня боевой подготовки и боеспособности армии. В частности, А. Гамильтон отмечал, что обучение кавалеристов совершенно не соответствовало назначению кавалерии. Кавалеристов обучали обыкновенному пешему строю, поскольку кони в летние месяцы были на выпасе и упражнения в верховой езде можно было проводить только в холодное время года⁸⁵.

При Шер Али-хане в афганской армии были введены анг-

лийские военные уставы. Это несомненно сказалось на общем состоянии афганской армии. Хотя уставы как-то способствовали улучшению боевой подготовки армии, они оказались недостаточно эффективными, так как использовались без учета ее национальных особенностей и опыта ведения боевых действий. Интересна оценка роли английских уставов и их практического применения в афганской армии, которую дал Н. И. Гродеков: «Несчастье армии Шер Али, независимо от того, что ею командовали офицеры из персиян, состоит в том, что этот государь ввел в ней английский устав. Англичане должны были радоваться этому. Дело в том, что Шер Али применил строевые уставы английской армии к своей самым педантичным образом, нисколько не принимая в соображение ни характера, ни особенностей афганца. Свободного горца влили в ту форму, какая годна для английского солдата, но совершенно не пригодна для него. И вышло, что молодец-афганец преобразился в карикатурный образ негодного английского солдата. Ловкого горца, способного к одиночным действиям, сковали по рукам и ногам, поставив в деревянный строй и лишив его возможности выказать свои способности в этого рода действиях. Устав учили, но не поняли его духа. Азиатца поражает в английской армии сомкнутость и стройность. И вот афганцы исключительно налегли на это. Известно, что войска на войне проделывают то, чему были выучены в мирное время. Афганские войска в этом смысле не исключение; оттого их и бить легко; это не ополчение, с которым борются уже полгода»⁸⁶.

При эмире Шер Али-хане определенную роль во введении новых основ военного дела сыграл Гази Абдул Кадыр Пешавари. Интересна судьба этого человека. Афганские ученые расходятся в определении его национальности. Одни считают, что он был афганцем из племени юсуфзаев, другие (и таких большинство) называют его англичанином, принявшим ислам. Абдул Кадыр Пешавари знал дари, пушту, урду и английский языки и участвовал в переводе военных уставов и статей на язык пушту. Абдул Кадыр пользовался особым расположением Шер Али-хана и состоял при дворе военным секретарем и управляющим военных заводов. Одной из заслуг Абдул Кадыра Пешавари явилось то, что он «придал организации вооруженных сил Афганистана афганский характер и выбрал вместо иностранных терминов термины на языке пушту для обозначения званий и порядков в афганской армии»⁸⁷.

В области боевой подготовки и обучения войск было достигнуто определенное единообразие и единое толкование отдельных положений военной службы.

Для обучения офицерского состава при Шер Али-хане была впервые создана военная школа⁸⁸, которая больше походила на курсы, так как основным предметом изучения был новый военный устав, переведенный Абдул Кадыром на языки пушту и дари. Устав включал в себя правила и положения воинской

службы, порядок построений при обучении войск и военные термины на языке пушту. Устав фактически являлся сборником наставлений, которые офицеры должны были читать солдатам. Он содержал темы боевой подготовки и учебные программы⁸⁹.

Несмотря на отмеченные недостатки и трудности, мероприятия по реорганизации афганской армии, проводившиеся эмиром Шер Али-ханом, положительно сказались на боевой подготовке армии. Интересные данные об обучении афганской армии приводит Л. Н. Соболев, который посетил северные районы Афганистана. «Каждый день два раза, утром и в полдень, людей выводили на ученье. С людьми проходят одиночное обучение, батальонное обучение и стрельбу в цель. Каждый нижний чин должен во время ученья выстрелить 10 раз в цель. На ученья должны присутствовать все нижние чины»⁹⁰. Большое внимание уделялось подготовке артиллеристов.

Л. Н. Соболев отмечал также, что в гератском гарнизоне, например, весьма часто в присутствии главнокомандующего производились стрельбы из английских пушек, заряжающихся с казенной части, а в программу обычных занятий гарнизона входила и стрельба из 6-фунтовых пушек.

В 70-х годах XIX в. в афганской армии начали уделять внимание идеологической подготовке личного состава. Главное место в этой подготовке занимала пропаганда верности исламу, эмиру и безропотного повиновения командирам и начальникам. Для проведения идеологической подготовки в штаты воинских частей были введены муллы.

Особое место уделялось пропаганде повиновения эмиру, который объявлялся хранителем «победоносной веры ислама». Солдат афганской регулярной армии воспитывали в религиозном духе: «Каждому солдату выдают по одному экземпляру Корана, который он обязан читать вне учения. Все солдаты, как только кончится учение, занимаются чтением этой книги на улицах, базарах. Каждая сотня солдат имеет одного муллу, который учит читать Коран... Накануне каждой пятницы главный мулла собирает весь батальон, читает ему Коран, говорит проповеди и молится за благоденствие их государя, эмира Афганистана, и его наследника. Так, по словам афганцев, поступают для того, чтобы не оставлять солдата без занятий, развивать его умственно и внушать ему повиновение к своему повелителю»⁹¹.

Несмотря на мероприятия, проведенные в целях улучшения боевой и идеологической подготовки, накануне второй англо-афганской войны как рядовой, так и командный состав афганской регулярной армии был все еще не готов к ведению боевых действий с таким сильным противником, как англичане. Армия уже лишилась тех особенностей, которые были ей присущи в конце XVIII — начале XIX в., но еще не сложилась как регулярная армия европейского типа. Поэтому в начальный период войны афганская регулярная армия терпела пораже-

ния. Позднее, после народного восстания в Кабуле, афганцы использовали традиционные формы горной партизанской войны и не раз добивались победы над противником. А. Гамильтон отмечал, что «под руководством вождей своих племен плохо дисциплинированные, но отчаянно храбрые афганцы сражались доблестно и с успехом»⁹².

В целом в конце рассматриваемого периода, особенно в результате реформаторской деятельности эмира Шер Али-хана, боевая подготовка армии была несколько улучшена. Были заложены основы новой системы обучения и воспитания войск и командных кадров. Основным недостатком обучения войск явилось то, что главное внимание уделялось показной стороне обучения войск, а не обучению тактике ведения боевых действий. Войска не имели достаточного опыта ведения боевых действий крупного масштаба.

Производство оружия и боеприпасов и обеспечение ими афганской армии становится одной из важнейших проблем Афганистана.

По мере укрепления экономики, особенно после создания централизованного афганского государства, появились предпосылки для развития производства оружия и боеприпасов.

В начале XIX в. в крупных городах — Кабуле, Кандагаре и Герате существовали мастерские по производству холодного оружия: кинжалов, ножей, копий, сабель и др. В стране было несколько мастерских по производству пороха, но огнестрельное оружие в основном ввозилось из-за границы.

В 30—40-е годы в Кабуле под руководством сына эмира Дост Мухаммада — Акбар-хана было налажено производство длинноствольных мушкетов. Они имели большую дальность стрельбы, чем мушкеты, которыми была вооружена в то время колониальная армия в Индии. Огонь из них велся с металлической сошки. В кабульских мастерских отливали также медные пушки и ядра к ним⁹³. Особенных успехов в изготовлении пушек в первой половине XIX в. добились оружейники Герата. Начало производства пушек в Герате было положено при Яр Мухаммад-хане Алькозае. Преемник Яр Мухаммада Шах Наваз-хан собрал многих ремесленников Герата и расширил литейные мастерские по производству пушек. В Герате изготавливались большие осадные орудия (кале куби) и полевые пушки. Одно из осадных орудий того периода сохранилось в Герате до наших дней и находится на территории старого гератского арка⁹⁴. Это орудие было отлито из бронзы мастером Ибрагимом по приказу эмира в 1862 г. х.⁹⁵

В середине XIX в. афганцы выпускали отдельные виды огнестрельного оружия, которое они копировали с иностранных образцов. По свидетельству Феррье, «огнестрельное оружие афганистанцев тяжелое и грубое, ударники затворов очень часто имеют дефекты. В основном это оружие турецкого типа с нарезками»⁹⁶.

Плохое качество и малое количество производимого в Афганистане оружия приводили к тому, что афганская армия почти полностью зависела от ввоза вооружения из Британской Индии⁹⁷.

Чтобы уменьшить зависимость от ввоза оружия из-за границы, эмир Шер Али-хан предпринял попытку наладить его производство на государственных предприятиях страны⁹⁸. Из Индии было ввезено оборудование для механических мастерских. Все пушки, изготовленные в Кабуле в 70-х годах, назывались «Шер чап», так как имели изображение льва в честь эмира Шер Али-хана. Кроме того, в Кабуле производились нарезные пушки Армстронга. На кабульском оружейном заводе изготавливались стальные нарезные пушки, заряжавшиеся с казенной части. Конструкция этих орудий была несовершенна и они уступали по качеству гладкоствольным дульнозарядным пушкам. Во второй половине 70-х годов в Кабуле отливали две-три пушки в месяц⁹⁹.

Оружейный цех кабульского завода выпускал трехнарезные дульнозарядные винтовки, карабины, заряжавшиеся с боковой части, и английские винтовки типа «панатор»¹⁰⁰.

В 70-х годах в Кабуле работало два цеха по производству капсюлей. В мастерских было также налажено производство патронов для трехзарядных винтовок картузного заряжания. Однако часть патронов к этим винтовкам ввозилась из Индии. В Кабуле также имелся цех по отливке ядер. Большая часть пороха для армии производилась в Кабуле и Герате. На гератском пороховом заводе изготавливался крупный порох хорошего качества, в том числе и для пушек картузного заряжания. О том, что в 70-х годах в Афганистане были достигнуты некоторые успехи в области производства оружия и боеприпасов, свидетельствует тот факт, что после захвата Кабула в 1879 г. англичане обнаружили на складах 85 мортир и гаубиц, тысячу патронов Энфилда и Снайдера и 270 т пороха¹⁰¹.

В Герате находился завод по производству орудий, на котором изготавливались 26- и 18-фунтовые бронзовые пушки. Кроме того, местные мастера делали ружья и винтовки картузного заряжания.

Однако местное производство лишь частично удовлетворяло потребности армии в стрелковом оружии, артиллерии, боеприпасах и взрывчатых веществах.

Постоянные войска комплектовались в основном наемниками и добровольцами. Организация этих войск была самая разнобразная и их боеготовность была низкой. Большое значение имели ополчения племен.

К концу 50-х годов по мере объединения страны появилась возможность формирования довольно значительной постоянной армии. В 60—70-х годах XIX в. эмир Шер Али-хан продолжил политику объединения Афганистана. Он укрепил государственный аппарат и создал довольно сильную регулярную армию,

насчитывавшую 50—60 тыс. человек. Опираясь на армию, эмир провел ряд государственных реформ, в том числе военных. Нельзя не отметить значение военных реформ Шер Али-хана, прежде всего создания регулярной армии, укрепления государственности и борьбы за сохранение независимости страны.

Рассмотренный период развития армии завершился второй англо-афганской войной, которая показала, что афганская регулярная армия ни по вооружению, ни по организации, ни по подготовке еще не могла противостоять европейской армии. Основную роль в разгроме английских интервентов сыграли иррегулярные ополчения племен.

Глава III

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ АФГАНИСТАНА В 1880—1918 гг.

В результате второй англо-афганской войны 1878—1880 гг. внешняя политика Афганистана была поставлена фактически под контроль Англии. Развитие страны сковывалось британскими колонизаторами, удерживавшими Афганистан в изоляции от внешнего мира. С 1883 г. английские колониальные власти в Индии стали выплачивать эмиру Абдуррахману ежегодную субсидию в 1200 тыс. рупий и поставлять оружие и боеприпасы для афганской армии. В 1883 г. при поддержке англичан эмир Абдуррахман предпринял поход для захвата Рошана, Шугнана и Вахана на Памире. Подталкивая афганцев на захват территорий на севере, Англия в то время продвигалась в глубь афганских земель на юге страны, на границах с ее колониальными владениями в Индии.

В 1883 г. английские колонизаторы окончательно захватили Кветту, в 1887 г. — Пишин и Сиби; в 1889 г. было официально объявлено об установлении верховной власти британского правительства над Зхобом. Англия пыталась поставить под свой контроль важные в стратегическом отношении районы, и прежде всего горные проходы, ведущие в Афганистан.

В начале 90-х годов XIX в. борьба между афганским эмиром и британскими колонизаторами за полосу восточнопустунских племен достигла большой остроты. В 1891 г. Англия заняла долину Курама, подчинила племя тури и завоевала большую часть территории оракзаев. Эмир выступил с призывом к афганцам готовиться к священной войне против англичан. Англия прибегла к дипломатическому и военному нажиму на Афганистан: к афганским границам были направлены английские войска. В этих условиях эмир был вынужден пойти на уступки. В 1893 г. в Кабул прибыла английская миссия, возглавлявшаяся М. Дюрандом. В ходе переговоров был подписан договор, по которому большая часть территорий восточнопустунских племен отошла к Британской Индии. Однако племена не признавали этот договор, и попытка Англии занять районы к востоку от линии Дюранда привела к восстаниям племен в 1893—1894 и 1897—1898 гг. После подавления восстаний в зоне племен английские колонизаторы в течение многих лет вели борьбу

с восточными пуштунами за контроль над полосой пограничных племен.

Внутренняя политика эмира Абдурахмана была направлена на преодоление феодальной раздробленности страны и превращение ее в централизованное государство. Большое внимание эмир уделял реорганизации и укреплению регулярной армии.

Опираясь на армию, Абдурахман подавил сопротивление крупных феодалов, восстановил эмирскую власть над Гератом и Кандагаром, завершил присоединение ханств левобережья Амударьи, завоевал Хазараджат в 1892 г. и Кафиристан в 1896 г.

В целях увеличения доходов казны эмир Абдурахман монополизировал торговлю лазуритом, поощрял афганское национальное купечество. С помощью иностранных специалистов в Кабуле было построено первое крупное промышленное предприятие — «Машин-хана». Принимались меры по упорядочению государственных финансов. Эмир Абдурахман создал разветвленный административно-полицейский аппарат, обеспечивавший более регулярное поступление в казну налогов.

В конце своего правления эмир Абдурахман добился значительного увеличения доходов государства за счет ведения новой налоговой системы и взимания налогов с более широкой группы населения. Практически все население страны, находившееся под контролем правительства, было внесено в налоговые списки. Наиболее важными статьями расходов государства были затраты на содержание армии, а также полицейского и административного аппарата¹.

Эмир пытался поставить под свой контроль мусульманских богословов. Муллы стали получать денежное содержание от государства только после сдачи соответствующего экзамена.

Центральное управление страной осуществлялось через два основных ведомства — гражданское и военное.

Эмир Абдурахман не назначал на высокие посты в провинции членов своей семьи и не давал никому из своих сыновей или родственников в управление отдельных областей, чтобы избежать междоусобицы. Высшими должностными лицами на местах были эмирские наместники, губернаторы провинций, начальники военных гарнизонов, начальники полиции (котвали) и другие назначаемые государством чиновники.

В период правления Абдурахмана произошло значительное укрепление регулярной армии и увеличение ее численности, что отражало усиление эмирской власти и успех политики централизации.

Афганистан конца XIX в. был феодальной абсолютистской монархией с деспотической формой правления.

Политика укрепления государственной власти прежде всего отвечала интересам служилого сословия, к которому относились военные, придворные, государственные чиновники, владевшие

землей, предоставленной им за государственную службу или же приобретенной путем различных махинаций. Они постоянно нуждались в крепком централизованном государстве для обеспечения господства над эксплуатируемым ими крестьянством.

Знать племен, опиравшаяся на военную организацию афганских племен, как правило, выступала в качестве самостоятельной оппозиционной центральному правительству силы. Религиозные лидеры племен также, как правило, находились в оппозиции к центральной власти. Так, одним из популярных вождей гильзайского восстания 1885—1888 гг. был мулла Абдул Карим.

При подавлении народных восстаний и феодальных мятежей эмир Абдуррахман зачастую использовал не только регулярную армию, но и ополчения одних племен и народностей против других. Например, в борьбе против восставших гильзаев в 1885—1888 гг. эмир привлек дурраниев, а в 1892—1893 гг. использовал ополчения афганских кочевых племен для подавления восстания хазарейцев.

К концу столетия Абдуррахману удалось, опираясь на армию, создать централизованное государство в нынешних границах и сломить сопротивление крупнейших феодалов и частично племенной вольницы. Но окончательному завершению процесса централизации государства мешал ряд факторов. «Слабость буржуазных элементов афганского общества, сохранение феодально-патриархальных отношений у кочевых и полукочевых афганских племен ограничивали возможности централизации страны»².

В конце XIX в., в период правления Абдуррахмана, происходят серьезные сдвиги в экономической политике государства, развивается ремесло, промышленность и торговля, заметно изменяется налоговая и финансовая политика, модернизируется система управления и армия³.

В 1901 г., после смерти эмира Абдуррахмана, на престол вступил его старший сын Хабибулла-хан (1901—1919).

В первые годы своего правления эмир Хабибулла пытался проводить независимую политику, оказывал помощь в борьбе с Англией восточным пуштунским племенам. Попытки эмира добиться некоторой внешнеполитической самостоятельности вызвали недовольство английских колонизаторов, которые стремились навязать эмиру новые соглашения, ущемлявшие суверенитет Афганистана.

В декабре 1904 г. в Кабул была направлена английская дипломатическая миссия Дэна. После длительных переговоров в марте 1905 г. было подписано соглашение, подтверждавшее прежние договоры, заключенные эмиром Абдуррахманом с англичанами. Признание Хабибуллой обязательств Абдуррахмана перед Англией сохраняло за ней контроль над внешней политикой Афганистана. За это англичане выплачивали новому аф-

ганскому эмиру такую же субсидию, как и Абдурахману. Кроме того, англичане предоставили Хабибулле субсидию в размере 400 тыс. ф. ст., которую они не выплатили его отцу⁴. Соглашение 1905 г. усилило позиции Англии в Афганистане.

Проводившаяся эмиром Абдурахманом под давлением англичан политика изоляции страны тормозила развитие Афганистана, способствовала консервации традиционных социальных отношений. Эта политика к началу XX в. изжила себя. Эмир Хабибулла ввел ряд новшеств: при нем в стране появились первые автомобили, телефоны, пишущие машинки. В столице были открыты школы, больница, типография, с 1911 г. в Кабуле стала регулярно издаваться газета «Сирадж аль-ахбар-и афгани».

Большое влияние на активизацию общественно-политической жизни в Афганистане в начале XX в. оказали революция 1905—1907 гг. в России и национально-освободительное движение в Индии, Иране, Турции. Рост политической активности части верхушки сардарства, прогрессивного офицерства, молодой интеллигенции и нарождающейся буржуазии проходил в значительной степени под влиянием идей младотурок. В Афганистане сформировалось политическое течение, которое в советской литературе получило название младоафганское. Младоафганцы пользовались поддержкой прогрессивной части армейских офицеров.

В начале XX в. в значительной степени под влиянием младоафганцев в Афганистане был проведен ряд преобразований, в том числе реформы в армии.

В период первой мировой войны в Афганистане усилились антианглийские настроения. 2 октября 1915 г. в Кабул прибыла германо-турецкая миссия Нидермайера—Хентига. Она намеревалась вовлечь Афганистан в войну против держав Антанты и активизировать борьбу афганских племен Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии⁵. Эмир Хабибулла используя переговоры с членами миссии для оказания давления на Англию с целью увеличить денежную субсидию в обмен на нейтралитет Афганистана⁶. В этом своеобразном торге Хабибулла добился успеха. Англия предоставила субсидию в размере до 2400 тыс. рупий в год, а нейтралитет Афганистана до конца войны был оценен в 5 млн. рупий, которые должны были быть выплачены через три месяца после заключения мира в Европе⁷.

Пребывание германо-турецкой миссии вызвало рост антианглийских настроений в стране. В армии, особенно среди молодого афганского офицерства, росли антианглийские, антиколониальные настроения, все чаще раздавались голоса, призывавшие покончить с зависимым положением Афганистана.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на национально-освободительное движение

народов Востока. Весной 1918 г. Советское правительство признало независимость Афганистана.

В 1918 г. Советское правительство дважды предпринимало попытку установить дипломатические отношения с Афганистаном, но безуспешно. Позиция эмира в этом вопросе вызвала оппозиционные выступления в стране. 2 февраля 1919 г. эмир Хабибулла направил вице-королю Индии послание, в котором потребовал полной независимости Афганистана. Это послание не возымело действия. При дворе созрел заговор против эмира. 20 февраля 1919 г. Хабибулла был убит в своей палатке во время охоты в окрестностях Джелалабада. К власти пришел сын эмира Аманулла, который при поддержке кабульского гарнизона объявил себя эмиром. Аманулла обратился к народу Афганистана с манифестом, в котором провозглашалась независимость страны.

Отношения между Афганистаном и Англией резко обострились. В начале мая 1919 г. произошли стычки между афганскими и английскими войсками около деревни Баг вблизи Ланди Котла на территории Британской Индии. 5 мая 1919 г. в Британской Индии был издан приказ о мобилизации, а 6 мая англичане объявили войну Афганистану.

Афганская армия значительно уступала английским войскам как по численности, так и по уровню оснащённости и боевой подготовки: Англичане имели на вооружении самолеты, броневые автомобили, пулеметы и другое современное вооружение. Несмотря на это, на первом этапе боевых действий афганцы добились некоторых успехов, но вскоре были отброшены англичанами и стали отступать. Однако наступление афганских войск на центральном фронте и захват форта Тал на территории Британской Индии сильно осложнили дальнейшие действия англичан.

В это время обстановка для англичан была крайне неблагоприятной. Поражение английских войск в Закавказье и Средней Азии, волнения в Британской Индии, признание полного суверенитета и независимости Афганистана Советской Россией вынудили англичан пойти на заключение перемирия с афганцами. В августе 1919 г. в Равалпинди был подписан предварительный мирный договор, в приложении к которому Англия признала независимость Афганистана.

Завоевание независимости знаменовало начало качественно нового этапа в социально-экономическом развитии Афганистана.

* * *

В конце XIX — начале XX в. происходило становление регулярной армии в рамках единого централизованного феодального афганского государства.

Для обеспечения политики централизации, борьбы с фео-

дальним сепаратизмом, проведения реформ, которые наталкивались на широкую оппозицию наиболее реакционной части афганского общества, требовалась сильная регулярная армия. Постоянные феодальные мятежи и народные восстания сотрясали страну. В 1885 г. произошло восстание в Бадахшане, в 1885—1888 гг. — тильзаев, юсуфзаев и других афганских племен, в 1888 г. — Исхак-хана в Афганском Туркестане, в 1890—1891 гг. — джамшидов, фирузкухов и хазарейских племен; в 1890—1892 гг. — в Маймана, 1892—1893 гг. — в Хезараджате, в 1897—1899 гг. — в Кафиристане.

Численность регулярной армии Афганистана в конце XIX — начале XX в. непрерывно увеличивалась. По оценке В. Григорьяна, в середине 80-х годов XIX в. афганская постоянная армия насчитывала 50—60 тыс. человек⁸. По подсчетам русского военного специалиста Л. К. Артамонова, который основывался на данных, относящихся к 1893—1894 гг., численность регулярной афганской армии доходила до 83,5 тыс. человек⁹.

В 1905 г., по оценке ряда русских военных специалистов, в афганской регулярной армии насчитывалось до 80—90 тыс. человек¹⁰, а в 1907—1908 гг. — 110 тыс.¹¹.

По другим данным (вероятно преувеличенным), исходящим от афганских официальных лиц, в 1914 г. регулярная армия насчитывала 116 тыс. человек, а афганские пограничные племена могли выставить ополчения в 300 тыс. человек¹².

В рассматриваемый период наряду с сохранением старых организационных форм заметны изменения в организации вооруженных сил Афганистана. Для создания регулярной армии в Афганистане в конце XIX в. большое значение имели военные реформы эмира Абдуррахмана, о которых писал подробно М. А. Бабаходжаев¹³. Определенное влияние на организационную структуру вооруженных сил оказало военное сотрудничество с Англией, а также заимствование опыта у турецких и немецких инструкторов, которые появились в афганской армии в начале XX в.

В конце XIX — начале XX в. вооруженные силы Афганистана состояли из постоянных регулярных войск («низамы»), резерва («дафтары»), иррегулярных войск, или милиции, ополчения («улуси») ¹⁴.

Регулярная армия делилась на армейские части, гвардию, специальные войска¹⁵. Основной тактической единицей в пехоте был батальон («палтан»), в кавалерии — эскадрон, сотня («рисала»), в артиллерии — батарея («тупхана»).

В период, предшествовавший первой мировой войне, под влиянием турецких военных советников в армии были проведены некоторые реформы и штатные изменения.

В соответствии с уставом пехоты 1913 г. в афганской армии предполагалось создать полки («гонд») по три-четыре батальона в каждом и бригады. Уставом определялось, что бригада

должна состоять из трех отдельных частей (полков)¹⁶. Предполагалось также создать дивизии и армии¹⁷.

В 1917 г. в армии были намечены и частично осуществлены новые организационные изменения. Была предпринята попытка создать крупные общевойсковые соединения, состоящие из нескольких родов войск.

Новая организация в большей степени отвечала требованиям ведения современных боевых действий.

Реформы в первую очередь затронули части Центрального округа, а в других частях они должны были быть проведены позже. По старой организации первая, т. е. центральная, армия состояла из четырех полков, полк — из трех батальонов, в каждом батальоне было представлено три рода войск: пехота, кавалерия, артиллерия. Командовал батальоном полковник¹⁸.

В соответствии с новой организацией полевая армия состояла из двух бригад, которыми командовали генералы. Бригада состояла из трех полков, по 4 тыс. человек. В полку имелся артиллерийский дивизион. Пехотный полк включал в себя три батальона. Пехотный батальон состоял из четырех рот, по три взвода в каждой. В батальоне пехоты имелась пулеметная рота с шестью пулеметами. В соответствии с новыми штатами в пехотном полку вводился один кавалерийский эскадрон из четырех взводов¹⁹.

Новая реформа носила прогрессивный характер, так как была направлена на создание общевойсковых частей и соединений, состоящих из всех родов войск и способных вести самостоятельные боевые действия. К сожалению, к началу третьей англо-афганской войны реформа была проведена лишь частично, да и то только в частях кабульского гарнизона.

Организация отдельных родов войск в афганской армии в рассматриваемый период претерпела некоторые изменения. Изменилось соотношение между различными родами войск.

Ведущее место занимала пехота, которая стала основным родом войск. В 1891 г. в регулярной пехоте был 41 батальон с общей численностью 27 тыс. человек²⁰.

В середине 90-х годов численность пехоты увеличилась до 50 тыс. человек и сохранялась на этом уровне до 1919 г. В армии в среднем насчитывалось до 70—80 батальонов пехоты²¹. В рассматриваемый период штатная организация пехотных частей и армейских подразделений претерпела некоторые изменения.

В конце XIX в. основной тактической единицей в пехоте по-прежнему оставался батальон («палтан»), состоявший из 6—8 или 10 рот («кампании») по 100 человек в каждой. Рота делилась на две полуроты («камбу»), а полурота — на 5 отделений («пайра») по 10 человек в каждом²².

По сведениям поручика Тумановича, к 1908 г. пехотные роты делились на четыре взвода («булук»), которые, в свою очередь, имели отделения по 7 человек в каждом²³.

К 1913 г. штатная организация пехотных подразделений и частей изменилась, что нашло отражение в уставе пехоты.

В соответствии с уставом 1913 г. каждое пехотное отделение («дельгяй») состояло из 4 четверок («цалуров») по 2 «акбарга» в каждой четверке. В акбарге было по 2 человека. Таким образом, в отделении было 8 солдат. Взвод («булук») состоял из четырех отделений. Пехотные отделения в рамках взвода сводились в два полувзвода («парк») по 16 человек. Во взводе было 32 солдата. В роте («тулай») кроме командира было 2 командира взвода — булукмышра. В каждом взводе было два офицера паркмышра, которые командовали полувзводами. Рота состояла из двух взводов и насчитывала 64 человека. Батальон («кандак») обычно состоял из 6 рот (384 рядовых)²⁴.

В рассматриваемый период многое было сделано для перевооружения пехоты. После второй англо-афганской войны основным вооружением пехоты были гладкоствольные кремневые ружья, заряжавшиеся с дула.

В начале 90-х годов эмир Абдуррахман начал усиленно перевооружать армию новейшими образцами стрелкового оружия. На вооружение регулярной пехоты были приняты пятизарядные магазинные ружья английского образца с трехгранным штыком.

П. А. Риттих высказывает предположение, что в 1899 г. половина пехотных регулярных полков была вооружена магазинными ружьями, а остальная регулярная армия — винтовками системы Генри Мартини²⁵.

Стрелковое оружие поступало в афганскую армию в разное время, небольшими партиями и из разных стран²⁶. После 1905 г. афганская армия была вооружена одноствольными винтовками Пибоди и Генри Мартини («пана пур»); однозарядными винтовками системы Энфильда — укороченной 1861 и длинной 1858 г. («ду бала пур»); однозарядными винтовками разных систем («багал пур»); магазинными винтовками разных систем («нава пур»)²⁷.

Экономическая отсталость страны не позволила провести до конца перевооружение всей армии новым стрелковым оружием. Накунуе войны за независимость менее половины пехотных батальонов были вооружены нарезными винтовками, а остальные — винтовками Мартини или даже Снайдера. В батальонах, располагавшихся в восточных районах, процент новых винтовок калибра 7,62 мм со штыками был большим, чем в батальонах на севере и западе страны. В артиллерии солдаты имели сабли.

Таким образом, в рассматриваемый период наблюдался количественный рост пехоты, которая становится основным родом войск в армии. Одновременно пехота изменяется качественно, совершенствуется ее штатная организация, улучшается вооружение. Пехотные части составляли основу общевойсковых сое-

динений, которые стали создаваться в афганской армии накануне войны за независимость.

Удельный вес кавалерии в вооруженных силах Афганистана был сравнительно небольшим. Несмотря на некоторый абсолютный рост численности регулярной кавалерии, последняя составляла около одной четверти общей численности армии. Сохранилась также и иррегулярная кавалерия, которая находилась в провинциях и выполняла в основном полицейские функции. В 1891 г. регулярная кавалерия имела в своих рядах 6 тыс. кавалеристов, а иррегулярная — 2,5 тыс.²⁸

В начале XX в. численность регулярной кавалерии стабилизировалась в пределах 18 тыс. человек, т. е. увеличилась более чем в 2,5 раза по сравнению с 1891 г.

В 1901 г. в афганской армии было 40 армейских полков кавалерии и 3 гвардейских кавалерийских полка общей численностью в 2,4 тыс. человек²⁹. Таким образом, численность кавалерии составила к 1901 г. 18,4 тыс. человек.

Через десять лет количество кавалерийских полков сократилось до 26, а штатная численность одного полка составила в среднем около 650 человек³⁰. Исходя из этого к 1911 г. общая численность кавалерии (включая гвардейскую) составила около 17 тыс. человек.

Кавалерийские полки в рассматриваемый период имели непостоянный состав и состояли из 4, 6, 7 и даже 8 сотен («турп»). В гвардии количество сотен в полках было большим, чем в армейской кавалерии.

Вооружение кавалерии также претерпело некоторые изменения. В 80-е годы кавалерист имел укороченный курковый карабин, пистолет и в редких случаях шестизарядный револьвер, а также кривую саблю («стальвар») и пику («нейзе»). В начале 90-х годов основная масса кавалерии была вооружена дульнозарядными ружьями, и только две тысячи кавалеристов регулярной армии были вооружены магазинными винтовками. Кавалеристы имели в небольшом количестве карабины Снайдера, а также нарезные карабины, заряжавшиеся с казенной части³¹.

П. А. Риттих писал, что регулярная афганская кавалерия была вооружена укороченными ружьями Генри Мартини или других систем, саблями, пистолетами и кинжалами³². Гвардейская кавалерия была лучше экипирована и вооружена. В частности, гвардейцы имели магазинные винтовки. Часть кавалерийских частей, размещенных в Кабуле, имела на вооружении пики.

Афганская регулярная кавалерия состояла в основном из добровольцев, которые служили пожизненно. Базой для регулярной кавалерии являлась иррегулярная легкая кавалерия. Это определяло характер регулярной кавалерии, которая большей частью была легкой. Афганская легкая кавалерия использовалась для несения сторожевой, разведывательной, патрульной и других вспомогательных служб.

В то же время в ряде случаев кавалерия применялась в качестве пехоты, посаженной на лошадей. Она обладала значительной подвижностью и часто привлекалась для подавления народных выступлений, так как ее можно было быстро перебросить в нужный район (например, для подавления волн хазарейцев в 90-х годах XIX в.).

В целом в указанный период кавалерия утратила свое былое значение и численно уступала пехоте.

В ходе вооруженной борьбы с англичанами на примере двух войн афганцы убедились, какое значение на поле боя имеет артиллерия. Именно превосходство противника в артиллерии в большинстве случаев обеспечило ему победу. Это заставило афганское командование обратить особое внимание на совершенствование артиллерии.

В период правления эмира Абдуррахмана, а также в ходе военных реформ в начале XX в. перед войной за независимость афганская артиллерия претерпела большие изменения. Появились новые виды артиллерии: горная и тяжелая. В конце XIX в. армия насчитывала около 100 артиллерийских батарей³³. В начале XX в. произошло сокращение артиллерийских батарей в результате реорганизации штатов, снятия с вооружения старых орудий и укомплектования артиллерии новыми системами.

В 1904 г. в афганской артиллерии было 40 полевых батарей. Кроме того, на вооружение армии стали поступать пулеметы. В 1907—1908 гг. в артиллерии насчитывалось до 200 пулеметов, а также около 200 горных орудий, 200 полевых орудий и 134 крепостных орудия³⁴.

К 1911 г. имелось 40 полевых батарей; кроме того, на вооружении продолжало оставаться около 2 тыс. крепостных и тяжелых орудий устаревших систем и малопригодных к употреблению³⁵. В последующие годы заметного изменения в численности артиллерии не произошло, но перед войной за независимость проводилась модернизация артиллерии за счет внедрения новых артиллерийских систем.

Артиллерия делилась на полевую («джелави»), горную («катери»), тяжелую осадную, перевозимую на слонах («фили»), крепостную («гави»). Полевые орудия джелави перевозились на лошадях, горные — на мулах, а крепостные — на быках. Обычно артиллерийские батареи придавались пехотным полкам и включались в боевые порядки батальонов — по одному-два орудия³⁶ в каждом батальоне.

Низшим подразделением артиллерии был взвод («губарг»), состоявший из 2 орудий и 32 человек прислуги. Батарея обычно имела три взвода и насчитывала 6 орудий. В 1917 г. были сформированы батареи из устаревших орудий, по 4 человека прислуги на орудие, которые состояли из двух взводов³⁷.

Артиллеристы (кроме полевых батарей) верховых лошадей не имели. Артиллеристы горных батарей были вооружены пи-

столетами; а полевых — шашками. Прислуга крепостных орудий оружия не имела³⁸.

В военное время для охраны артиллерийского орудия придавалось пехотное отделение.

Артиллерийские батареи имели на вооружении различные орудия: старые, гладкоствольные, чугунные и бронзовые, заряжавшиеся с дула, нарезные, стальные, которые были в то время на вооружении армий европейских стран. На вооружении афганской армии были артиллерийские орудия Круппа, Максима, Нордфельда, Гочкиса.

В начале XX в. полевые артиллерийские батареи были вооружены в основном 6- и 9-фунтовыми орудиями, заряжавшимися с дула, а также 13-фунтовыми полевыми гаубицами, заряжавшимися с казенной части.

Горные батареи имели на вооружении два типа пушек: разборные, перевозившиеся на мулах, и неразборные, перевозившиеся на лошадях. Калибр горных орудий был в пределах 76 мм; каждое 6-, 9-фунтовое полевое орудие перевозилось четырьмя или шестью лошадьми, а гаубица — восемью или десятью лошадьми или мулами.

Крепостные орудия большей частью были устаревшими, гладкоствольными, но имелись и нарезные. Так, в Кабуле было шесть орудий 10-дюймового калибра. Они были установлены на платформах и передвигались по рельсам. Такие же орудия имелись в Герате и в крепости Дейдади³⁹.

Накануне войны за независимость в афганской армии были приняты на вооружение 100-миллиметровые гаубицы Круппа, орудия калибра 76 мм и 7-фунтовые орудия. Максимальная дальность стрельбы полевых орудий равнялась 4 тыс. м, а горных — 3 тыс. м.

В целом состояние афганской артиллерии хотя и улучшилось, но было еще неудовлетворительным⁴⁰. Тем не менее афганские артиллеристы хорошо проявили себя в ходе третьей англо-афганской войны. Афганская артиллерия, переброшенная на слонах в Британскую Индию, сыграла решающую роль в захвате форта Тал в 1919 г.

Кроме собственно армейских формирований, которые составляли основную по численности и значению часть вооруженных сил Афганистана, существовали также гвардия и специальные войска.

Основной задачей гвардии была охрана эмира и членов его семьи, а также несение караульной службы в столице и при губернаторах.

Гвардия состояла из трех родов войск: кавалерии, пехоты и артиллерии. Вооружение и оснащение гвардейских частей, их штатная организация и численность, форма одежды отличались от армейских частей.

Состав гвардии в основном сложился в конце правления эмира Абдурахмана и затем существенно не менялся.

К 1907—1908 гг. в гвардейской кавалерии было два полка по 800 человек — «Рисала-и шахи» и «Рисала-и турки»⁴¹.

В гвардейской пехоте имелось четыре полка общей численностью в 3600 человек и две роты личного конвоя эмира, состоявшие из 200 человек. Гвардейские пехотные полки назывались «Палтани Кандагари», «Палтани Вардак», «Ардалие Ава-вал», «Ардалие Дуйом».

В гвардейской артиллерии насчитывалось 28 орудий и 400 человек прислуги. Всего, за исключением личной конной охраны эмира, в 1908 г. в гвардии было 5800 человек.

Полк «Рисала-и шахи» был аристократическим, в него принимали сыновей знатных афганцев, главным образом из племени дуррани. Солдаты и офицеры этого полка носили белую униформу и медвежьи шапки по английскому образцу⁴².

Полк «Рисала-и турки» набирался из знатных представителей других народов (арабов, туркмен и др.). Пехотные полки «Кандагари» и «Вардак» составляли обязательный конвой эмира во время путешествий.

Ф. А. Мартин писал, что «лейб-гвардия эмира, пешая и конная, хорошо обмундированный отряд, и эмир лично следит за тем, чтобы гвардейцы содержали одежду и оружие в исправности. Пешая гвардия вооружена ружьями Ли-Митфорда со штыком, а конные — револьверами, саблями и карабинами»⁴³.

Первый и второй полки «Ардели» несли охрану эмирского дворца⁴⁴.

В целом гвардия была наиболее боеспособной и хорошо обученной частью вооруженных сил, в ней служили в основном добровольцы. Гвардия являлась наиболее преданной эмиру частью войск и надежной защитой трона.

В связи с переходом к регулярной армии усложнилась и структура вооруженных сил страны. Были организационно оформлены новые виды войск. В частности, появились специальные войска различного назначения, которые выполняли задачи по обеспечению армейских частей и подразделений.

В период правления эмира Абдуррахмана были сформированы подразделения разведки, а также части саперных войск, которые назывались «сафар-майна»⁴⁵.

Разведывательные подразделения комплектовались в основном за счет добровольцев тех племен, которые издревле славлись своей находчивостью, изобретательностью, умением выполнять тайные поручения, проникать незаметно в стан противника и вести разведку.

Относительно организации разведывательных подразделений нет сколько-нибудь достоверных данных. В этой связи представляют большой интерес материалы, собранные о специальных войсках (в том числе разведывательных) поручиком Тумановичем по состоянию на 1907—1908 гг.⁴⁶

Более точными сведениями мы располагаем о саперных войсках. Отряды сафар-майна предназначались для различных

фортификационных и подрывных работ и делились на отделения, роты и батальоны⁴⁷.

По данным Риттиха, в 1904 г. в афганской армии было два саперных батальона по 1 тыс. человек в каждом и около 20 рот⁴⁸. Саперы носили кирку и топор, а лопаты перевозились в обозе. Вооружение саперов было аналогично вооружению пехотинцев.

По данным 1911 г., в афганской армии было три батальона саперов общей численностью в 2600 человек⁴⁹. Саперы обычно придавались батальонам пехоты, кавалерии и артиллерии. Часто саперы направлялись в различные районы для строительства дорог, мостов, крепостей, складов и других военных объектов⁵⁰. Ф. А. Мартин писал, что полки саперов формировались исключительно из хазарейцев⁵¹.

В конце XIX — начале XX в. произошли большие изменения в вопросах тылового обеспечения регулярной армии. В период правления эмира Абдуррахмана в различных городах, крепостях и важных стратегических пунктах были созданы государственные тыловые базы-склады, которые находились на важных стратегических направлениях и могли обеспечить снабжение армии в ходе ведения длительных боевых действий. На этих складах хранились большие запасы продовольствия, обмундирования и боеприпасов.

Наиболее значительные склады имелись в Кабуле и Герате. В последнем, например, имелся склад, где, по свидетельству очевидцев, хранились запасы продовольствия, которых хватило бы на содержание гарнизона города в течение 10 лет⁵².

Эмир Абдуррахман создал также армейский обозный парк для транспортировки военных грузов и переброски отдельных частей в районы боевых действий. Он насчитывал 24 тыс. казенных лошадей, а также большое число слонов, мулов и 60 тыс. верблюдов⁵³.

В войсках имелись выючные обозы. В каждом обозе было 300—500 лошадей. На каждые 100 лошадей полагался один надсмотрщик (наиб) и 60—100 конюхов. Обозы в полном составе выделялись для перевозки 3—5 батальонов пехоты с кавалерией и артиллерией. При перемещении нескольких частей из обоза выделялось по 14 лошадей на роту или эскадрон⁵⁴.

На 5—6 солдат приходилась одна выючная лошадь для перевозки личного имущества. Если в штатах батальонов не было выючных лошадей, то их реквизировали у местного населения. В кавалерии кавалеристы содержали выючный обоз за свой счет (из расчета одна лошадь на 7 кавалеристов). В артиллерии одна выючная лошадь выделялась на один расчет орудия за счет казны.

Большое значение придавалось подготовке и содержанию путей движения войск. В ведомстве общественных работ существовало управление дорог и караван-сараев. Оно занималось строительством дорог, мостов и караван-сараев, следило

за сбором дорожной подати, за своевременным пополнением запасов зерна на государственных складах и за его хранением⁵⁵.

В конце XIX в. значительную часть вооруженных сил Афганистана составляли иррегулярные войска. В начале XX в. в иррегулярных войсках служило 30 тыс. человек (20 тыс. в кавалерии и 10 тыс. в пехоте)⁵⁶.

Иррегулярные войска подразделялись на пешую милицию (хассадары) и конную милицию трех типов — хаванин-и саваре, саркар-и саваре и чобук-и саваре⁵⁷.

Саркар-и саваре представляли собой новую милицию на казенных лошадях для службы при начальниках в качестве вестовых, посыльных и др.

Чобук-и саваре — конная милиция, содержавшаяся в деревнях за счет населения. Милиционеры сводились в отряд (байраг) по 100 человек под командованием сотников («сад-баши»). Байраг делился на отделения по 10 человек в каждом, под командованием десятника («дах-баши»).

Пешая милиция была вооружена преимущественно старыми, пистонными ружьями. Милиционеры-кавалеристы должны были приобретать за свой счет курковые ружья, сабли, пистолеты. Некоторые из них имели магазинные ружья⁵⁸.

Иррегулярные войска часто использовались для подавления народных восстаний и феодальных мятежей, охраны дорог, складов и государственных границ. Иногда их направляли для сбора налогов.

В 1892 г. для подавления восстания хазарейцев был послан 10-тысячный отряд, половину которого составляли иррегулярные войска⁵⁹.

В начале XX в. значение иррегулярных войск стало постепенно сходить на нет. Уменьшилось их количество. Более $\frac{3}{4}$ бывшей милиции было расформировано или переведено в регулярные войска. Небольшие отряды милиции в 25—30 человек были разбросаны по стране для несения караульной службы⁶⁰.

Кроме иррегулярных войск в Афганистане имелось ополчение. Оно могло быть собрано по требованию эмира для ведения «священной войны» или же в случае иностранной интервенции. В ополчение набиралось все способное носить оружие мужское население страны. Большое значение для подготовки ополчения имела система прохождения службы в регулярной армии. В этой связи Туманович писал, что «бросающаяся в глаза распушенность регулярной армии, из которой каждый солдат может уйти на долгий срок в отпуск — лишь бы оставил за себя заместителя, — имеет для ополчения важное значение: большой процент ополченцев является на призыв уже ознакомленным с оружием и службой вообще, так как все это усваивается ими во время кратковременного пребывания в армии в качестве заместителей отлучившихся родных, друзей или

попросту нанимателей»⁶¹. Какого-либо специально подготовленного резерва армии не существовало.

В конце XIX — начале XX в. в Афганистане существовало военное ведомство («дафтар-и. амин-и низам»), через которое эмир осуществлял непосредственное управление вооруженными силами. «В компетенцию военного ведомства входило: общее руководство вооруженными силами, военными мастерскими, заводами и арсеналами («дафтар-и джабахана»); управление государственными стройками («дафтар-и тамират»); управление дорогами («дафтар-и турук»); управление разработкой минеральных ресурсов («дафтар-и амин ал-маадин»). В его подчинении находились также военная школа Харбия, военные госпитали, государственная почта»⁶². Во главе военного ведомства стоял сардар-и сардаран или же сардар-салар. В период правления эмира Абдуррахмана сардар-и сардараном в течение длительного времени был Гулам Хайдар-хан Чархи. При эмире Хабибулле военное ведомство первоначально возглавлял брат эмира Насрулла-хан. С 1907 г. сын эмира Хабибуллы, наследник престола Инаятулла-хан был назначен на пост руководителя военного ведомства.

Сардар-и сардаран обычно одновременно выполнял обязанности командующего кабульским военным округом.

Заместителем сардар-салара по управлению войсками был сипахсалар — главнокомандующий. В военное время сипахсалары назначались во главе отдельных войсковых соединений, состоящих, как правило, из трех-четырёх тысячных корпусов. По окончании войны сипахсалары могли продолжать свою службу или увольнялись. Нередко по усмотрению эмира сипахсалары назначались командующими войсками провинций⁶³.

В мирное время мог быть только один сипахсалар — заместитель сардар-салара по руководству армией. Канцелярия сардар-салара ведала исключительно военными вопросами и состояла из 40 человек. Сипахсалар имел заместителя (наиб-салар), который исполнял обязанности начальника штаба армии. В канцелярии наиб-салара, состоявшей из 200 человек, сосредоточивалась вся войсковая переписка, туда же поступали все требования, прошения, проекты. После разбора наиболее важные вопросы докладывались сардар-и сардарану, который, в свою очередь, докладывал их эмиру⁶⁴.

К наиб-салару поступали все распоряжения свыше, а он передавал распоряжения для исполнения командующим корпусов (округов). Во главе корпусов (округов) и гарнизонов стояли наиб-салары, джарнейли, бригады. Посредником между наиб-саларом и джарнейли являлся джарнейл-и аввал (первый генерал). Старшинство между генералами устанавливалось по выслуге лет. Джарнейл-и аввал был непосредственным начальником всех джарнейлей по руководству армией и одновременно помощником наиб-салара. В 1907—1908 гг. в Афганистане было 23 джарнейля: семь из них поочередно командовали ка-

бульским гарнизоном и военными учреждениями, один был первым генералом, а остальные командовали войсками в округах и провинциях⁶⁵. В округах, где начальниками были члены королевской семьи (Бадахшан, Мазари-Шариф), джарнейли только контролировали деятельность гражданской администрации, а в остальных округах они сами были представителями военной и гражданской административной власти. Джарнейли не только командовали войсками округов, но и исполняли обязанности военных комиссаров по призыву новобранцев в армию⁶⁶. В начале XX в. еще не существовало четкого разделения обязанностей, прав и полномочий между гражданской и военной администрацией.

Войска военного округа назывались «фауджи» с добавлением номера или места дислокации.

В военное время основной оперативно-тактической единицей был корпус («кампу»), состоявший из отдельных частей всех родов войск и доходивший до 12 тыс. человек. Во главе кампу стояли джарнейли. 3—4 кампу объединились под командованием сипахсалара. Кампу делились на два полукорпуса («нимкампу») под командованием бригитов — бригадных генералов.

Деление войск на оперативно-тактические единицы было в значительной степени условным. Основной тактической единицей в армии оставались батальоны. Более крупной единицей был сводный отряд из отдельных батальонов, дислоцировавшихся в границах какого-то определенного района или объединенных для выполнения конкретных боевых задач. Лишь в ходе реформ 1917 г. в Кабульском округе было сформировано несколько соединений типа смешанной бригады, которые имели единые штатные органы управления в виде небольшого штаба.

В средних и низших звеньях управления назначение на должности проходило в соответствии с воинским званием.

В афганской армии кроме уже перечисленных существовали следующие офицерские звания: карнайл — полковник, командир пехотного батальона или командир отдельной части; кифтан — капитан, командир роты; рисаледар — командир сотни в кавалерии; субадар — лейтенант пехоты, командир взвода; джаладар — командир артиллерийской батареи и т. д.

Для удобства руководства войсками при эмире Абдулрахмане Афганистан был поделен на три военно-административных округа: Кабульский, Гератский и Туркестанский. Кабульскому округу подчинялись войска, которые дислоцировались в районах Кабула, Джелалабада, Кунара, Асмара, Шиндара, Дакки; Гератскому — в районах Герата и Кандагара; Туркестанскому — в районе Чарвилаята⁶⁷.

Воинские подразделения, дислоцировавшиеся к востоку от Кундуза, в мирное время подчинялись командующему Туркестанским округом.

Основная масса войск размещалась на юго-востоке страны, в Кабульской и Кандагарской провинциях.

На русско-афганской границе сильные гарнизоны дислоцировались в Герате, Мазари-Шарифе и Дейдади. В пограничных с русским Туркестаном районах размещалось до 35—40% всех полевых войск Афганистана⁶⁸.

Вдоль границы с Индией обычно дислоцировалось до 60—70% всех боевых частей афганской армии. Сюда входили также и войска Кабульского округа, которые играли роль своеобразного стратегического резерва.

Размещение основной группировки афганской армии вдоль границы с Британской Индией со всей очевидностью свидетельствует о том, кого афганское правительство и командование считали своим основным противником.

В конце XIX — начале XX в. произошли важные изменения в системе комплектования армии рядовыми и офицерами. Прежняя система комплектования армии путем вербовки добровольцев и жеребьевки не отвечала новым условиям, сложившимся в стране в конце XIX в., и не позволяла создать значительную регулярную армию и иметь обученные резервы.

В 1895 г. был разработан проект введения своеобразной формы набора по системе «один от восьми» («хаштнафари»). Согласно новой системе все мужское население страны было поделено на группы по восемь человек, каждый из которых поочередно должен был проходить воинскую службу. Содержание рекрута и его семьи осуществлялось за счет остальных семи человек. Государство же предоставляло рекрутам только вооружение и обмундирование. В 1895 г. эмир Абдуррахман предпринял серьезную попытку заставить принять новую систему набора в армию⁶⁹. Проект Абдуррахмана не был поддержан афганской знатью на дурбаре, специально собранном по этому поводу. Несмотря на это, в 1896 г. эмир ввел новую систему комплектования армии. Во все районы страны были направлены небольшие отряды во главе с офицерами, которым предписывалось переписать мужское население в возрасте от 12 до 50 лет⁷⁰.

Эмир Абдуррахман стремился всеми мерами поднять воинственный дух своих подданных. Под его руководством были составлены и изданы две религиозные книги о священной войне против неверных, где обосновывалась необходимость иметь постоянную сильную армию и подчеркивалась обязанность мусульман выступать в защиту ислама против неверных.

Несмотря на недовольство населения, эмир все же частично ввел новую систему рекрутирования в некоторых районах страны. Однако при ее введении в Чарвилайте и других пограничных районах страны эмир Абдуррахман проявлял особую осторожность, опасаясь, что их жители в знак протеста начнут эмигрировать в Среднюю Азию, Иран, Индию.

Чтобы предотвратить эмиграцию населения, эмир Абдуррах-

ман начал перемещать в глубь страны войска, набранные из числа жителей пограничных районов. Как говорилось в сообщениях из Афганистана за 1899 г., он решил «постепенно замещать местные войска Гератского округа частями, набранными из жителей других местностей ханства. С этой целью несколько гератских батальонов были перемещены в Кабул, на белуджистанскую границу и далее в Кафиристан; взамен им в Герат были отправлены кабульские батальоны»⁷¹.

В начале XX в. система комплектования регулярной армии рядовым составом продолжала существовать в том виде, в котором ее создал эмир Абдурахман⁷². И хотя кажется маловероятным, что эмиру удалось призвать в армию каждого восьмого жителя страны, комплектование регулярной армии и милиции тем не менее было несколько упорядочено. То, что нормы призыва в отдельных провинциях и племенах были различны, свидетельствует о том, что система призыва каждого восьмого была введена не везде.

Население районов Вахана, Ишкашима, Забака, Шугнана, Дарваза в армию не призывалось. Из остального Бадахшана в кавалерию призывали только представителей тюркоязычных народов. Набор рекрутов, особенно для комплектования новых частей, осуществлялся по особым фирманам эмира⁷³.

«Ежегодный набор для пополнения умерших или сбежавших производит каждый джарнейль в своем округе, если расположенные в нем части состоят из местных жителей (или же делает набор по присланным требованиям для того округа, в котором стоят части, набранные из подчиненного ему населения), обыкновенно каждая часть состоит из одного элемента (родственники, односельчане и т. д.)»⁷⁴.

Обычно вначале в армию брали добровольцев. Если их оказывалось мало, то рекрутов забирали насильно из семей, где было много мужчин. Допускалась замена рекрута другим человеком, которому за это выплачивалась определенная сумма денег. За каждого рекрута должно было быть два поручителя. Поручители отвечали за новобранца в случае его бегства, кражи им казенного имущества или если у него не хватало денег для оплаты дисциплинарных штрафов.

Пригодность новобранцев к службе определяла специальная комиссия во главе с джарнейлем. Лучшие люди назначались в гвардию и специальные войска. Физически сильных молодых людей направляли в артиллерию. Затем отбирались новобранцы в кавалерию и пехоту. Возраст призывников и продолжительность службы в армии не были определены⁷⁵.

Риттих писал, что призывной возраст колебался от 18 до 35 лет, хотя по закону он был установлен в 21 год. В армию брали здоровых молодых людей преимущественно в возрасте от 20 до 30 лет. Солдаты обычно служили до самой смерти или же серьезной болезни, из-за которой они не могли служить в течение двух лет. После двух лет болезни солдата увольняли

из армии или же оставляли для выполнения вспомогательных работ. В случае увольнения демобилизованный должен был поставить вместо себя другого солдата. Отпусков в армии не существовало, и, если солдат по семейным обстоятельствам уезжал домой, он обязан был также найти себе замену⁷⁶.

Ф. А. Мартин сообщал, что «срок солдатской службы не установлен и надо полагать, что служба продолжалась до старости; некоторые солдаты говорили мне, что не видели своих семей более 20 лет»⁷⁷.

Молодые люди, не попавшие в армию, зачислялись в резерв. Резервисты заносились в специальные списки-дафтары и в мирное время получали небольшое жалованье; иногда резервисты получали право бесплатно пользоваться водой для орошения своих полей или же бесплатно получали продукты с государственных складов⁷⁸.

Регулярная армия пополнялась преимущественно за счет пуштунов. Отдельные части афганской армии комплектовались из представителей одного племени или выходцев из одного района⁷⁹. Наличие таких воинских частей имело некоторые положительные стороны⁸⁰. Племенная спайка и взаимовыручка помогали на поле боя.

Набор в армию проходил всегда с большим трудом. «В Кандагарском округе затруднение в наборе по системе „хаштнафари“ не меньше, чем в Туркестане, само население не делает ничего, чтобы выставить причитающееся с него количество рекрутов, а более или менее решительные меры со стороны властей вызывают соответствующее противодействие. Приходится прибегать к уговорам и подкупам. До сих пор набрано 200—300 рекрутов. Вместе с тем в Кандагаре из новобранцев должны сформировать два новых палтана»⁸¹.

После начала первой мировой войны для увеличения численности регулярной армии в нее стали призывать милиционеров (хассадаров).

В 1917 г. в Кабульской провинции хассадары были переведены в регулярную армию. В Мазари-Шарифе в регулярную армию для ее пополнения призывали хассадаров, а часть рекрутов, набранных по системе «хаштнафари», была направлена в Кабул на заводы⁸². В 1914 г. в кандагарском гарнизоне был сформирован пехотный палтан «джадиди-хассадари» численностью в 1800 человек⁸³.

Система «хаштнафари» явилась первой попыткой введения в Афганистане постоянного регулярного набора в армию. Но эта система встретила сопротивление племен и не распространилась по всей стране.

Не лучше обстояло дело и с комплектованием афганской армии офицерами. На отсутствие качественного офицерского состава указывал эмир Абдурахман в своей автобиографии: «Главное, в чем нуждается Афганистан,— это в хорошо подготовленных офицерах, которые могли бы надлежащим образом

использовать все боевые запасы страны. Я обращаю на это большое внимание, чтобы со временем устранить это затруднение»⁸⁴.

Офицерский состав армии комплектовался из числа людей знатного происхождения, из рядовых, получивших офицерский чин за продолжительную доблестную службу, боевые заслуги и особые услуги, оказанные правительству, а также из числа выдержавших экзамены в военной школе в Кабуле или окончивших ее.

Ф. А. Мартин писал, что «высшие начальствующие лица армии назначаются из числа членов семьи эмира или из его любимцев; повышений по службе не существует, если не считать фаворитов. Ныне существующий эмир (Хабибулла.— Авт.) при формировании нового полка приказывал выстраивать людей и тех, кто ему казался по внешнему виду подходящим, назначал на офицерские должности»⁸⁵.

Никакой установленной системы продвижения офицеров по службе не существовало. Офицеры были большей частью безграмотными. Поручик Туманович писал, что неграмотный иш-кашимский кумейдан (подполковник) был представлен к званию полковника, так как имел два ранения⁸⁶. Желавшие стать офицерами в течение короткого срока (до года) обучались у «делилы» — специалиста по подготовке офицеров, и «выслуга этого учебного срока, куш денег — вызвавший хороший отзыв делилы... и готово: является новый офицер»⁸⁷.

Нередко на военные должности по протекции придворных или самого эмира назначались совершенно случайные лица. Торнтон в своей книге описывает следующий случай: «В 1907 г. будучи в Джелалабаде, эмир страдал сильными приступами подагры. После лечения хакимами (местными врачами), которое не принесло выздоровления, эмир вызвал к себе доктора Гулама Наби, практиковавшего ранее в Индии. Доктор провел курс лечения и через несколько недель эмир был здоров. За это доктору Наби был презентован огромный бакшиш, и он был назначен на должность бригадного генерала саперов и минеров»⁸⁸.

Существовавшая система комплектования в значительной степени определяла жизнь армии, ее лицо. Так как солдаты служили в регулярной армии практически пожизненно, то они в период службы обзаводились хозяйством и семьей, жили на собственных квартирах и помимо военной службы занимались торговлей и земледелием. Холостные солдаты были обязаны являться в казармы к вечеру и находиться там всю ночь. В целом же четкой казарменной системы не было.

Деньги на наем квартиры солдатам не выдавали. Каждый военнослужащий должен был самостоятельно заботиться о своем жилье. Во время походов на каждые десять человек выдавалась палатка.

В казармах для солдат не было никакой мебели, ели и спа-

ли на грубых циновках. Каждое отделение, состоявшее из семи человек во главе с «хавальдаром», имело общую посуду: котел, чайник и чашки. Хавальдар имел топор для рубки дров, а также сковородку для выпечки хлеба⁸⁹.

Свободное от службы время солдаты проводили на базаре или в своих семьях. Жалованье солдатам выплачивалось нерегулярно и было очень маленьким⁹⁰. По данным Ф. А. Мартина, жалованье солдат в начале века составляло 8 кабульских рупий в месяц, а для обеспечения прожиточного минимума необходимо было 12 рупий⁹¹.

При выдаче жалованья солдатам офицеры часто злоупотребляли своим положением и присваивали часть денег. Эмир принимал строгие меры по пресечению подобных злоупотреблений. В 1899 г. в Кабуле были казнены генерал Абдул Хаким-хан и три интендантских офицера за растрату казенных денег, предназначенных для выдачи солдатам⁹².

Часто военнослужащие обращались к эмиру с жалобами на свое плачевное материальное положение. В середине 1917 г. фанзабадский гарнизон направил эмиру прошение, в котором говорилось, что если раньше на одну рупию можно было купить 10 сангов (50 фунтов) пшеницы, 12 сангов (60 фунтов) ячменя и 2 санга (10 фунтов) пшена, то теперь — только 4 санга (20 фунтов) пшеницы, 6 сангов (30 фунтов) ячменя и 1 санг (5 фунтов) пшена. Солдаты просили эмира увеличить их жалованье. Жалованье им не увеличили, но эмир приказал установить прежние цены на продукты⁹³.

Обмундирование солдатам выдавалось казной на три года, но часто и на более длительный срок. Обычно обмундирование хранилось на складе и выдавалось в особо торжественных случаях или на учения. В качестве повседневной одежды солдаты носили собственное гражданское платье, отчего одежда военнослужащих была крайне разнородна.

«Некоторые носят старые мундиры английской армии или же железнодорожных обществ, другие имеют мундиры местного базарного изготовления разных цветов; на одних — шаровары из сукна, на других — бумажные, а на некоторых — афганские „тамбоны“»⁹⁴, — писал Ф. А. Мартин.

За успехи по службе военнослужащие награждались орденами. Орден для солдат был серебряным, для офицеров — золотым, а для генералов — золотым с драгоценными камнями. Ордена отличались надписью, например, «Шуджаат» («За боевые заслуги»), «Сидикат» («За безупречную службу»). За каждый орден солдаты получали по две рупии надбавки к жалованью, а офицеры — 10% надбавки к месячному окладу⁹⁵. Медали «За верность», выданные эмиром Хабибуллой за то, что войска в течение двух лет оставались ему верны, были в большинстве случаев проданы солдатами на вес серебра, а деньги потрачены на покупку продуктов, так как в стране вскоре начался голод⁹⁶.

Дисциплинарные взыскания не были установлены, не было

и военного суда. Незначительные проступки обычно разбирались на основании положений шарната, а приговор суда утверждал джарнейль. Младшие офицеры не имели права налагать дисциплинарные взыскания. За мелкие проступки кифтан мог наложить штраф в одну рупию. Более крупные проступки и преступления (убийство, хищение и пр.) разбирались сардар-саларом в военном ведомстве в Кабуле.

Побег в случае добровольного возвращения наказывался штрафом из расчета одна рупия в день. Если же солдат отсутствовал в части более двух месяцев, то его поручители при призыве на службу должны были представить вместо него кого-либо другого, а если были украдены конь и оружие, то заплатить штраф. Штраф уплачивался в размере 60 рупий за шашку, 600 рупий за ружье и 300 рупий за коня (по данным за 1908 г.).

Дезертир, пойманный после двухмесячной отлучки, по закону подлежал смертной казни. В действительности же степень наказания в первую очередь зависела от имевшихся у него денег и протекции. Иногда вместо казни за взятку давали 2—3 месяца тюрьмы. Как справедливо отмечал поручик Туманович, «вся строгость закона, а зачастую незаконная жестокость обыкновенно прodelьваются только над людьми бедными и не имеющими протекции»⁹⁷.

В целом необходимо подчеркнуть, что, несмотря на некоторые нововведения, воинская дисциплина продолжала оставаться на низком уровне. Материальное положение рядового солдата было крайне тяжелым. Все это отрицательно сказывалось на боеспособности афганской армии⁹⁸. В ряды солдат и офицеров в начале XX в. стали проникать идеи борьбы за реформы и освобождение страны от иноземной зависимости. Революционизирующее воздействие на вооруженные силы Афганистана оказала революция 1905—1907 гг. в России и развернувшееся под ее влиянием конституционное движение в Иране в 1905—1911 гг. Сторонники младоафганцев распространяли в воинских частях антиэмирские и антианглийские листовки. Летом 1907 г. такие листовки и прокламации были обнаружены в казармах гарнизона Дейдали близ Мазари-Шарифа. В армии существовала широкая оппозиция политике эмира Хабибуллы. В начале 1908 г. начальник Фаизабадского гарнизона джарнейль Хаджи Гуль-хан открыто критиковал проанглийскую политику эмира и призывал к войне с Англией⁹⁹.

В 1908 г. произошло восстание пуштунских племен в Британской Индии. Вопреки требованиям широких народных масс и армии эмир отказал племенам в поддержке. Тогда афганские иррегулярные войска численностью до 20 тыс. человек во главе с офицерами регулярной армии самовольно выступили в поход против английской армии¹⁰⁰.

В 1912 г. произошло восстание в Хосте. Оно вспыхнуло в знак протеста против притеснений генерал-губернатора Южной

области Мухаммада Акбар-хана. Хотя правительству удалось подавить восстание силой правительственных войск и ополчения, но брожение в армии, особенно в провинциях, нарастало. В мае 1913 г. в гератском гарнизоне начались волнения на базе экономических требований солдат и унтер-офицеров. В 1913 г. был раскрыт заговор в войсках Гератского гарнизона. Во главе заговора стоял один из видных военачальников гератских войск, джарнейль Абдурахман-хан¹⁰¹. Около двухсот офицеров и чиновников Герата были арестованы и отправлены в Кабул. Все они были приговорены к смертной казни¹⁰².

Накануне первой мировой войны народные движения стали приобретать широкий размах, поскольку в них принимали участие низшие городские слои и солдатские массы. Армия начала все более активно участвовать в политических выступлениях, которые носили ярко выраженную антианглийскую и антифеодальную направленность.

Распространение среди прогрессивно настроенных офицеров стремления к дальнейшей модернизации страны, к проведению реформ способствовало улучшению обучения и подготовки войск, изменению системы подготовки офицерских кадров.

В конце XIX — начале XX в. благодаря знакомству афганцев с военной системой европейских государств, сначала английской, а затем турецкой и частично немецкой, наметились некоторые изменения в обучении и организации армии. Основополагающее значение для формирования новых взглядов на армию и военное дело имели уставы, которые впервые появились в конце XIX в.

В 1893 г. по приказу эмира Абдурахмана был написан строевой устав¹⁰³. Устав представлял собой иллюстрированный свод одиночных строевых приемов и строев частей и подразделений. Строевой устав был составлен Дарья-ханом Ниази, Абдурахманом Андараби, Абдул Хасаном Таджигом, Гулам Хасаном Куртом и другими специалистами. Рисунки были сделаны Мухаммадом Азизом Аббасом, а текст переписан Мир Сейф уд-Дином по прозвищу Азиз¹⁰⁴.

В предисловии к уставу, написанном на персидском языке, указано, что «эта книга составлена для обучения (солдат), а также в ней помещены правила строительства крепостей и окопов и все то, что составляет военное дело»¹⁰⁵. В действительности устав полностью посвящен строевой подготовке, а раздел по инженерному делу составляет всего три страницы.

Согласно господствовавшим в то время в афганской армии взглядам, основным содержанием обучения военному делу была строевая подготовка¹⁰⁶.

В строевом уставе имелось семь разделов («баб»): действия взвода; действия роты; приемы с оружием; действия батальона; размыкание строев; действия полка; другие действия.

Условно содержание устава можно разделить следующим образом: строевые приемы без оружия (с. 8—44); строевые

приемы с оружием (с. 45—83); строи подразделений и частей (с. 84—455); инженерное дело (с. 456—458).

На основании устава можно сделать некоторые выводы о тактике, организации, вооружении и форме одежды афганской регулярной армии в конце XIX в.

Насколько можно судить по разделам устава, посвященным строевым приемам, в 90-х годах XIX в. афганская армия придерживалась линейной тактики ведения боя. Устав предусматривал двухшереножное построение подразделений в линию. Кроме того, устав содержал правила построений в линию рот и батальонов. Эти построения были крайне сложными для выполнения и требовали большой точности. Особенно сложно было производить перемену фронта линейной роты и батальонов вперед, назад и влоборота. Кроме линейного существовали боевые порядки — каре, а также построение в две линии, где первая линия вела огонь с колена, а вторая — стоя, с руки.

Строевой устав регламентировал довольно ограниченный круг вопросов тактики, организации и принципов обучения регулярной армии, но он в какой-то степени позволяет судить о тех принципах, на которых строилась регулярная армия в Афганистане в конце XIX в.

В ходе военных преобразований в начале XX в. был разработан ряд новых уставов, в том числе устав пехоты.

Устав пехоты был впервые издан в Кабуле в эмирской типографии в 1913 г.¹⁰⁷ литографским способом и насчитывал 326 страниц текста, а также фотографии и схемы строев частей и подразделений. Устав был составлен турецкими военными советниками и преподавателями военного училища «Мактаб-и фонун-и харбие-и сераджие» под редакцией наиб-салара Мухаммада Надир-хана, в то время бывшего смотрителя этого училища. Устав предназначался «для обучения слушателей военного училища и для обучения офицеров афганской армии»¹⁰⁸. Он был составлен на основе турецких военных уставов и постановлений.

Устав пехоты содержал сведения о штатной структуре частей армии, принципах боевой и строевой подготовки и о способах ведения боя. Значительная часть статей устава была посвящена вопросам боевой подготовки. В афганской армии вводилось четыре периода обучения: зимний, весенний, летний, осенний¹⁰⁹. Зимний период включал обучение общим положениям, поворотам и отдаванию чести, обучение основам стрельбы, правилам чистки оружия и основам баллистики. В ходе этого периода старослужащие солдаты должны были повторять пройденное, приводить в порядок оружие, снаряжение, имущество. В уставе указывалось, что в теплых районах страны новички должны были обучаться вместе со старослужащими.

Во время весеннего периода солдаты должны были обучаться действиям в составе отделения, полувзвода, взвода и роты. Предусматривалось, что в летний период обучение должно бы-

ло происходить в составе роты и батальона, а на последнем этапе — в составе полка.

Планирование боевой подготовки возлагалось на офицера, который занимался боевой подготовкой. План боевой подготовки предписывал составление расписаний занятий по неделям, дням и часам. После каждого периода обучения предполагались экзамены. Экзамен по физподготовке, стрельбе и боевой подготовке должен был проводиться в конце зимнего периода обучения¹¹⁰.

Существенным недостатком устава пехоты, как и устава 1893 г., являлось то, что основное внимание в нем было уделено муштре, парадам и инспекциям (примерно две трети статей устава), а статьи, касающиеся ведения боевых действий, составляли лишь третью часть устава. В разделе ведения боевых действий излагались основные виды боевых действий: наступление, оборона, встречный бой, преследование, отход.

Устав не содержал никаких тактических нормативов, например указаний о ширине полос наступлений частей, размерах районов обороны, темпах совершения маршей, боевых задачах войск.

К сожалению, в афганской армии основное внимание уделялось показной стороне военного дела, а не боевой подготовке войск. Правда, в уставе пехоты указывалось, что маневры должны проводиться в конце осеннего периода обучения в целях сколачивания батальона, полка и бригады¹¹¹. Однако проведение маневров было большой редкостью, хотя совместные маневры регулярных войск с ополчением имели место. «Один-три раза в году эмир устраивает охоту, которая в действительности является маневрами»¹¹². Обычно батальон регулярных войск составлял ядро ополчения из 3—4 тыс. человек. Каждый парк (полувзвод) регулярных войск обучал взвод местного ополчения. Эти так называемые маневры длились около недели. Маневры проводились для ознакомления ополченцев с порядком проведения маршей и ведения боевых действий в горах, для проведения занятий по строевой подготовке ополченцев с привлечением регулярных войск.

В уставе была сделана попытка унифицировать военную терминологию: в нем помещен своеобразный толковый военный словарь встречающихся в уставе терминов. Многие из них употребляются в армии и по сей день.

В целом введение уставов в афганской армии можно считать большим достижением, но необходимо отметить, что положения уставов в значительной степени, особенно по боевой подготовке войск, из-за сопротивления на местах оставались лишь на бумаге и практически в войсках не были введены.

Кроме уставов большое значение для просвещения офицеров имели материалы по военным вопросам, помещавшиеся в газете «Сирадж уль-Ахбар». С № 17 «Сирадж уль-Ахбар» от 11 джауза 1291 г. с. х. (1 июня 1912 г.) в ней публикуются

военные материалы. Долгое время редакция не имела редактора военного раздела и материал готовил в основном главный редактор Махмуд Тарзи.

С 1914 г. военный раздел стал вести турецкий советник — преподаватель военного искусства в «Мактаб-и харбие» Хейр уд-Дин Холуси Бек¹¹³.

В рассматриваемый период боевая подготовка войск проводилась на основе сложившейся традиции с учетом требований уставов. В пехоте обучение сводилось к маршировке, ружейным приемам и стрельбе. Кавалеристов обучали искусству владеть холодным оружием, верховой езде и стрельбе. Артиллеристы изучали материальную часть орудий и обучались стрельбе.

В период правления эмира Абдуррахмана, по утверждению А. Гамильтона, «кабульские полки стали обучаться ружейной стрельбе, а офицерам преподавались элементарные сведения о тактике и стратегии»¹¹⁴.

Войска занимались огневой и строевой подготовкой. Кроме того, они обучались рассыпному строю и стрельбе холостыми патронами. Небольшое количество боеприпасов отпускалось на боевую стрельбу. Занятия с войсками проводились 3—4 раза в неделю. В больших гарнизонах занятия проводились в базарные дни для всеобщего обозрения¹¹⁵.

Занятиями руководили старшие офицеры части, а смотрами — командиры рот. Солдат, не являющихся на занятия, подвергали штрафу в 1 рупию. Учение обычно заключалось в ружейных приемах, поворотах и маршировке¹¹⁶.

Несмотря на то что в афганской армии главное внимание уделялось огневой и строевой подготовке, огневая подготовка проводилась на низком уровне. Учебных стрельб пехоты и артиллерии почти не было. «Некоторые батареи артиллерии, — писал Ф. А. Мартин, — иногда упражняются в стрельбе по мишеням, но это делается скорее для испытания орудий, чем для действительного обучения стрельбе».

По мнению Ф. А. Мартина, солдат афганской армии мало обучали стрельбе потому, что «афганцы всех классов смотрят на патрон, как на ценную вещь, которую жалко расходовать без особой нужды»¹¹⁷.

Интересны наблюдения австрийского офицера Эмиля Рыбички, который писал: «Несмотря на наличие приобретенных Абдуррахман-ханом у Круппа нескольких батарей пушек с крупновским снаряжением, из экономии боевых припасов не производилось почти никакой практической стрельбы. Исходя из того мнения, что ружье требует малую цель, а пушка значительно большую, на полигоне была воздвигнута белая глиняная стена, почти в 10 м длины и 5 м высоты, с намаляванным черным пятном для прицеливания. На расстоянии 1200—1300 метров выставлялись пушки, наводились на эту цель и стреляли»¹¹⁸.

Необходимо отметить, что в период, предшествовавший пер-

вой мировой войне, и в ходе ее военным вопросам и вопросам боевой подготовки армии стали уделять большее внимание. Определенную роль в улучшении боевой подготовки сыграли турецкие советники, в частности турецкий офицер Хайрабей, который создал учебный и образцовый батальоны и образцовую батарею.

Прогрессивная интеллигенция связывала вопросы улучшения боеготовности армии с вопросами борьбы за независимость страны и сохранением нейтралитета в мировой войне. Газета «Сирадж уль-Ахбар» в одном из своих номеров за 1914 г. поместила подборку материалов под заголовком «Важные военные дела», в которой отмечалось, что «в настоящее время государство нуждается в силе не только для ведения войны, но и для избавления от нее»¹¹⁹.

В 1914 г. в Кабуле среди военнослужащих столичных частей были проведены экзамены по строевой подготовке и артиллерийской стрельбе. Состоялись стрельбы из горных и полевых орудий. В своем письме редактору газеты «Сирадж уль-Ахбар» главнокомандующий войсками Надир-хан подчеркивал, что смотры войск проводились в целях выявления недостающего имущества и пополнения войск походным и другим снаряжением¹²⁰.

Инспекторские проверки носили поверхностный характер и не могли исправить недостатки в общей боевой подготовке афганской армии. В 1916—1917 гг. в армии проводилась реорганизация, были приняты меры по улучшению боевой подготовки. В середине 1917 г. в Мазари-Шариф прибыли 12 делиров — инструкторов по обучению войск. В отличие от прошлых лет занятия проводились даже в жару. Два раза в день проводились стрельбы. В Кандатар из Кабула прибыли 8 делиров гвардейского полка. С их прибытием занятия войск оживились. По требованию делиров было уволено около 100 престарелых и физически слабых солдат, а также курильщиков опиума. Инструкторы были направлены также в Герат, где в начале марта 1917 г. были проведены артиллерийские стрельбы. Хотя было выпущено около 30 снарядов, только один из них попал в цель. С марта 1917 г. в гератской кавалерии проводились занятия по применению пик¹²¹.

Но это были единичные примеры. Обучение продолжало оставаться на низком уровне. Полевые занятия были крайне редки. Основное внимание уделялось отработке строевых приемов, проведению парадов и смотров, в то время как действиям в боевых условиях войска не обучались. Эти недостатки наглядно проявились в ходе третьей англо-афганской войны 1919 г.

Большое значение в армии придавалось идеологической подготовке, прежде всего религиозному воспитанию солдат. В каждой роте имелся назначавшийся властями наставник-мулла, который воспитывал солдат в духе преданности эмиру и догматам ислама¹²². Правящие круги Афганистана использовали

зунги борьбы с «неверными», за «чистоту ислама» в целях сплочения национальных сил для борьбы с внешним противником, идеологического обоснования захвата новых территорий (например, Кафиристана), укрепления государственного аппарата, обеспечения эксплуатации крестьянских масс.

Солдатам внушали мысль об исключительной роли мусульман Афганистана в защите веры, поскольку другие мусульманские страны оказались в подчинении у европейцев и не смогли сохранить в чистоте свою религию. Военнослужащие должны были осознать необходимость ведения джихада — священной войны против неверных. Идеологическая обработка армии сыграла большую роль в росте антианглийских настроений среди военнослужащих.

В период правления эмира Абдуррахмана, несмотря на заимствование европейской техники и иностранных военных уставов, обучение офицеров не претерпело существенных изменений.

В начале XX в. система подготовки офицерских кадров была несколько улучшена. В 1904 г. в Кабуле было открыто военное-административное училище, где обучались 500 курсантов¹²³. Среди преподавателей училища были четыре индийца. Кроме военных и административных наук в школе преподавали английский, персидский языки и язык пушту, а также гимнастику. Курсанты получали от государства учебники и обмундирование, но жили не в казармах, а в городе. На старших курсах в соответствии с наклонностями учеников их переводили в военную или административную группы.

Обучение в училище продолжалось 7 лет. Слабоуспевающие ученики могли учиться до 12 лет, после чего в случае провала на экзаменах их исключали из училища¹²⁴. Выдержавшие экзамен распределялись в армию. Первый выпуск офицеров состоялся в 1910/11 г.

В 1906—1907 гг.¹²⁵ (по другим данным, в 1909 г.)¹²⁶ в Кабуле в соответствии с решением эмира было создано военное училище «Мактаб-и харбие». Эмир Хабибулла приказал отдать в это училище сыновей афганских сардаров. Несмотря на противодействие этой мере со стороны знати, в первый год в училище было набрано 150 человек. Для того, чтобы поощрить поступление в «Мактаб-и харбие» сыновей знати, эмир отдал в училище своих сыновей. К концу его правления в училище обучалось около 900 человек¹²⁷.

Во главе училища был поставлен турецкий офицер полковник Махмуд Сами, состоявший на афганской службе¹²⁸. Махмуд Сами был наставником принца Инаятуллы, которому он давал уроки физкультуры и военного дела. Первоначально Махмуд Сами работал инструктором в полку «Джадид-и ислам», состоявшем из нуристанцев, принявших ислам¹²⁹. В течение трех лет Махмуд Сами возглавлял «Мактаб-и харбие». За это время ему не удалось организовать обучение офицеров на нужном уровне. Он плохо справлялся с делами, бил курсантов.

Дисциплина была низкой, среди курсантов вспыхивали ссоры, потасовки. Количество курсантов в училище стало уменьшаться, эмиру неоднократно подавались жалобы на неудовлетворительное состояние дел в училище¹³⁰. Для контроля и расследования дел в училище была проведена инспекция. В результате факты злоупотребления подтвердились и Махмуд Сами был отстранен от занимаемой должности, разжалован и уволен со службы.

После этого по указу эмира был написан устав училища. После утверждения его эмиром отпечатанные экземпляры устава были розданы курсантам и офицерам училища. Для контроля за делами «Мактаб-и харбие» его инспектором по совместительству был назначен бригадир Гулам Джилани-хан, командир полка «Қотвали». Ему было вменено в обязанность улучшать управление училищем и не допускать злоупотреблений¹³¹.

Принц Инаятулла-хан, обращаясь к курсантам «Мактаб-и харбие» после проведенной реорганизации, особенно подчеркнул, что «если вы будете пропускать занятия или нарушать устав, то мы будем наказывать вас. Мы хотим, чтобы из этого училища выпускались действительно военные офицеры»¹³².

В военном училище «Мактаб-и харбие» преподавались как общеобразовательные, так и специальные военные дисциплины. Преподавателями военных дисциплин были в основном турецкие инструкторы. Например, турецкий офицер Азам Маңдали Эфенди преподавал в «Мактаб-и харбие» военное искусство и за заслуги был награжден орденом «Сидикат»¹³³.

При училище был учебный батальон, где обучались малолетние сыновья придворных и знати, в том числе все принцы.

В «Мактаб-и харбие» получали образование лучшие представители афганской знати. Это было привилегированное училище, которое готовило офицеров, призванных занять руководящие посты в военной иерархии государства. О месте училища «Мактаб-и харбие» в подготовке офицерской элиты можно судить по назначениям, которые получали его курсанты. Основная масса выпускников распределялась в центральные части: в полк «Ардали», в полк «Қотвали» (полиция) Кабула, в полк личной гвардии эмира. Например, в январе 1913 г. «Мактаб-и харбие» окончили 27 человек, из которых 5 были произведены в полковники, 4 — в комейданы (командиры батальонов), 9 — в сарсамышры (командиры рот) 4 — в адъютанты, 1 — в командира роты на заводе «Машин-хана» и 1 — в командира роты вооружения¹³⁴.

В последующие годы были открыты и другие военные училища.

В 1910 г. (по некоторым источникам, в 1912 г.)¹³⁵ было создано училище, носившее название «Мактаб-и джадид уль-ислам»¹³⁶. В училище зачислялись юноши из Нуристана, часть которых после его окончания возвращалась на родину и чис-

лилась в запасе. Одновременно запасники принимались на гражданскую государственную службу и использовались в качестве проводников политики правительства на местах. Часть выпускников оставалась служить в армии в качестве младших офицеров или сержантов. Двум выходцам из Нуристана впоследствии даже удалось достичь высокого положения в афганской армии. Так, Гулям Фараморз-хан стал командующим войсками провинции Герат, а генерал Абдул Вакил-хан командовал одним из воинских соединений афганской армии.

В «Мактаб-и джадид уль-ислам» в 1912 г. обучались 98 мальчиков-нуристанцев. Училище было предметом особой заботы эмира. Он часто посещал его, лично принимал экзамены у курсантов и проводил строевые смотры. В программу обучения входили военные науки, строевая подготовка, гимнастика, арабский и персидский языки, география, математика, богословие¹³⁷.

Весной 1912 г. на юге страны восстало племя мангал. Его поддержали другие пуштунские племена. Попытка использовать мулл, чтобы склонить восставших на сторону правительства, не дала результатов. Для усмирения восставших была послана карательная экспедиция. Правительственные войска включали 6 батальонов пехоты, 2 полка кавалерии, 2 горные батареи и 4 тыс. добровольцев. Силы были неравными, и вскоре восставшие сложили оружие.

Ханы и малики племен, принимавших участие в восстании, пытались использовать недовольство народных масс растущей феодальной эксплуатацией и произволом правительственных чиновников в своих корыстных целях, чтобы вернуть утерянные в результате централизации страны привилегии в области сбора налогов и в других областях.

После усмирения восстания эмир принял решение создать военное училище для сыновей знати племени мангал, чтобы привлечь таким образом это племя на свою сторону. Военное училище получило название «Мактаб-и маликзадеха-йи мангал». Программа этого училища была аналогична программе «Мактаб-и джадид уль-ислам», но преподаванию Корана в нем отводилось меньше времени и основной упор делался на изучение общеобразовательных и военных дисциплин. После окончания училища юноши обычно возвращались в родные места и зачислялись в состав офицеров ополчения. Курсанты «Мактаб-и маликзадеха-йи мангал» впоследствии добились больших успехов в учебе, особенно в военных науках, и в дальнейшем «стали верно служить на благо государства»¹³⁸. В 1916 г. в этом училище обучалось около 60 человек¹³⁹. «Мактаб-и джадид уль-ислам» и «Мактаб-и маликзадеха-йи мангал» призваны были воспитывать молодежь в духе преданности эмиру, привлекать на сторону центрального правительства выходцев из знати окраинных районов страны. В то же время эти училища давали военные знания и готовили офицеров, которые должны были

в случае необходимости возглавить отряды ополчения племен. Кроме упомянутых военных училищ существовала также военная школа «Мактаб-и аскар». В этой школе, по-видимому, проходили подготовку унтер-офицеры и солдаты. В частности, такая школа была в полку эмирской охраны «Ардали»¹⁴⁰.

В армии существовал также учебный батальон по подготовке унтер-офицеров («кандак-и наик хаваладари») ¹⁴¹.

Создание учебных заведений явилось важным шагом в деле подготовки офицерских кадров для афганской армии. Были заложены основы современной системы обучения офицерского, унтер-офицерского и рядового состава армии.

В связи с экономической отсталостью Афганистана обеспечение армии вооружением и боеприпасами было одной из основных проблем страны в конце XIX — начале XX в. Основные потребности армии в вооружении и боеприпасах удовлетворялись за счет английской помощи, так называемых даров и закупок оружия за рубежом. Наряду с этим были предприняты дальнейшие шаги по расширению производства вооружения и боеприпасов внутри страны. Для уменьшения зависимости от Англии в вопросах обеспечения армии в Афганистане был построен ряд военных предприятий и мастерских. Себестоимость продукции, выпускавшейся на местных предприятиях, была очень высокой, однако афганское правительство шло на дополнительные расходы, так как наличие даже ограниченной производственной базы позволяло добиться большей самостоятельности в вопросах обеспечения армии вооружением, боеприпасами и имуществом, проводить более самостоятельный политический курс.

Все военные предприятия и арсеналы, имевшиеся в стране, организационно подчинялись управлению («кинджин»), которое входило в состав военного ведомства ¹⁴².

Впервые механические мастерские в стране были построены в период правления эмира Шер Али-хана. Они находились в Кабуле.

В конце 80-х годов XIX в. по указанию эмира Абдуллахмана мастерские «Машин-хана» были перестроены и расширены. Оборудование для новых цехов было закуплено в Англии, в реконструкции приняли участие английские инженеры. «Машин-хана» по существу представляла собой комплекс различных мастерских или цехов, которые выпускали самую разнообразную продукцию, преимущественно военную.

Ф. А. Мартин отмечал, что кабульские мастерские состояли из сотни различных мелких заведений, в числе которых «два патронных завода с машинами для изготовления унитарных патронов Мартини и Снайдера, трубочный завод, кузница с паровым молотом, литейный монетный двор, железопрокатные мастерские и помещение для паровых котлов и машин; кроме того, мастерские механические: для изготовления платформ и колес для орудий, мастерские по производству ружейных лож, для

снаряжения патронов и снарядов, артиллерийской сбрауи, реж. ней, сапог и пр., мастерские для приготовления капсульного пороха...»¹⁴³. Всего на предприятиях «Машин-хана» было занято до 5 тыс. рабочих.

Станки на заводе «Машин-хана» приводились в движение с помощью паровой машины. Станки были устаревшей конструкции, разных годов производства. Это затрудняло их использование и обучение рабочих. «Машин-хана» тех лет представляла собой военизированную мануфактуру. За работой следили надсмотрщики. Дисциплинарные меры наказания были очень строгими. Рабочие были приписаны к заводу пожизненно.

Иногда в качестве рабочих привлекали новобранцев, которых распределяли в кабульские мастерские. Эмир часто посещал завод и знакомился с его работой. Во время одного из таких посещений эмир Хабибулла особое внимание обратил на работу оружейного цеха. В качестве поощрения рабочим — оружейным мастерам сделали общую прибавку к жалованью в размере 2 тыс. рупий, а пушкарям — 500 рупий. Эти деньги должны были быть разделены между всеми рабочими. Эмир также прибавил 200 рупий к жалованью директора завода Мухаммада Сарвар-хана и за добросовестную работу присвоил ему звание генерала¹⁴⁴.

В «Машин-хана» изготавливались как дульнозарядные, так и орудия, заряжавшиеся с казенной части. Орудия, заряжавшиеся с дула, назывались «дахан-пур». Обычно это были 4-, 6-, 10-фунтовые горные и полевые орудия. Орудия, заряжавшиеся с казенной части, были представлены двумя видами: «як-кобза» и «пана-пур». Калибр этих орудий был различным. Орудия «як-кобза» имели поршневой замок, а орудия «пана-пур» — кляновый¹⁴⁵.

Орудия, заряжавшиеся с дула, стреляли чугунной шранелью с дистанционной трубкой в головной части снаряда. Все орудия, заряжавшиеся с казны, были снабжены унитарными патронами. Кроме того, в мастерских изготавливались одноствольные и двухствольные пулеметы.

На заводе изготавливались также крепостные орудия. Они были стальными и имели нарезы. Крепостные орудия были приспособлены для перевозки на слонах.

• Качество орудий и винтовок было невысоким. «Ружья, изготовленные в местных мастерских, — писал Ф. А. Мартин, — плохо пристреляны, и редко два из них имеют одинаковый бой. Этот недостаток пристрелки может не иметь значения только при стрельбе по сомкнутому строю, но меткость — необходимое качество ружья, и при стрельбе из этих ружей даже обученными людьми вероятность попадания мала»¹⁴⁶.

Качество изготовления пулеметов было также плохим: механизмы и детали были плохо пригнаны, и «из этих пулеметов редко может быть выпущен без задержки полный комплект патронов»¹⁴⁷.

Завод также выпускал холодное оружие: шашки, пики, кинжалы и др. На заводе изготавливались военное обмундирование, знамена и флажки для пехоты и конницы, палатки, обувь, перчатки, гимнастические снаряды, мишени, учебное оборудование, бинокли, головные уборы ¹⁴⁸.

Кабульский пороховой завод изготавливал порох двух сортов: мелко- и крупнозернистый. Порох оставлял слишком много нагара в канале ствола и после 3—4 выстрелов необходимо было чистить винтовку. В 1912 г. было импортировано оборудование для завода по производству бездымного пороха. Однако оказалось, что оборудование предназначалось для производства нитроцеллюлозы, а не нитроглицеринового пороха, и поэтому оно не было использовано ¹⁴⁹.

Мощность ружейного цеха «Машин-хана» в 1893—1894 гг. составляла 10 тыс. патронов в день; 3 орудия и несколько десятков винтовок в месяц ¹⁵⁰.

В начале XX в. производительность завода возросла. А. Гамилтон писал, что кабульские мастерские вырабатывали в неделю 2 орудия, 175 винтовок, а также амуницию ¹⁵¹. Есть и другие данные. Как писал Мирза Сираджуддин, «Машин-хана» выпускала ежедневно 50 винтовок, 5 тыс. патронов и одно орудие в два дня ¹⁵². П. фон-Герих сообщал, что в начале XX в. на заводе изготавливали до 2 тыс. патронов и 15 ружей в день и 2 орудия в месяц ¹⁵³.

За период с октября 1912 г. по ноябрь 1913 г. только кабульскими предприятиями было изготовлено 32 горных и полевых орудия, 5 тыс. однозарядных длинноствольных и короткоствольных ружей, а также патроны, шрапнель, бомбы и гранаты ¹⁵⁴.

В начале XX в. в Афганистане было 3 арсенала. Главный арсенал — завод «Машин-хана» находился в Кабуле. Второй арсенал находился в Герате, занимался ремонтом орудий и изготовлением холодного оружия ¹⁵⁵. В арсенале в Мазари-Шарифе ремонтировали орудия и стрелковое оружие ¹⁵⁶.

Однако потребности армии в вооружении не были полностью удовлетворены. Поэтому импорт оружия из-за границы по-прежнему имел большое значение.

В 90-х годах XIX в. ввоз оружия и боеприпасов из Индии достиг больших размеров. Значительную часть оружия афганцы приобрели за счет английской субсидии, которая в 1893 г. составила 1,8 млн. рупий. Кроме того, англичане неоднократно поставляли Афганистану большие партии оружия и боеприпасов бесплатно. По свидетельству афганского историка Фаиз Мухаммада, в 1885 г. эмир Абдуррахман закупил за границей и получил в дар от англичан 55 тыс. винтовок и 10 артиллерийских батарей ¹⁵⁷.

Англичане подарили Афганистану большое количество магазинных винтовок. В 1906 — начале 1907 г. в Индии было приобретено 12 тыс. магазинных винтовок. Обычно англичане сбы-

вали в Афганистан ружья устаревших систем, оставшиеся после перевооружения англо-индийской армии. Даже когда англичане разрешили ввозить оружие из третьих стран, они держали контроль над импортом оружия в своих руках. В соответствии со ст. 7 англо-афганского договора 1893 г., правительство Британской Индии дало согласие на закупки и импорт Афганистаном военного снаряжения из других стран при условии, что это оружие будет ввозиться через Индию¹⁵⁸.

В 1903 г. афганское правительство закупило в Германии 12 скорострельных горных пушек, 18 полевых орудий и 2 гаубицы, а также боеприпасы к ним. Однако англичане не пропустили оружие через территорию Британской Индии, и транспорт с ним был задержан в Карачи¹⁵⁹.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, Афганистан осуществлял широкую контрабандную закупку оружия у третьих стран, в частности в Германии. В контрабандной торговле оружием активное участие принимал брат эмира — Насрулла-хан. Контрабандный ввоз оружия осуществлялся с согласия и при поддержке афганского правительства. Караваны сопровождались сильным конвоем, насчитывавшим иногда до 300 человек¹⁶⁰. По некоторым данным, только за неполный 1909 год в Афганистан было введено через Систан до 19 тыс. винтовок и около 2 млн. патронов к ним.

За 1910—1911 гг. английские колониальные власти в Индии израсходовали на борьбу с контрабандной торговлей оружием в Афганистане свыше 3 млн. рупий. Была организована блокада Мекранского побережья и установлен контроль за движением караванов через Белуджистан.

В начале 1911 г. английским властям стало известно, что из Афганистана в Мекран выступил караван в 3500 человек, снаряженный торговцами оружием. Английские власти в Индии внесли в бюджет статью об ассигновании на 1911 г. дополнительно 2 млн. рупий на борьбу против афганских контрабандистов. Был сформирован 2-тысячный отряд с горной батареей, саперами и полевым госпиталем и посажен в Бомбее на военные суда «Хардник», «Нортбрук», «Хайфлаер», которые вышли в море для патрулирования побережья Персидского залива¹⁶¹.

Полностью удовлетворить потребности армии в качественном военном снаряжении местным производством Афганистан был не в состоянии. Импорт оружия из-за границы продолжал играть важную роль в деле обеспечения армии, и отчетливо выявилось стремление правящих кругов Афганистана расширить «географию» стран — поставщиков оружия¹⁶².

Формирование афганского централизованного государства стало возможным в результате глубоких социально-экономических сдвигов в афганском обществе в ходе постепенной и крайне медленной трансформации феодальных отношений. Одновременно с вызреванием новых социально-экономических отношений происходило изменение военной системы, и наряду с сохра-

нением военной организации племен в Афганистане окончательно формируется новый тип армии — регулярная армия.

Однако огромную роль наряду с регулярной армией продолжали играть воинские формирования племен. Этому, с одной стороны, способствовала длительная борьба афганцев за независимость против Британской Индии, противостоять которой афганцы могли, только опираясь на вооруженную силу всего народа. С другой стороны, длительное сохранение независимой от государственной власти родо-племенной военной организации отвечало интересам значительной части сепаратистски настроенной родо-племенной знати, стремившейся любой ценой сохранить свои политические привилегии и экономическую базу своего господства.

В конце XIX в. афганская армия помимо выполнения функций защиты государственного суверенитета и территориальной целостности также выступает в качестве основного орудия сохранения господства правящих классов. В Афганистане проявление внешней и внутренней функции армии происходило на своеобразном историческом и социально-экономическом фоне при сохранении в течение длительного исторического периода пережитков дофеодальных отношений и связанной с этим консервацией родо-племенной военной организации.

Факты свидетельствуют о том, что при столкновении с агрессивной извне правительственная армия не всегда была в состоянии успешно вести боевые действия с противником (не надо, однако, забывать, что на протяжении всего XIX и в начале XX в. основным противником была Англия). И только широкое участие в боевых действиях ополчений племен в сочетании с правительственными войсками делало возможным успешное отражение внешней агрессии. При ведении внешних захватнических войн в интересах правящих классов знать племен, как правило, выступала союзницей центрального правительства.

При проведении политики воссоединения афганских земель и укрепления центральной государственной власти правящие круги в большинстве случаев могли опереться только на регулярную правительственную армию. В тех же случаях, когда политика правительства непосредственно затрагивала интересы знати племен, последняя оказывала ожесточенное сопротивление любым попыткам укрепления государственной власти (уплата налогов в любой форме, призыв в армию, сдача оружия и др.). В случае восстания племен правительство далеко не всегда одерживало верх, но чаще было вынуждено идти на компромисс или вообще под давлением племен изменять политический курс.

Централизация афганского государства происходила в значительной степени путем разрешения этого противоречия, причем роль постоянной армии в процессе централизации была ведущей по сравнению с военной организацией племен и возрастала на каждом новом этапе исторического развития стра-

ны. Постоянные армии афганских правителей как элемент государственной надстройки очень часто играли активную роль по отношению к базису. Путем присоединения новых территорий силой оружия создавалась более широкая экономическая база для правящих классов страны. В условиях господства натурального хозяйства, слабых экономических связей такая база могла создаваться вначале в основном, во-первых, экстенсивно, за счет захвата новых земель, а во-вторых, при опоре на насильственные, неэкономические меры принуждения, что характерно для феодального общества. В обоих случаях это было возможно только при наличии достаточно сильной постоянной армии.

Известная слабость постоянной армии по сравнению с ополчением племен, а также политическое, экономическое и военное давление Англии привело к тому, что при создании афганского централизованного государства в его состав не вошли значительные районы, населенные афганцами, что породило проблему Пуштунистана. В то же время в состав Афганистана были включены новые районы с преобладанием непустунского населения.

Формирование афганского централизованного государства в XIX в. проходило, с одной стороны, в постоянной борьбе против агрессивных устремлений английского колониализма, а с другой — против сепаратизма афганской феодальной знати.

В этих условиях первостепенной задачей для сохранения и укрепления афганской государственности перед лицом внутренней и внешней опасности являлась задача укрепления основного инструмента государственной власти — армии.

В конце XIX в. эмир Абдуррахман подчинил себе афганских ханов и усилил центральную власть, что сделало возможным реорганизацию армии. Усиление государства позволило перейти наряду с сохранением добровольческой системы комплектования к принудительному набору рекрутов. Солдаты служили пожизненно. Все солдаты получали жалованье в денежной и натуральной форме, была установлена определенная форма одежды. Жестокими мерами в армии была достигнута более или менее твердая дисциплина. Армия стала вооружаться более совершенным оружием.

В ходе военных преобразований несколько улучшилось снабжение войск и была создана служба тыла и транспорта. Большое внимание уделялось строительству крепостей, дорог, мостов, телеграфных и телефонных линий.

Была введена единообразная штатная организация с делением на полки, батальоны, роты и т. д. Были сформированы и соединения типа дивизии, но они не представляли единого организационного целого, а являлись территориальным формированием. Одним из важнейших мероприятий в области подготовки офицеров явилось создание в 1907 г. военной школы «Мактаб-и харбие» в Кабуле.

Однако афганская армия продолжала оставаться полуфеодалной. В военное время правительство по-прежнему прибегало к сбору ополчения. Эмир Абдуррахман стал выплачивать наиболее влиятельным представителям знати племен денежные субсидии, за счет которых должен был содержаться постоянный контингент племенной милиции. Это позволило в какой-то мере поставить под контроль правительства племенные ополчения.

Войной 1919 г. заканчивается третий период существования афганских вооруженных сил. Однако созданная к этому времени регулярная армия оказалась довольно слабой и не выдержала столкновения с таким сильным противником, как англичане. Огромное значение для восстановления независимости Афганистана имело участие в войне с Англией ополчений племен.

После восстановления независимости начинается переход к созданию армии буржуазного типа, который был завершён в новейшее время.

Глава IV

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ АФГАНИСТАНА В 1919—1972 гг.

Афганистан вступил в новейшее время экономически отсталой и политически зависимой от Англии страной. Говоря об Афганистане тех лет, В. И. Ленин отмечал: «*Номинально самостоятелен* вполне. На деле вся *внешняя* политика в руках Англии; эмир на ее жаловании»¹.

В социальном строе страны, многонациональное население которой в середине второго десятилетия XX в. составляло около 4,5 млн. человек, продолжали господствовать феодальные и патриархальные отношения. Довольно значительная часть пуштунского населения, особенно на территориях, расположенных к югу от Гиндукуша, вела кочевой и полукочевой образ жизни, занимаясь, как это было сотни лет назад, скотоводством, караванной торговлей и обслуживанием транзита товаров из Индии в Афганистан, Среднюю Азию и обратно.

Какие-либо существенные экономические связи между различными районами, прежде всего между областями к северу и югу от Гиндукуша, практически отсутствовали. Более того, хозяйство многих частей и районов страны и даже отдельных долин и оазисов носило изолированный, замкнутый, натуральный и полунатуральный характер. Часто вблизи крупных экономических центров и торговых путей встречались «совершенно изолированные хозяйственные долины, сохранившие в нетронутой чистоте древние хозяйственные формы, язык и уклад»².

Преобладающая часть сельского оседлого населения занималась земледелием, которое базировалось на примитивных средневековых орудиях и приемах труда. Земля находилась в руках дворцовой аристократии, крупных феодалов и помещиков, ханов племен, высшего слоя мусульманских богословов и зажиточной деревенской верхушки. Большинство крестьян оставалось безземельными и малоземельными. Они страдали от тяжелой издольщины и арендной платы, непосильного налогового бремени, нищеты, болезней, произвола властей. Не легче было и положение трудящихся города. Все это вместе взятое не могло не приводить к усилению социальной напряженности в афганском обществе, находившей свое выражение в стихийных крестьянских восстаниях, народных волнениях, убийствах

представителей местной администрации, в возникновении шаек разбойников, грабивших население и торговые караваны на дорогах и т. п.

Промышленности в стране фактически не было, не считая кустарных мастерских, обеспечивавших скромные нужды населения страны в традиционных товарах повседневного быта, а также единственного в стране завода «Машин-хана», построенного с английской помощью в 1885—1887 гг. и несколько расширенного в последующие десятилетия.

Однако, несмотря на общую социально-экономическую отсталость, отсутствие единого внутреннего рынка, изоляцию страны от внешнего мира, в Афганистане с начала XX в. стали постепенно развиваться хозяйственные связи с мировым капиталистическим рынком и расти товарно-денежные отношения. Это проявлялось главным образом в расширении ввоза промышленных товаров, прежде всего хлопчатобумажных тканей, и вывозе из страны продукции сельского хозяйства — каракуля, шерсти, кож, хлопка, фруктов. Расширившиеся потребности внешней торговли стимулировали развитие экспортных отраслей сельского хозяйства.

Указанные выше процессы приводили, в свою очередь, к определенным социально-классовым изменениям в афганском обществе: в стране начали формироваться буржуазные элементы, прежде всего в сфере торгово-посреднических связей с мировым капиталистическим рынком, расти концентрация скота и земли в руках помещиков, которые вели товарное хозяйство, накапливаться свободные капиталы у отдельных представителей господствующих классов, усиливаться эксплуатация непосредственных производителей материальных благ и их расслоение, обостряться противоречия между традиционными элитарными слоями и классами общества, с одной стороны, и складывавшейся торговой буржуазией и новыми помещиками — с другой.

В такой социально-экономической и политической обстановке и особенно под воздействием освободительных идей Великого Октября и образования дружественного народом Востока Советского государства активизировались прогрессивные элементы Афганистана, вошедшие в историю под названием младоафганцев. Они, объединяя в своих рядах представителей либеральных помещиков, национального торгового капитала, группу молодой интеллигенции из числа чиновничества, учителей, передового офицерства и учащуюся молодежь, выступали за полную национальную независимость и установление в стране такого правопорядка (в форме конституционной монархии), который мог бы обеспечить развитие экономики и культуры, изживание наиболее одиозных феодальных институтов и занятие Афганистаном подобающего ему места среди суверенных государств мира.

Идеологом младоафганского движения был Махмуд-бек Тарзи. Иден младоафганцев разделял и воспитанник Махмуда

Тарзи, один из сыновей эмира Хабибуллы — Аманулла-хан. Идеиное влияние учителя на своего воспитанника дополнялось родственными связями: оба происходили из одного и того же рода баракзаев и, кроме того, Аманулла-хан был женат на дочери Махмуда Тарзи — Сорейе.

Политическое брожение в афганском обществе, повсеместные народные волнения, недовольство чиновничества и армии уменьшением жалованья в связи с финансовыми затруднениями казны, вызванными последствиями первой мировой войны и первых послевоенных лет и рядом других причин, борьба в правящей верхушке вокруг вопросов национальной независимости и будущего развития страны, — все это накаляло обстановку в стране и привело к ликвидации режима эмира Хабибуллы.

Власть в стране сначала попыталась захватить группировка консервативно настроенных деятелей (так называемых староафганцев), во главе которой стоял Насрулла-хан, брат эмира Хабибуллы. Однако Аманулла-хан, выступив с эмоциональной речью перед гарнизоном столицы и пообещав добиться независимости Афганистана и провести внутренние реформы, обеспечил себе широкую поддержку населения Кабула и армии и вскоре занял эмирский престол. Намерение добиться независимости Аманулла-хан подтвердил в своем обращении к населению 27 февраля 1919 г., заявив, что «Афганистан должен быть свободным и независимым».

3 марта 1919 г. эмир Аманулла направил специальное послание вице-королю Индии Челмсфорду, предлагая пересмотреть условия, на которых до этого строились англо-афганские отношения. Английские колонизаторы фактически игнорировали это предложение и в начале мая начали войну против Афганистана, намереваясь с помощью военной силы сохранить свои позиции в этой стране. При этом они рассчитывали на свое военно-техническое превосходство и перевес в численности войск (340 тыс. человек против 60 тыс. у афганцев).

Однако британские агрессоры снова, как и во время первой (1838—1842) и второй (1878—1880) англо-афганских войн, натолкнулись на мужественное сопротивление афганского народа. Следует отметить, что на сей раз его борьбе исключительно благоприятствовала обстановка, сложившаяся вокруг Афганистана, моральная и политическая поддержка, которую ему оказала молодая Советская республика, официально признавшая афганский суверенитет 27 марта 1919 г. и выразившая готовность оказать всяческую, в том числе и военную, помощь. Неоценимое значение для успеха освободительной борьбы афганского народа имел и разгром Красной Армией английских интервентов в Средней Азии, начавшийся в мае 1919 г., а также развернувшееся в Британской Индии антианглийское национально-освободительное движение (восстание пуштунских племен на индо-афганской границе) и подъем демократической и антиимпериалистической борьбы в Иране.

Английские правящие круги вынуждены были 3 июня 1919 г. принять предложение эмира Амануллы о перемирии, а 8 августа подписать в Равалпинди англо-афганский прелиминарный мирный договор и в приложенной к нему особой ноте признать независимость Афганистана. Таким образом, для Афганистана открылся завоеванный в ходе долгой и упорной борьбы путь независимого, суверенного развития.

Усилия младоафганского правительства по реорганизации и укреплению армии

Становление независимого Афганистана происходило в сложной международной и внутренней обстановке, характеризовавшейся, с одной стороны, непрекращавшимися происками британского империализма, который не оставлял попыток восстановить свое влияние в этой стране и ограничить ее самостоятельность, с другой — противодействием внутренней реакции курсу младоафганского правительства, направленному на преодоление экономической отсталости страны, ликвидацию архаичных феодальных институтов и укрепление центральной власти. В связи с этим перед правительством эмира Амануллы с первых дней его правления в числе самых важных и первостепенных задач государственной политики встала задача создания надежных, оснащенных современной техникой вооруженных сил, способных подавить сопротивление внутренней реакции и защитить национальный суверенитет.

Решение этой неотложной задачи было далеко не из легких. Военная организация Афганистана, как и страна в целом, в результате длительной полуколониальной зависимости оставалась слабой и отсталой. Это со всей отчетливостью показала война за независимость 1919 г., хотя она и носила кратковременный характер³. Страна в то время не располагала ни необходимыми материальными и финансовыми средствами, ни военной промышленностью, ни подготовленными военными кадрами.

В этих трудных условиях руку дружбы и помощи независимому Афганистану протянула молодая Советская республика. Еще в апреле 1919 г. она наряду с признанием суверенного афганского государства выразила готовность оказать ему вооруженную помощь⁴. Еще раз подтверждая эту готовность, В. И. Ленин писал 27 мая 1919 г. эмиру Афганистана в ответ на его первое послание главе Советского правительства: «Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достоинство»⁵.

На основе этого предложения афганское правительство обратилось 8 мая 1920 г. к правительству РСФСР с просьбой об оказании Афганистану всесторонней, в том числе и военной,

помощи, а также с предложением заключить торговый договор и военный союз между Афганистаном и РСФСР. Молодая Советская республика незамедлительно откликнулась на эту просьбу, дав согласие предоставить Афганистану безвозмездно 1 млн. руб. золотом, передать несколько самолетов и 5 тыс. винтовок с необходимым запасом патронов, создать в Кабуле авиационную школу, построить завод по изготовлению бездымного пороха, поставить оборудование для телеграфной линии Кушка — Герат — Кандагар — Кабул, направить в Афганистан технических и других специалистов⁶.

В 1920 г. младоафганское правительство приступило к осуществлению военной реформы. Прежде всего известному пересмотру была подвергнута структура высшего военного командования: расширены штаты военного министерства, впервые создан Главный штаб и организовано судебное управление. При военном министерстве был учрежден совещательный орган — Военный совет. Однако верховное командование вооруженными силами по-прежнему оставалось в руках эмира, которому непосредственно подчинялся военный министр, наделенный правами главнокомандующего армией. С целью централизации управления всеми военными формированиями на местах и их оперативного использования войска, расквартированные на территории каждой провинции или области, объединялись под общим командованием одного из старших командиров частей и составляли самостоятельную военную силу, подчиненную непосредственно военному министерству, минуя губернатора.

В соответствии с принятой в то время организацией, афганские вооруженные силы состояли из регулярной армии и ополчения. Высшим войсковым соединением при Аманулле стала пехотная дивизия, состоявшая из 2—3 пехотных бригад (фактически, полков), 2—3 кавалерийских эскадронов и 2—3 артиллерийских батарей общей численностью 2—3,5 тыс. человек. Пехотная бригада включала 3 батальона, батальон — 4 роты, а рота (в составе 126 рядовых) — 3 взвода. Взвод, в свою очередь, состоял из 2 полувзводов по 3 отделения в каждом. Батальоны носили название той местности или племени, где они были укомплектованы. Штабы имелись лишь при дивизиях и бригадах. Примерно такой же была организация кавалерии с той лишь разницей, что в кавалерийском дивизионе было 3 эскадрона (каждый в составе 128 рядовых), в эскадроне — 4 взвода, во взводе — 2 полувзвода, а в последнем — 2 отделения⁷.

Армия при Аманулле-хане комплектовалась в основной своей части, как и раньше, на основе установленной нормы рекрутского набора. Лица, подлежавшие зачислению в ряды армии, определялись путем жеребьевки («пешк»). Практиковавшаяся в эти годы система рекрутирования допускала и откуп от военной службы, чем широко пользовались богатые люди, выстав-
ляя вместо себя наемников.

Понимая недостатки системы комплектования армии, эмир Аманулла-хан сделал в марте 1923 г. попытку ввести закон о всеобщей воинской повинности, однако через два месяца в результате противодействия феодально-племенных кругов был вынужден отменить его⁸.

Новое в системе комплектования афганской армии в этот период заключалось в том, что вместо пожизненной службы солдат была введена срочная служба продолжительностью два года, проведено значительное сокращение и омоложение армии путем увольнения стариков и оставления средних возрастов, а пополнение рядов армии осуществлялось преимущественно за счет представителей национальных меньшинств. Последнее вызывалось, на наш взгляд, стремлением Амануллы-хана расширить базу пополнения вооруженных сил личным составом, продемонстрировать равные обязанности и права всех этнических групп страны нести военную службу, а главное — создать в лице неафганских воинских формирований надежную силу на случай борьбы с верхушкой афганских племен, а также обеспечить себе известную независимость от этой верхушки в вопросах комплектования армии.

Правительство младоафганцев провело значительное сокращение регулярной армии. По свидетельству В. М. Примакова, летом 1923 г. численность армии была сокращена до 50 тыс. человек⁹, т. е. почти наполовину. По мнению американского историка В. Григорьяна, «приблизительная общая численность афганской армии в 1920 г.», т. е. перед ее сокращением, составляла 98 тыс. человек, включая 18 тыс. кавалерии при 396 орудиях¹⁰. В последующие годы этот процесс неуклонно продолжался, и в 1928 г. ее штатная численность была доведена до 23 тыс. человек. В действительности же в результате большого некомплекта личного состава в соединениях и частях афганской армии накануне восстания Бачаи Сакао не было и 10 тыс. человек¹¹.

Основные силы этой значительно сокращенной армии в составе 6—8 тыс. человек и 18—20 орудий были сосредоточены в Кабуле и организационно состояли из 2 пехотных дивизий, 1 кавалерийской дивизии и 1 артиллерийской бригады. Остальная, крайне немногочисленная часть регулярных войск, именовавшихся «отдельными дивизиями», располагалась в Герате, Мазари-Шарифе, Джелалабаде, Ханабаде, Гардезде и Кандагаре.

Командные посты в армии, особенно высшие, по-прежнему находились в руках ханов племен (сардаров), для которых военная служба была наследственной привилегией и традицией и составляла источник немалых доходов. Эмир Аманулла-хан принял ряд мер к преодолению этой традиции: он стал готовить молодых офицеров, воспитанных в младоафганском духе, и назначать их на командные посты в воинские формирования независимо от их племенной принадлежности, а также открыл

доступ в военную школу для сыновей новых помещиков и купцов, в том числе и для молодых индусов — афганских подданных¹².

Осуществляя военную реформу, афганское правительство уделяло определенное внимание укреплению дисциплины, улучшению боевой подготовки войск, удовлетворению нужд армии в вооружении, а также упорядочению материального довольствия личного состава. В 1924 г. было, в частности, принято Положение о воинских наказаниях, что, несомненно, должно было в известной мере способствовать укреплению порядка и организованности в войсках. Это Положение содержало не только перечень воинских проступков и преступлений, которые влекут за собой определенное дисциплинарное и уголовное наказание в диапазоне от простого ареста продолжительностью 24 часа до пожизненного тюремного заключения и смертной казни, но и подробно излагало дисциплинарные права всех категорий командного состава.

В соответствии с ним создавались военные суды отдельно для каждой категории военнослужащих в Кабульском корпусе и во всех отдельных полках и дивизиях в составе председателя и шести членов.

Положение предусматривало и телесные наказания для солдат и унтер-офицеров — от 15 до 80 палочных ударов, назначаемых как по решению суда, так и в дисциплинарном порядке¹³.

Введением в 1925 г. Паспортного устава и учреждением в провинциях должности специальных чиновников по переписи населения и паспортизации была сделана первая попытка определить количество призывного контингента для планировавшегося введения всеобщей воинской повинности. Армия получила несколько уставов, переведенных с турецкого языка. С апреля 1920 г. стал выходить предназначенный для офицеров армейский журнал «Маджмуайн аскари». В 1924 г. военное министерство начало издавать газету «Хакикат».

Вопросами организации боевой подготовки и обучения афганской армии, как и разработкой основных направлений военной реформы, занимались в основном турецкие офицеры. Кроме того, в афганскую армию были приглашены военные инструкторы и советники из Италии и Германии. Итальянские офицеры, в частности, служили в авиационных подразделениях и артиллерийских частях. Часть афганских военнослужащих была направлена на учебу в Турцию, Германию, Францию, Италию, Британскую Индию и Советский Союз¹⁴.

Почти все имевшиеся в то время в распоряжении правительства предприятия (в основном кустарные) работали исключительно на нужды армии. Самое крупное из них — завод «Машин-хана», насчитывавший свыше 5 тыс. рабочих, производил ружья, патроны, холодное оружие, шинельное сукно, хлопчатобумажные ткани, армейскую обувь, мыло, порох, кожи и т. п.

Часть вооружения и боеприпасов закупалась в странах Запада — Германии, Италии, Англии и Франции¹⁵.

Среди нововведений, характеризовавших известный прогресс в деле создания более или менее современной армии, следует назвать и перевод всех солдат на постоянное котловое довольствие (казенный паек). До этого каждый солдат должен был сам заботиться о своем пропитании. Другим важным мероприятием, направленным на обеспечение бесперебойного снабжения войск, была организация во всех важных пунктах страны армейских складов продовольствия¹⁶.

В дополнение к армии эмир Аманулла создал полицейские и жандармские формирования. Как писал В. М. Примаков, «полицейско-жандармский аппарат (кутвали) был централизован и подчинен руководству из столицы. Вся полицейская организация сведена в 5 полков и 4 отдельных батальона по числу пяти главных провинций и четырех областей, на которые был разделен Афганистан. Эти полки и батальоны через провинциальные управления кутвали подчинялись министерству юстиции в Кабуле, а на местах они были подчинены губернаторам». В западной буржуазной историографии Афганистана встречается иное, явно ошибочное толкование вопроса о подчиненности полиции и жандармерии в этот период. По мнению, например, Дональда Уилбера, они будто бы входили тогда в состав армии и лишь при Надир-шахе были выделены из нее¹⁷. Такая точка зрения совершенно не согласуется с данными афганских источников, в частности со ст. 35 Положения о государственном устройстве Афганистана, изданного в Кабуле в 1924 г.

Полки «Кутвали» получили военную организацию, форму и были вооружены современными винтовками¹⁸.

Младшафганское правительство, учитывая опыт войны за независимость, когда отсутствие хороших путей сообщения и временных средств связи исключило возможность координации действий афганских войск на различных направлениях, приступило к строительству дорог, пригодных для автомобильного движения, и к созданию в стране сети кабельных и беспроводных телеграфных линий, которые должны были, по замыслу правящих кругов, обеспечить прежде всего нужды армии. Как пишет В. М. Примаков, Аманулла-хан путем применения принудительной дорожно-строительной повинности превратил старые военные дороги в благоустроенные автомобильные пути. В этот период были усовершенствованы дороги Кабул — Бамиан, Кабул — Гардез, Кабул — Пешавар, Кабул — Кандагар, Кандагар — Герат — Кушка¹⁹.

Большое значение в решении задач реорганизации и укрепления армии имела бескорыстная помощь Советской республики. Эта помощь была тем более примечательной, что она оказывалась в то время, когда наша страна в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции сама остро нуждалась в подобных технических средствах.

14 августа 1920 г. в Кабул был доставлен дар Советского правительства — радиостанция, вместе с которой прибыл специальный технический отряд. 24 августа Махмуд Тарзи, афганский министр иностранных дел, в письме советскому послу Я. З. Сурицу передал благодарность эмира В. И. Ленину за этот дар. Вскоре афганское правительство направило 8 человек в Ташкент на специальные курсы связи и для последующего прохождения практики в Ашхабаде и Самарканде. Это была первая группа афганских военнослужащих, обучавшихся в Советской России. По возвращении на родину они составили штат радиостанции, подаренной Афганистану правительством РСФСР²⁰.

В 1924—1925 гг. при технической помощи Советского Союза была построена существующая и поныне телеграфная линия на железных опорах, соединившая Кушку, Герат, Кандагар, Кабул. В первые месяцы 1927 г. было начато строительство телеграфной линии от Кабула до Мазари-Шарифа. В период строительства этих линий функционировала школа, в которой советские специалисты готовили национальные технические кадры связистов.

В эти же годы Советский Союз оказал помощь Афганистану в создании национальных военно-воздушных сил: афганской стороне было передано несколько самолетов, группа афганских летчиков прошла подготовку в советских учебных заведениях, а советские авиационные специалисты, прибывшие в Афганистан, помогли в организации боевой учебы афганских летно-технических кадров и в эксплуатации авиационной техники.

В конце 1927 г. Аманулла-хан предпринял длительную заграничную поездку. Будучи в европейских странах, он закупил и заказал вооружение и боевую технику, в частности, в Италии — 100 грузовых и легковых автомашин, полевую артиллерию и броневики, во Франции — пулеметы и винтовки, в Германии — 200 автомобилей фирмы «Оппель» и «Бенц» и два 3-моторных самолета «Юнкерс» (еще один «Юнкерс» был подарен Аманулле германским правительством), в Великобритании — 2 самолета и т. д. Конкретизируя вышеуказанные закупки, кабульская газета «Анис» отмечала 30 августа 1928 г., что в общей сложности было приобретено 53 тыс. винтовок (к каждой винтовке — 1 тыс. патронов), 106 пушек (к каждой пушке — 1 тыс. снарядов), 6 пулеметов, 18 самолетов, 5 броневики, 6 танков, 10 тыс. военных шлемов, 1 тыс. флагов для воды, 300 биноклей и 800 радиоаппаратов²¹.

Возвратившись в Афганистан в августе 1928 г. Аманулла-хан с еще большей настойчивостью продолжал осуществление своего замысла — иметь хорошо обученную, вооруженную современным оружием регулярную армию из восьми дивизий. В конце августа Большая джирга под нажимом младоафганского правительства приняла Закон о всеобщей воинской повинности, в соответствии с которым военную службу должны

были проходить все граждане мужского пола, достигшие 17 лет. Запрещался откуп от службы. Срок действительной службы в армии был увеличен до 3 лет. С введением Закона о всеобщей воинской повинности ханы и вожди племен лишались доходного права поставлять рекрутов в королевскую армию²².

Однако было бы ошибочным переоценивать значение мер, предпринимавшихся в это время афганским правительством в военной области. Проводившиеся военные преобразования, несмотря на их значимость, все же носили ограниченный, далеко не заверченный, а подчас и рискованный характер (имеется в виду, в частности, резкое сокращение численности вооруженных сил в условиях постоянной и прямой угрозы младоафганскому режиму со стороны внутренней и внешней реакции).

Афганская армия в период правления Амануллы-хана не подверглась коренной реорганизации и оставалась ненадежной и по-прежнему отсталой в техническом и организационном отношении. Что же касается последних попыток реорганизовать и перевооружить армию, предпринятых в 1928 г., то они остались почти полностью нереализованными ввиду начавшегося в конце года восстания Бачаи Сакао. Закупленные за границей оружие и боевая техника к этому времени еще не поступили в страну. Закон о всеобщей воинской повинности не был претворен в жизнь, а новая турецкая военная миссия, прибывшая в Кабул в 1927 г., не успела сколько-нибудь существенно повлиять на повышение боеспособности афганской армии²³.

Характеризуя афганскую армию того времени, В. М. Примаков, бывший в конце 20-х годов военным атташе в Афганистане, совершенно правильно указывал, что «реорганизованная армия была плохо подготовлена для внешней войны и мало пригодна для решения внутренних междоусобиц, так как: а) система откупа от военной службы дала в ряды армии известный процент наемных солдат, набранных из худших элементов населения; б) солдаты, приходившие в армию на короткий срок службы, не теряли связи со своими племенами и не годились для борьбы против племен в случае междоусобицы; в) гвардия была малочисленна и не могла стать ядром армии, по которому равнялись бы и учились армейские полки»²⁴.

Боевая подготовка афганской армии в результате неподготовленности офицерского состава и косности высшего военного руководства не была по-настоящему организована. Многие офицеры были неграмотны, и, как пишет К. И. Соколов-Страхов, они «гораздо больше интересовались базаром, где имели свои лавки, чем вопросами обучения своих подчиненных»²⁵. По его же свидетельству, «для обучения войск почти ничего не было сделано, кроме небольшого плаца вблизи кабульского аэродрома. Несмотря на наличие современных орудий, из экономии боевых припасов не производилось почти никакой практической стрельбы круглый год»²⁶.

Слабость афганской армии, как и прежде, определялась на-

личием в ней значительного числа реакционно настроенных офицеров и генералов — выходцев из знати племен, недовольных реформами младоафганского правительства. Занимая ключевые посты в армии, при дворе и в государственном аппарате, они всеми силами противились новому внутри- и внешнеполитическому курсу Амануллы. Как справедливо подчеркивал И. М. Рейснер, «младоафганская группа получила в свое повластное обладание всего одно ведомство иностранных дел, где ею были заняты все посты до министерского включительно. Большинство же министерских портфелей оказалось в руках старых влиятельных сардарских родов. Последние по своим взглядам были чужды нововведениям и реформам»²⁷. Офицеров-младоафганцев в армии было крайне мало, и они, находясь в основном на низших ступеньках служебной лестницы, не могли составить серьезного противовеса консервативной армейской верхушке.

Политические и экономические преобразования Амануллы хана при всей их объективной прогрессивности для конкретных условий Афганистана практически ничего не дали подавляющему большинству крестьянского населения страны и не улучшили его положения. Этот фактор предопределил антиправительственные унастроения солдатских масс — представителей обездоленного крестьянства, что в целом усугубило ненадежность армии как опоры младоафганского режима.

Недовольство солдат существующим положением и их враждебное отношение к командирам и начальникам принимали в этот период в некоторых частях афганской армии характер открытых выступлений. Особенно беспокойно было в гарнизонах на севере страны. Причиной волнений рядового состава часто становилось уменьшение его и без того маленького жалованья, предпринимавшееся младоафганским правительством в поисках средств на осуществление различных проектов.

Есть все основания предполагать, что разложению афганской армии и укреплению среди ее личного состава антиправительственных настроений содействовали также и штатные муллы подразделений и частей, тесно связанные со своими духовными наставниками и учителями — высшим слоем мусульманских богословов — и проводившие в жизнь свою линию в армии.

Не последнюю роль в разложении и ослаблении афганской армии сыграла и антиамануллистская пропаганда, которую развернули среди населения и войск консервативно настроенные муллы и знать племен, пользуясь почти восьмимесячным отсутствием в стране Амануллы в период его зарубежной поездки 1928 г. Не случайно, что вскоре после возвращения в страну Аманулла арестовал двух наиболее влиятельных религиозных деятелей — Хазрата Саида Шурбазара (Гул Ага Моджаддади) и его племянника по обвинению в антиправительственной агитации и сборе подписей под петицией, осуждавшей проводившиеся реформы.

Слабость военной опоры Амануллы-хана резко обнаружилась в период мятежа 1924—1925 гг. и восстаний 1928—1929 гг. Первый из них, поднятый в Хосте ханами племен мангал и джадран при непосредственной английской поддержке оружием и деньгами, продолжался более девяти месяцев. В самый решающий момент, когда мятежники предприняли поход на Кабул, военный министр Надир-хан отказался возглавить правительственные войска, что, естественно, не могло не оказать отрицательное воздействие на боеспособность армии и мобилизацию сил для разгрома восстания. В этих условиях Аманулла-хан, не полагаясь на пуштунские формирования армии, использовал против восставших племен воинские части из таджиков и хазарейцев, а также прибег к формированию отрядов добровольцев («федакаран») из числа приверженцев нового режима, которые сыграли заметную роль в ликвидации мятежа. Следует отметить, что достижению этой победы содействовала и своевременная помощь Советского Союза, предоставившего Афганистану самолеты и вооружение, а также советская политика добрососедства и дружбы.

Однако роковыми для младоафганцев явились восстания, вспыхнувшие осенью 1928 г., через несколько месяцев после возвращения Амануллы из заграничной поездки, и охватившие север и юго-восток страны. На юго-востоке мятеж был поднят ханами и муллами племени шинвари. Во главе северного антиправительственного фронта встал Бачаи Сакао — таджик по отцу и хазарец по матери, беглый унтер-офицер афганской армии, занимавшийся со своей шайкой разбоем на дорогах в районе Кухдамана (к северу от Кабула)²⁸.

Афганская армия оказалась неспособной противостоять повстанческим отрядам как из-за своей малочисленности (особенно гарнизон Кабула), так и некомпетентности высшего командования в вопросах организации и ведения контрпартизанской борьбы, но главным образом ввиду нежелания солдат сражаться в рядах правительственных войск и их массового перехода на сторону мятежников. Как писал В. Григорьян, часть кабульского гарнизона, пополненная за счет племени хугиани, при первом же столкновении перешла на сторону восставшего племени шинвари²⁹. Некоторые офицеры были убиты солдатами или покинули свои подразделения и самоустранились от участия в боевых действиях.

В. М. Примаков следующим образом описывал те полные драматизма дни: «Гарнизон Кабула, состоявший из корпуса пехоты (около 6 тыс. человек) и дивизии гвардии был раздерган на части: половина гарнизона была отправлена в Джелалабад, около шести батальонов были посланы к Чарикару и разбиты отрядами Бачаи Сакао. В Кабуле оставалось около 2 полков пехоты и дивизия гвардии... Технические средства, находившиеся в Кабуле — итальянские бронемашины и полученная из Италии артиллерия, были плохо использованы отчасти из-за не-

достатка прислуги (артиллерия), отчасти из-за неумения использовать боевую мощь (бронемашин)»³⁰.

В создавшейся обстановке, стремясь найти компромисс с восставшими, Аманулла-хан объявил 9 января 1929 г. об отмене от некоторых своих реформ, в частности отменил Закон о всеобщей воинской повинности. Однако сласти положение было уже нельзя. Бачан Сакао захватил королевскую артиллерию и часть стрелкового оружия кабульского арсенала. В ночь на 13 января 1929 г. ополчение племени мангал, перейдя на сторону мятежников, предредило падение Кабула. Афганская армия распалась и фактически перестала существовать. Король Аманулла-хан вынужден был отречься от престола и через некоторое время эмигрировал в Европу.

Таким образом, правительству Амануллы-хана не удалось создать в лице армии и ее офицеров надежной опоры молодому афганскому режиму. Более того, оно фактически лишило себя вооруженных сил в результате их опрометчивого сокращения с 98 тыс. в 1920 г. до примерно 10 тыс. в 1928 г.

Приход к власти династии Надир-хан. Меры по укреплению социальной и военной опоры нового королевского режима

В марте 1929 г. руководство борьбой против Бачан Сакао взял на себя бывший военный министр Надир-хан, возвратившийся из Франции, где он находился на положении частного лица. С разрешения английских колониальных властей, которые к этому времени поняли бесперспективность поддержки Бачан Сакао, Надир-хан набрал в полосе пуштунских племен к югу от афганской границы, а также в районе Хоста вооруженный отряд численностью в 12 тыс. человек, костяк которого составили ополченцы из вазиров. Под лозунгом «спасения родины от катастрофы» он выступил из Хоста на Кабул и 6 октября, разгромив силы Бачан Сакао, овладел столицей. 15 октября Надир-хан был провозглашен королем Афганистана.

Новый афганский режим буквально с первого дня приступил к организации крепкой регулярной армии. Надир-шах и его окружение отчетливо понимали, что их власть не может быть прочной и длительной без надежной опоры в лице преданных династии командных кадров, без хорошо обученных и оснащенных современным оружием и техникой вооруженных сил. «Правительство,— говорилось в декларации Надир-шаха,— обращает самое серьезное внимание на этот вопрос, который является вопросом жизни и смерти Афганистана»³¹. Срочность мер по организации армии вызывалась, кроме того, необходимостью подавления все еще продолжавшихся восстаний племени шинвари в районе Джелалабада и народных волнений и бунтов в Мазари-Шарифе, Кандагаре, Газни и Кунаре³², а также по-

требностью обеспечения независимости страны от империалистических посягательств.

В основу организации и подготовки регулярной афганской королевской армии были положены принципы, качественно отличные от предшествовавшего периода. Прежде всего это касалось назначения на ключевые армейские посты верных новой династии военных. Так, пост военного министра занял брат короля Шах Махмуд (впоследствии, с 1946 по 1953 г., премьер-министр Афганистана). Высший командный состав армии был подобран исключительно из представителей знатных ханских родов и крупных помещиков. Верховное командование афганской армией, как и прежде, сохранялось за королем.

В октябре 1929 г. было сформировано новое по своей структуре военное министерство в составе министра, трех его заместителей, канцелярии и Главного штаба (включавшего судебное управление, управление по делам племен, управление по проверке и списанию материальных средств, управление инспекции, организационно-штатный отдел, отдел боевой подготовки, отдел контрразведки, отдел переводов, отдел чиновников, интендантский отдел, лечебно-медицинский отдел, отдел по призыву на военную службу и авиационное командование). Министерство сразу же приступило к разработке единой организации частей армии и вскоре дало распоряжение относительно их формирования в различных районах страны, в частности в Центре, в Герате, Кандагаре и других местах.

Регулярная армия стала комплектоваться на основе обязательного ежегодного рекрутского набора, а также на добровольных началах при содействии ханов племен, которым Надир-шах восстановил титулы и субсидии, отмененные младоафганским правительством. Каждое афганское племя должно было поставлять в армию определенное количество рекрутов; остальная часть солдатского контингента набиралась путем жеребьевки из расчета одного солдата от каждых восьми годных к службе мужчин.

Добровольцы обязаны были служить в армии пожизненно. Что касается рекрутов, то для них устанавливалась 10-летняя продолжительность пребывания на военной службе, из которых 2 года приходилось на действительную службу, а остальное время — на нахождение в запасе. При чрезвычайных обстоятельствах на военную службу могли призываться мужчины в возрасте до 60 лет. В случае необходимости ханы племен должны были выставлять в помощь монархии также и ополчение своего племени. Однако при этом за верхушкой племен сохранялось право командования данными формированиями.

Укрепляя социальную опору династии за счет феодально-племенной аристократии, Надир-шах принял решение о комплектовании авиационных подразделений и королевской гвардии исключительно из сыновей ханов, проживавших в центре и в провинциях³³.

Предметом особой заботы правящих кругов страны в рассматриваемый период стало создание корпуса офицеров, способных, как указывалось в одной из директив Надир-шаха, защитить «религию, родину, правительство и новые устои»³⁴. С этой целью делалось все возможное, чтобы привлечь в офицерское училище как можно больше молодых людей из верхушки пуштунских племен и таким образом создать в лице этнически связанного с династией офицерства надежную опору для умиротворения беспокойных районов, населенных пуштунскими племенами и национальными меньшинствами, а также удовлетворить честолюбивые претензии феодально-племенной знати на представительство в государственных органах власти.

Монархическое правительство Надира поставило перед собой цель резко поднять уровень военной подготовки всех офицеров армии, пропустив их через сеть краткосрочных курсов. Для этого в столице были открыты три учебных центра (пехотный, кавалерийский и артиллерийский). Преподавание в них вели иностранные специалисты, в основном турецкие и немецкие. Непосредственное руководство этими центрами осуществлял Главный штаб через специально назначенных советников военного министерства. Сержантский состав для гвардейской шахской дивизии и кабульского гарнизона готовился в специальном столичном учебном центре³⁵. В 1933 г. в Кабуле была открыта военная подготовительная школа — «Мактаб-и эхзари-и» для сыновей ханов и сардаров племен. Часть афганских юношей направлялась на учебу в военные учебные заведения Турции, Германии и Франции.

Необходимые меры были приняты и для удовлетворения нужд армии в вооружении, снаряжении, одежде и продовольствии. У населения сразу же после подавления восстаний 1928—1929 гг. было изъято большое количество захваченного им в этот период оружия, боеприпасов и военного имущества. В конце 1929 г. вновь приступили к работе завод «Машин-хана» и армейские производственные мастерские. Были восстановлены и начали свою деятельность лечебные учреждения армии.

На первых порах для покрытия больших военных расходов Надир-шах обратился за финансовой помощью к крупной афганской торговой буржуазии. Кроме того, в 1929—1931 гг. он получил помощь правительства Англии. Она включала безвозмездную субсидию в размере 175 тыс. ф. ст., 10 тыс. винтовок и 500 тыс. патронов. В эти же годы Афганистану было предоставлено 5 тыс. винтовок и полмиллиона патронов Германией и 16 тыс. винтовок и 1,8 млн. патронов — Францией. В тот же период в Великобритании было дополнительно закуплено еще 5 тыс. винтовок³⁶.

Надир-шах перевел всех солдат на казенный паек без какого-либо вычета из их жалованья за питание и одновременно стал регулярно выплачивать им установленное денежное содер-

жание, устранив таким образом одну из причин, которая прежде всегда вызывала брожение и недовольство солдатских масс афганской армии. Кроме того, в 30-е годы королевский режим несколько раз повышал жалование солдатам. Так, с 1930 по 1937 г. оно было увеличено в 4 раза.

Формирование и укрепление армии Афганистана проходило в обстановке непрекращавшихся волнений внутри страны, выливавшихся в некоторых районах в острую вооруженную борьбу, а также в условиях напряженности на южной и восточной границе, вблизи которой, в Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии, развернулось мощное антианглийское национально-освободительное движение. В это же время север Афганистана активно использовался басмачами в качестве убежища и базы для бандитских набегов на пограничные районы советских Среднеазиатских республик, что в корне противоречило обязательствам, взятым на себя афганской стороной по договору о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном от 31 августа 1926 г.³⁷.

Начиная с лета 1930 г. афганское правительство приступило к постепенной ликвидации басмаческих банд на своей территории. Эту операцию возглавил военный министр Шах Махмуд.

С момента прихода к власти Надир-шаха численность афганских вооруженных сил неуклонно увеличивалась и к 1933 г. достигла 70 тыс. человек. Однако двор, учитывая внутреннее и международное положение, ставил перед собой задачу создать еще более сильную и организованную 100-тысячную армию, которая могла бы с успехом обеспечить выполнение ее главной функции — «борьбу с внутренним врагом», а также защиту независимости страны. При этом планировалось следующее размещение войск на территории страны: Южная провинция — 15 тыс., Кандагар — 15 тыс., север Афганистана — 15 тыс., Желалабад — 10 тыс., Газни — 5 тыс. и Кабул — 40 тыс. солдат и офицеров.

Указанная выше дислокация, по которой подавляющая масса войск — 85 тыс. — располагалась в узкой полосе к югу и юго-востоку от линии Желалабад — Кабул — Газни — Кандагар, весьма показательна с точки зрения понимания взглядов правящих кругов Афганистана на предполагавшееся использование вооруженных сил. В ней прежде всего отразилось глубокое беспокойство афганских правителей по поводу угрозы свободе и независимости страны, исходившей с территории Британской Индии от империалистических кругов Англии. Кроме того, располагая крупные силы в районах расселения неспокойных афганских племен, монархический режим намеревался этим стабилизировать положение в пограничной зоне и обезопасить себя от вероятных антиправительственных выступлений и вооруженных межплеменных конфликтов. Сосредоточивая 40% всех вооруженных сил в районе столицы, правительство Надир-шаха

создавало себе надежную опору на случай чрезвычайных обстоятельств. Оно также получало широкую возможность маневрировать центральной группой войск и перемещать их в любой угрожаемый район страны. И наконец, размещение незначительных гарнизонов на севере Афганистана, предназначавшихся главным образом для выполнения полицейских функций, свидетельствовало о признании афганскими правящими кругами миролюбивого курса Советского государства и о вытекающей отсюда полной убежденности в безопасности своей северной границы.

Одновременно с укреплением армии афганское правительство приняло меры к созданию полиции и жандармерии в столице, в провинциях и областях, передав их в подчинение министерству внутренних дел. Полицейские силы, как и прежде, комплектовались из числа солдат, а на руководящие посты в полиции и жандармерии назначались армейские офицеры.

Курс на создание современной армии продолжил и Мухаммад Захир-шах, пришедший к власти в 1933 г. Он, как в свое время его отец, Надир-шах, объявил, что правительство Афганистана «хочет создать регулярную армию, оснащенную новым оружием, и все свое внимание обратит на этот вопрос»³⁸. Как показали последующие события, эти расчеты и намерения строились прежде всего на получении военной помощи от соперничавших в этом районе империалистических держав.

В первые годы правления Захир-шаха сохранялись прежние основы строительства армии. Однако ее численность неуклонно увеличивалась и достигла в 1936 г. 80 тыс., а в 1941 г. — 90 тыс. человек. До 1937 г. почти 50% всех ежегодных доходов страны шло на содержание армии. В последующие годы расходы на армию значительно возросли³⁹.

В 30-е годы Афганистан и его вооруженные силы приковали пристальное внимание немецких империалистов. Активность немецкой агентуры в этой стране особенно усилилась после установления в Германии фашистской диктатуры. Немецкие фашисты настойчиво добивались превращения Афганистана в плацдарм для осуществления подрывной деятельности против Советского Союза и Британской Индии. Следует отметить, что проиждновению германских и итальянских империалистов в Афганистан благоприятствовал внешнеполитический курс афганских правящих кругов, стремившихся извлечь максимум экономической и политической выгоды путем использования империалистических противоречий в Азии между Великобританией, с одной стороны, и державами оси — с другой. Однако, как справедливо указывал Л. Б. Теплинский, «идя на расширение экономических отношений с фашистскими странами, афганское правительство... не брало на себя каких-либо военно-политических обязательств перед державами оси и стремилось проводить самостоятельный курс внешней политики»⁴⁰.

В конце 30-х годов главенствующее положение в оказании

Афганистану военной помощи заняли Турция и фашистская Германия. Турецких военных советников и инструкторов, занимавшихся в эти годы подготовкой и реорганизацией афганской армии, насчитывалось примерно 150 человек⁴¹. Немецкие советники и инструкторы работали в Главном штабе, вели переподготовку афганского старшего и высшего командного состава, занимали руководящие посты в полиции, проникли на завод «Машин-хана», почту, телефон, телеграф, проводили аэрофото съемку местности, принимали активное участие в модернизации дорог, особенно в северных провинциях, граничащих с СССР. В 1938 г. гитлеровская Германия предоставила Афганистану военный заем в размере 8 млн. марок для закупки вооружения и боеприпасов. Вскоре в афганскую армию стали поступать немецкие винтовки, пулеметы, скорострельная артиллерия и самолеты.

Обосновавшись в армии, полиции, на военных предприятиях и в афганских государственных учреждениях, гитлеровская агентура усиленно привлекала на свою сторону наиболее реакционные элементы из числа местной знати и вела разнузданную фашистскую и антисоветскую пропаганду. С целью расширения своего влияния на некоторые группы офицеров и чиновников и создания среди них германофильской прослойки, фашистские агенты настойчиво внушали им мысль о якобы «арийском» происхождении афганцев и навязывали им фашистскую идеологию⁴².

В рассматриваемый период афганское командование, стремясь поднять уровень боевой подготовки личного состава, организовало многочисленные курсы и школы, охватившие почти все категории военнослужащих — от рядовых до генералов. Кроме действовавших ранее военно-учебных заведений были открыты курсы высшего командного состава, высшие офицерские курсы для старших офицеров, постоянно действовавшие курсы при частях, школы сержантов, готовившие кадры младших командиров для армии, артиллерийско-технические курсы, школы военных музыкантов, спортивная школа, группы подготовки рядового состава по различным военным специальностям при соединениях и частях. Еще с 1935 г. начали действовать артиллерийские, кавалерийские и пехотные курсы усовершенствования офицерского состава в Мазари-Шарифе, а также расширены артиллерийские курсы в Кабуле и Герате. Во многих из этих учебных заведений в качестве преподавателей и инструкторов работали иностранные военные специалисты. Так, турецкие офицеры преподавали в Кабульском офицерском училище, немецкие — на высших офицерских курсах и курсах высшего командного состава, а английские и итальянские вели подготовку лётно-технического персонала афганских авиационных подразделений.

Афганское командование предприняло попытку внедрить в армию единую систему боевой подготовки. Для этой цели были

разработаны программы обучения для всех родов войск и переведены на язык дари многочисленные иностранные наставления, уставы, инструкции и руководства. Более или менее регулярно стали проводиться занятия по боевой подготовке, учения и спортивные состязания.

Часть афганских офицеров проходила подготовку за границей — в Турции, Германии, Италии, Британской Индии, СССР и Японии⁴³. В частности, офицеры-артиллеристы, а также офицеры по техническим специальностям готовились в основном в фашистской Германии, офицеры-пехотинцы, саперы, связисты, интенданты и др. — в Турции, а летчики — в Британской Индии.

Во второй половине 30-х годов с помощью турецких и немецких офицеров, работавших в Главном штабе, была начата реорганизация афганской армии. Прежде всего она коснулась структуры военного министерства: в него были включены кроме имевшихся ранее органов интендантское управление, оперативный отдел, общий отдел боевой подготовки, управление для организации и руководства спортивной работой в армии, реорганизован отдел переводов и упразднены две должности заместителей министра⁴⁴. Такая организация военного министерства Афганистана сохранялась, с незначительными изменениями, вплоть до 60-х годов.

Некоторые изменения претерпела также организация общевойсковых и авиационных частей и подразделений. Дополнительно были сформированы транспортная группа центрального подчинения для осуществления армейских перевозок, артиллерийский полк, оснащенный новой техникой, несколько бронетанковых подразделений, учебная команда Кабульского офицерского училища в составе пехотного, кавалерийского, артиллерийского, саперного подразделений и подразделения транспортных средств, а также создана центральная мастерская по ремонту автотехники. В эти годы в афганской армии была введена единая для всех родов войск форма одежды, сшитая из материалов местного производства по образцу немецкой армии. Были заимствованы и прусские строевые приемы. Афганская армия получила на вооружение немецкую, итальянскую, английскую и чешскую военную технику⁴⁵.

Наряду с реорганизацией армии и мерами по улучшению боевой подготовки войск, афганские военные круги провели некоторую передислокацию частей с учетом общих потребностей поддержания спокойствия в стране главным образом с целью подавления выступлений афганских племен в южных и восточных провинциях и народных волнений в других районах Афганистана. Крупные воинские формирования были расположены в Кабуле и его окрестностях, в Джелалабаде, Хосте, Газни, Кандагаре, Фарахе, Мазари-Шарифе, Нахрине.

Передвижения войск, как и практика боевой подготовки, требовали от афганского командования организации военнотопографической службы. Для этого при Главном штабе был

создан отдел карт, а в Кабульском офицерском училище начала подготовка специалистов-топографов, которые после окончания курса обучения были направлены за границу с целью завершения образования. Вернувшись на родину, они приступили к съемкам местности в восточных, южных и северных провинциях⁴⁶. Хотя подготовленные ими карты были далеко неточны, однако они в какой-то мере все же удовлетворяли потребности армии.

С целью воспитания среди личного состава преданности монархическому режиму и стимулирования боевой подготовки афганское правительство в 30-е годы наряду с мерами идеологического воздействия широко использовало моральные и материальные стимулы, такие, как награждение орденами и медалями, вручение денежных премий, повышение жалованья и т. п. Так, в ноябре 1933 г., в связи с вступлением на престол Захир-шаха, все рядовые, сержанты и офицеры были награждены орденами «Сидикат», а рядовому и сержантскому составу было увеличено денежное содержание. В апреле 1936 г. было повышено на 25% жалованье всем офицерам, военным чиновникам и солдатам⁴⁷.

В целом следует отметить, что афганским шахам к началу 40-х годов удалось значительно расширить классовую опору режима за счет восстановления привилегий знати племен и верхушки мусульманских богословов и широкого привлечения их сыновей на военную службу, особенно в почетных воинских формированиях, а также комплектования армии офицерским составом преимущественно из числа пуштунов. Другими факторами, содействовавшими укреплению военной системы Афганистана в этот период, были активное использование иностранной военной помощи, главным образом турецкой и немецкой, разработка и внедрение новой организационно-штатной структуры армии, расширение сети военно-учебных заведений, улучшение системы боевой подготовки войск, издание для вооруженных сил многих переводных учебных пособий, изменение традиционной дислокации частей и т. п. В результате осуществления указанных мер правящим монархическим кругам удалось на этом этапе создать довольно надежную и боеспособную армию, которая неоднократно использовалась для подавления народных волнений и межплеменных конфликтов.

В октябре 1941 г. в Афганистане была введена всеобщая воинская повинность. Эта мера, как писал по аналогичному поводу В. И. Ленин, установила не только формальную «равноправность граждан»⁴⁸ на военной службе. Главное заключалось в том, что введение всеобщей воинской повинности укрепило позиции властей в вопросах комплектования вооруженных сил рядовым составом, а также дало возможность пропустить через ряды армии всех лиц, годных к военной службе, и создать таким путем обученный в военном отношении запас армии на случай чрезвычайных обстоятельств.

Данный акт означал завершение многих безуспешных попыток правителей Афганистана, начиная с эмира Шер Али-хана (1863—1879), ввести этот принцип комплектования армии⁴⁹. Легкость, с которой афганскому правительству удалось это сделать в 1941 г., объясняется прежде всего международной обстановкой, сложившейся в этом регионе мира в условиях бушевавшей второй мировой войны. Дело в том, что в связи с высылкой из страны агентуры держав оси, проведенной в октябре 1941 г. по рекомендации правительства СССР и Англии, афганские правящие круги лишились возможности использовать в своих интересах межимпериалистические англо-германские противоречия. Указанное обстоятельство заставило афганское правительство принять меры к ограждению независимости на случай, если Англия попытается воспользоваться благоприятной обстановкой, чтобы реализовать свои захватнические устремления в отношении Афганистана. В этих условиях, вызвавших волну афганского национализма, центральные власти страны осуществили то, что раньше казалось далеко не легким делом — ввели всеобщую воинскую повинность для всех граждан мужского пола, начиная с 17 лет (в последующем призывной возраст был увеличен до 22 лет), а также установили специальный налог для покрытия расходов, связанных с увеличением численности армии, приобретением оружия и мерами по совершенствованию средств сообщения.

В период второй мировой войны и в первые послевоенные годы Афганистан испытывал большие экономические трудности в результате сокращения его традиционных внешнеторговых связей. Усилилось налоговое бремя, недоставало продовольствия, росли цены на товары первой необходимости, была введена карточная система на продукты питания. Небывалые размеры приняла спекуляция продовольственными товарами, на чем особенно наживалось крупное купечество. Все это создавало беспокойную обстановку внутри страны, вызывало недовольство трудящихся.

В этих условиях монархия, стремясь как-то сохранить спокойствие в стране и власть над своими, как в свое время характеризовал афганцев Ф. Энгельс, «отважными и беспокойными подданными»⁵⁰, прибегла к изъятию оружия у некоторых племен и чистке государственного аппарата и армии от ненадежных элементов. Однако принятые меры не предотвратили народных волнений. В 1944 и 1945 гг. в районе Хоста и в Восточной провинции вспыхнули антиправительственные восстания племен джадран и сафи. Восставшие потребовали от центральных властей отказаться от полного разоружения племен, снизить налоги и прекратить дальнейший набор в армию.

В тяжелом положении в эти годы находилась и афганская армия: не было горючего для авиации и автотранспортных средств, не хватало боеприпасов, снаряжения, обмундирования, продовольствия. Начатые в 30-е годы реорганизация и пере-

вооружение армии были приостановлены в связи с прекращением военной помощи империалистических государств, главным образом держав оси, и высылкой из страны немецких и итальянских военных советников и инструкторов. Боевая подготовка рядового и офицерского состава находилась на низком уровне. В годы войны Афганистан сохранял военные связи лишь с Англией и Турцией и получал от них незначительную военную помощь⁵¹.

Афганское общество и армия в первые послевоенные десятилетия (1946—1973).

Некоторые особенности послевоенного социально-экономического и политического развития Афганистана

Ко времени окончания второй мировой войны Афганистан по-прежнему оставался экономически отсталой, земледельческо-скотоводческой страной. Более 90% населения было занято в сельском хозяйстве. Около 2 млн. человек, т. е. примерно 20% населения страны, как и раньше, вели кочевой и полукочевой образ жизни. Современная промышленность была представлена заводом «Машин-хана» и 70 маломощными предприятиями (по данным 1949 г.), которые могли удовлетворить потребности страны в товарах первой необходимости не более чем на 10—15%. Общая численность рабочих не превышала 35 тыс. человек.

В годы после второй мировой войны, особенно с середины 50-х годов, в Афганистане ускорился процесс становления капиталистических отношений, составивший основное содержание афганской социально-экономической истории новейшего времени вплоть до второй половины 70-х годов.

В 50—60-е годы возросла роль государства и государственного сектора в экономической жизни страны. Особое внимание уделялось дорожному строительству, созданию промышленных предприятий, расширению энергетической базы, разведке и добыче полезных ископаемых, стимулированию внешней торговли, укреплению кредитной системы, подготовке национальных кадров. Хотя государственное регулирование в условиях афганской действительности распространялось лишь на часть экономики, тем не менее оно во многом способствовало ускорению роста производства, укреплению материального и финансового положения страны, увеличению занятости населения.

Непосредственными результатами осуществления программ экономического развития и некоторых социальных мероприятий явилось дальнейшее укрепление позиций национальной буржуазии, усиление процесса классовой дифференциации общества, а также ускорение ликвидации патриархально-феодалных пережитков. В стране складывался рабочий класс, увеличивалась его численность⁵².

Усилилось расслоение крестьянства. Наряду с дальнейшим обезземеливанием и пауперизацией крестьянских масс в деревне стала выделяться прослойка зажиточных крестьян, составившая к концу 60-х годов 9% общей численности сельского населения страны. Они владели почти $\frac{1}{4}$ всех обрабатываемых земель и более чем $\frac{1}{4}$ поголовья скота, принадлежавшего оседлому населению⁵³.

Развитие Афганистана по буржуазному пути сопровождалось ростом городских средних слоев — ремесленников, кустарей, мелких и средних торговцев, интеллигенции, низшего и среднего чиновничества.

Определяющим фактором, обеспечивавшим осуществление национальных программ экономического развития Афганистана и упрочение международного положения афганского государства, являлась помощь Советского Союза, а также других стран социалистического содружества. Эта помощь предоставлялась без каких-либо военных или политических условий и направлялась прежде всего на развитие государственного сектора экономики, являвшегося основой экономической самостоятельности страны. Наглядное представление о значении, характере и объеме этой помощи может дать перечень наиболее крупных объектов, построенных при техническом, финансовом и материальном содействии СССР. Так, в 1956—1970 гг. в соответствии с советско-афганскими соглашениями были сооружены Кабульский хлебокомбинат, Джангалакский авторемонтный завод, ГЭС в Пули-Хумри, механизированный порт Шерхан на р. Пяндж, ГЭС в Наглу, автомагистраль с бетонным покрытием Кушка — Герат — Кандагар, асфальтированные автомобильные дороги через Гиндукуш до порта Шерхан и Мазари-Шарифа, Кабульский домостроительный комбинат, микрорайон современных жилых зданий в Кабуле, Джелалабадская ирригационная система с гидроэлектростанцией и несколькими государственными фермами, плотина Сарде (близ Газни), позволяющая оросить многие тысячи гектаров плодородных земель, Политехнический институт в столице, газопровод из северных районов Афганистана в СССР и многие другие объекты. За это же время советские специалисты обучили десятки тысяч рабочих как на сооружаемых объектах, так и в учебных заведениях Афганистана и Советского Союза.

Однако Афганистан по-прежнему оставался слаборазвитой, аграрной страной. Главным тормозом в развитии сельского хозяйства Афганистана являлось господство крупного помещичьего землевладения. К 70-м годам на долю 40 тыс. крупных землевладельцев (6,5% общего числа земельных собственников), владевших земельными угодьями площадью свыше 20 га и сдававших землю мелкими участками в аренду безземельным и малоземельным крестьянам, приходилось 73% всех обрабатываемых земель. В то же время более 500 тыс. крестьянских семей (свыше 50% всех крестьян) не имели земли и вынужде-

ны были арендовать ее у помещиков на кабальных условиях или работать в качестве батраков⁵⁴.

Помещики обычно сами не вели хозяйства и не заботились о повышении товарности сельскохозяйственного производства. Это обстоятельство вместе с массовым разорением крестьян, отсутствием у них заинтересованности в результатах своего труда, примитивной технической базой земледелия и скотоводства, отсутствием прочной кормовой базы и надлежащего ветеринарного обслуживания пагубно сказались на уровне производства продукции сельского хозяйства. В результате в стране год от года все больше обострялась продовольственная проблема. Особенно угрожающие размеры она приняла в 1970—1972 гг. в связи с засухой, неурожаями и падежом скота. Систематически росли цены на продукты питания и промышленные товары первой необходимости. Так, только за период с 1968 по 1971 г. цены на зерно повысились на 300%. Из-за голода часть населения вынуждена была уходить в соседние страны — Пакистан и Иран. Проводившиеся в стране преобразования фактически не затрагивали сферу аграрных отношений. Правящие монархические круги всеми силами оберегали помещичье право собственности.

Не располагая большими и стабильными внутренними источниками поступлений для покрытия расходов на осуществление программ развития и оборону страны, Афганистан испытывал постоянные финансовые трудности. Дефицит бюджета в послевоенный период, и особенно в конце 60-х — начале 70-х годов, был хроническим⁵⁵. Тяжелое экономическое и финансовое положение страны усугублялось тем, что национальная буржуазия, располагавшая значительными свободными капиталами, предпочитала вкладывать их в сферу торговли и ростовщических операций, а не в развитие национальной промышленности.

Одной из самых острых социальных проблем Афганистана являлась проблема занятости, наличие армии безработных и полубезработных. Эта проблема еще больше обострилась в связи с завершением строительства крупных объектов и отсутствием новых строек, которые могли бы поглотить высвободившуюся рабочую силу.

Процесс социального расслоения внутри племен, в том числе и кочевых, привел к обострению в их среде классовых противоречий и создал неспокойную обстановку на большой территории юга и юго-востока страны.

Тяжелое экономическое положение страны и обострение социальных противоречий привели к возникновению в Афганистане оппозиционных общественных движений. Непосредственное воздействие на подъем и характер этих движений оказали международные факторы — разгром германского фашизма и японского милитаризма, образование мировой системы социализма, распад колониальной системы империализма, завоевание независимости странами Азии и Африки.

Первое демократическое оппозиционное движение развернулось в Афганистане в 1947 г. и было представлено политическими организациями «Виш зальмиян» («Пробудившаяся молодежь»), «Нидаи хальк» («Клич народа»), «Ватан» («Родина») и др. Его участники вначале ограничивали свою деятельность рамками просветительства как средства борьбы против язв и пороков общества. Но уже к 1949 г. наиболее прогрессивные члены названных организаций перешли к активной политической деятельности. Однако в 1952—1953 гг. правящие круги, обеспокоенные углублением внутривластной нестабильности, запретили деятельность всех оппозиционных политических организаций.

В сентябре 1953 г. в условиях нараставшего кризиса режима к власти пришло правительство Мухаммада Дауда. Ему удалось на время приглушить общественный протест и таким образом стабилизировать политическую обстановку в стране. В начале 60-х годов, когда выяснилась неспособность кабинета М. Дауда реализовать свои обещания в политической области, в стране снова пришли в движение радикально настроенные круги. В этих условиях двор и правительство Мухаммада Юсуфа, пришедшее на смену кабинету М. Дауда, объявили о намерении разработать и ввести новую конституцию с тем, чтобы приспособить систему государственного управления к новой внутривластной обстановке.

Хотя принятая в 1964 г. конституция и не изменила классовых основ монархического строя, тем не менее она открыла легальные возможности для критики общественных устоев и для выражения взглядов различных социальных сил.

Политическая жизнь Афганистана после 1964 г. характеризовалась значительным усилением активности радикально настроенных элементов из числа национальной интеллигенции и низших прослоек национальной буржуазии, тяготой определенной части интеллигенции и студенческой молодежи к изучению передовых идейных взглядов и стремлением со своих позиций осмыслить экономические и социально-политические проблемы развития страны. Все это привело к созданию в стране первых марксистских кружков и образованию на их основе 1 января 1965 г. Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) — авангарда рабочего класса и всех трудящихся Афганистана, поставившей своей целью борьбу за свободу народа и социальный прогресс. НДПА развернула аргументированную критику общественных устоев, бездеятельности, злоупотреблений и коррупции правящих кругов, выдвигала требования кардинальных социально-экономических реформ. Во второй половине 60-х и в начале 70-х годов частым явлением стали массовые митинги, демонстрации и забастовки, основными участниками которых были городские средние слои⁵⁶.

К условиям афганской действительности этих лет могут быть полностью применены слова В. И. Ленина о том, что «раз-

вите капитализма раскалывает весь народ все глубже и глубже на классы, обостряя противоречия между ними», и что «в обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой»⁵⁷.

Однако разночинная интеллигенция, студенчество и другие демократические силы Афганистана, несмотря на их возросшую политическую активность, оставались еще слабо организованными, идейно и политически разноликими. Специфическое промежуточное положение городских средних слоев порождало широкий диапазон их взглядов и позиций, неустойчивость и шараханье от крайней революционности до капитуляции и смыкания с реакцией.

Во второй половине 60-х годов в Афганистане на арене политической борьбы появились и другие силы, определившие в сложившейся обстановке свои платформы и цели деятельности. Среди них была группировка так называемой прогрессивной демократии, выражавшая классовые интересы растущей национальной буржуазии и ориентировавшаяся на развитие Афганистана по капиталистическому пути с опорой на помощь Запада. Идейным главой этой группировки являлся М. Х. Майвандаль, бывший афганский посол в Вашингтоне и бывший премьер-министр Афганистана.

Переход экономически слаборазвитой страны к капиталистическим общественным отношениям затронул положение и позиции мусульманских богословов.

Представители крайне правой клерикальной реакции, пользовавшиеся в Афганистане значительным влиянием, не хотели примириться с перспективой потери своих привилегий, прав, доходов и места в обществе и стремились во что бы то ни стало закрепить влияние религии, увековечить средневековые пережитки и не допустить модернизации общественно-политической жизни страны. Реакционные верхушечные круги мусульманских богословов и ярые противники советско-афганского сотрудничества выступали против советской помощи Афганистану.

В целом общественно-политическая борьба, развернувшаяся в Афганистане в 60-х — начале 70-х годов, отчетливо показала, что правое крыло мусульманских богословов составляло ударный кулак лагеря реакции в его борьбе против демократических сил и объективно одну из главных опор монархического режима. Что касается разногласий между правым крылом мусульманских богословов и правившей династией, то они никогда не заходили далеко и не затрагивали классовых основ власти. Мусульманские консервативные лидеры, выступая иногда с антиправительственных позиций, хотели лишь заставить правящие круги отказаться от осуществления рекламировавшихся планов «либерализации» монархического режима и ограниченных программ экономического обновления страны, а также под-

толкнуть двор и правительство к более решительным действиям против демократической оппозиции.

Правящая монархическая верхушка страны, стремясь сгладить растущие противоречия в обществе, выдвинула свою «программу умеренной эволюции». Во внутренней политике она провозгласила «необходимость ликвидации экономической отсталости, обеспечения промышленного развития и безусловного подъема жизненного уровня народа» на основе «надклассового братства, равенства и справедливости» и «священного права собственности». В официальной пропаганде делался упор на сплочение всех национальных сил вокруг «всеобщих афганских мусульманских устоев» и выдвигалась с учетом различных идеолополитических взглядов, получивших распространение в стране, формула «приспособления общественных отношений к нуждам преобразований и реформ» и «соответствия всех социальных преобразований требованиям времени»⁵⁸.

В последнее перед антимонархическим переворотом 1973 г. десятилетие господствующие классы Афганистана, пытаясь сохранить контроль над общественной мыслью страны, подняли идеологическую работу на уровень важнейшей правительственной задачи и резко активизировали противодействие всем оппозиционным течениям и взглядам. Правительственная пропаганда приложила немало усилий к тому, чтобы выработать для новой внутривнутриполитической обстановки соответствующие ей идеологические и политические концепции. В их основу была положена религиозная догматика, модернизированные идеи национализма, монархизма, классового сотрудничества, так называемой традиционной исламской демократии и др.⁵⁹

В условиях обострившейся внутривнутриполитической борьбы афганское правительство возлагало большие надежды на многочисленный аппарат мусульманских служителей культа. Оно требовало от них «еще глубже познать религиозное учение», «излагать положения ислама простым и понятным народу языком», «повседневно нести в народ священные истины ислама» и «разъяснять народным массам их общественные и национальные задачи с тем, чтобы каждый человек добросовестно исполнял свои религиозные, нравственные и общественные обязанности»⁶⁰.

Внешнеполитическое положение афганского государства в послевоенный период определялось теми качественными переменами, которые произошли в мире, и в частности на Ближнем и Среднем Востоке, в результате разгрома германского империализма и японского милитаризма, коренного изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, ослабления позиций международного империализма, и в частности утраты британским империализмом былых позиций в этом регионе.

В первые послевоенные годы Афганистан, как и в целом весь район Ближнего и Среднего Востока, стал объектом уси-

ленной империалистической экспансии США. Этому благоприятствовали как ослабление в ходе второй мировой войны британского империализма и устранение его главных конкурентов — Германии, Италии и Японии, так и происшедшее в эти годы усиление американского империализма в экономическом и военном отношениях. В военно-политических планах США стали уделять все более важное место Афганистану. Американские империалисты начали усиленно проникать в эту страну еще в годы второй мировой войны, воспользовавшись нарушением традиционных внешнеторговых связей Афганистана и его тяжелым экономическим положением.

В первые послевоенные годы афганские правящие круги проявили заметный интерес к развитию связей с США. При этом они руководствовались не только стремлением выйти из экономических затруднений за счет американской помощи, но и соображением найти в лице американского империализма противовес английской политике на Востоке. Однако в США не скрывали, что их интерес к Афганистану был вызван прежде всего его стратегическим положением в непосредственной близости к СССР⁶¹.

В начале 50-х годов США оказывали экономическое, политическое и дипломатическое давление на афганские правящие круги с тем, чтобы заставить их вступить в агрессивный блок, направленный против стран социалистического содружества и национально-освободительного движения на Востоке. Потерпев неудачу в попытках путем прямого нажима втянуть Афганистан в агрессивные блоки США, американские империалисты использовали против афганского государства афгано-пакистанский спор по пуштунскому вопросу. Кроме того, была развернута пропагандистская кампания, направленная на дискредитацию нейтралистского внешнеполитического курса Афганистана и подрыв добрососедских советско-афганских отношений. В попытках подчинить Афганистан своему влиянию империализм большую ставку делал на внутреннюю феодально-помещичью и клерикальную реакцию и крупную буржуазию, тесно связанную с рынком Запада.

Итак, история первых послевоенных десятилетий Афганистана была отмечена сложными внутренними экономическими, социально-политическими и идеологическими процессами, связанными с переходом страны к капиталистическим отношениям, и не менее сложным внешнеполитическим положением. Капиталистическая эволюция Афганистана в условиях многоукладной экономической структуры общества сопровождалась нарастанием социальных противоречий и классовой борьбы, которые стали принимать, особенно с начала 60-х годов, все более острый характер и вовлекать в свою орбиту все более широкие слои населения, угрожая существованию господствовавшего помещичье-буржуазного режима.

Структура армии Афганистана и ее изменение в 60-х — начале 70-х годов. Ополчения племен

В конце 40-х — начале 50-х годов численность вооруженных сил Афганистана (включая жандармерию) составляла около 90 тыс. человек, в том числе сухопутные силы — 75 тыс., военно-воздушные силы — около 300 человек и жандармерия — 13—15 тыс.⁶²

Сухопутные войска организационно состояли из двух армейских корпусов (Центрального — в Кабуле и Южного — в области Хост), семи отдельных пехотных дивизий, а также нескольких отдельных артиллерийских и автотранспортных частей центрального подчинения. В Центральный корпус входили две пехотные дивизии, гвардейская и смешанная отдельные пехотные бригады, пехотный полк, бронетанковая часть и корпусные части, а в Южный — две пехотные дивизии и корпусные части. Военно-воздушные силы состояли из двух боевых и одной учебной эскадрилий с самолетами устаревших марок, дислоцированных в Кабуле, в районах Хаджи Реваш и Шерпур⁶³.

Офицерский состав обучался в этот период преимущественно внутри страны под руководством турецких инструкторов и лишь его незначительная часть — за границей: в Турции, Англии и Индии.

В условиях, когда Афганистан подвергался массированному нажиму империалистических держав, и прежде всего США, с целью втянуть его в агрессивные военные группировки, афганские правящие круги, проявив реализм в оценке неоколониалистских устремлений империализма, подвергли определенному пересмотру свой внешнеполитический курс преимущественно односторонней ориентации на страны капитализма. Афганское правительство, основываясь на рекомендациях Большой джирги (ноябрь 1955 г.) «любыми возможными средствами, любым доступным честным способом укрепить и вооружить страну в целях ее обороны»⁶⁴, обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать Афганистану, необходимую помощь. Советское государство положительно отнеслось к желанию Афганистана укрепить оборону и защитить страну от происков империализма.

Использование Афганистаном для укрепления своей независимости и обороноспособности бескорыстной советской военной технической помощи открыло качественно новый этап в развитии его вооруженных сил и позволило в короткие сроки реорганизовать и модернизировать афганскую армию.

Усилия афганского правительства в военной области, принятые начиная со второй половины 50-х годов, охватили широкий круг проблем, а именно: коренное техническое перевооружение армии и овладение новым оружием и боевой техникой, разработку и внедрение современной организационно-штатной структуры вооруженных сил, подготовку офицерских

кадров, освоивших основы современного военного искусства, решение некоторых вопросов, связанных с мобилизационной готовностью страны, и др. Реорганизация и модернизация коснулись всех родов войск и служб афганской армии и многих аспектов сложного военного дела.

В последующие годы вооруженные силы Афганистана, претерпев значительные изменения как в организации, вооружении, так и в системе боевой подготовки, в качественном отношении далеко шагнули вперед от того уровня, на котором они находились в середине 50-х годов. Среди самых существенных сдвигов, происшедших в этот период в развитии афганской армии, следует прежде всего выделить коренное преобразование ее организационно-штатной структуры с учетом советского опыта военного строительства и особенностей исторического развития афганского государства, ее полное техническое перевооружение, механизацию и моторизацию, внедрение новых форм и методов обучения личного состава, возросший уровень военной и специальной подготовки афганских офицерских кадров, особенно их младшего и среднего звеньев, а также значительное изменение их социальных характеристик.

В составе вооруженных сил были созданы новые для Афганистана военно-воздушные силы и войска противовоздушной обороны, бронетанковые, воздушно-десантные, артиллерийские и горно-пехотные подразделения, части и соединения. Афганская армия получила на вооружение сверхзвуковые самолеты различного назначения, зенитные управляемые ракеты, противотанковые средства, в том числе и противотанковые управляемые реактивные снаряды, артиллерию разного калибра и назначения, эффективное стрелковое оружие, бронетанковую и автомобильную технику. В результате осуществленных мер значительно повысилась боеспособность и боеготовность вооруженных сил Афганистана.

Усилия правящих кругов страны по укреплению ее вооруженных сил потребовали соответствующих военных расходов. Хотя в целом они и увеличились с 528 млн. афгани в 1955/56 г. до 1300 млн. афгани в 1969/70 г., т. е. более чем в 2,2 раза, однако в результате роста экономических возможностей Афганистана и, главное, благодаря технико-экономическому сотрудничеству с СССР и другими странами социализма и исключительно выгодным условиям предоставления афганскому государству советской военной и военно-технической помощи их доля в общих государственных расходах уменьшилась за эти годы почти в 2 раза и составила в конце 60-х годов 22—23%⁶⁵.

Следует отметить, что недруги советско-афганского военного сотрудничества в армии и в стране, действуя в угоду международному империализму и внутренней реакции, всеми силами стремились посеять недоверие к советской военной технике и советским специалистам. Особую активность при этом проявляли некоторые представители двора и высшие чины армии,

в частности дядя короля маршал Шах Вали, бывший до начала 60-х годов начальником Главного штаба армии, генерал-полковник Сеид Хасан, бывший командующий ВВС и ПВО генерал-полковник Абдурраззак и др. Однако все их неблагоприятные попытки оказались тщетными. В ходе многих учений и боевых стрельб были наглядно продемонстрированы превосходные боевые качества советского вооружения и техники, а советские военные специалисты своим безукоризненным поведением, трудолюбием и доброжелательностью завоевали искренние симпатии афганского народа и армии.

В результате правительство Афганистана резко сократило военные связи с буржуазными странами. В начале 60-х годов оно полностью удалило из армии турецких преподавателей, инструкторов, военных советников. В последующие годы с этими государствами у Афганистана сохранялся лишь один канал сотрудничества — подготовка в учебных заведениях этих стран некоторой части офицерских кадров. В частности, в 1977 г. несколько афганских военнослужащих обучались в США, Франции и АРЕ⁶⁶.

Е период монархического и даудовского режимов вооруженные силы состояли из сухопутных войск, военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны. В соответствии с прежними конституциями страны верховным главнокомандующим вооруженными силами страны являлся король, а после 1973 г. — президент республики. Руководство вооруженными силами они осуществляли через министра национальной обороны, который входил в состав правительства. Последнему были непосредственно подчинены начальник Главного штаба и командующий ВВС и ПВО. В условиях монархии при министре национальной обороны функционировал Высший военный совет — совещательно-рекомендательный орган, в который кроме министра национальной обороны входили начальник Главного штаба, командующий ВВС и ПВО и начальники управлений Главного штаба.

Министерство национальной обороны занималось вопросам управления вооруженными силами, их жизнью и боевой подготовкой, в частности разработкой основных направлений военного строительства, а также вопросами реорганизационно-мобилизационной готовности страны и ее вооруженных сил, комплектования армии рядовым и унтер-офицерским составом, организации и руководства боевой подготовкой войск, их снабжения и материально-технического обеспечения, строительства объектов армейского назначения и т. п.

В Афганистане не было официального деления страны на военные округа или районы. Однако за каждым армейским корпусом и дивизией закреплялась определенная территория. Все воинские формирования, размещенные в центре и на местах, подчинялись непосредственно министерству национальной обороны и были не подвластны губернаторам провинций, хотя

последние в случае необходимости, когда находившиеся в их компетенции полиция и жандармерия оказывались не в состоянии справиться с так называемыми внутренними беспорядками, могли призвать на помощь и воинские части.

Общая численность вооруженных сил Афганистана, начиная с 60-х годов, поддерживалась приблизительно на одном уровне и составляла (по западным зарубежным данным 1977/78 г.) около 98 тыс. человек, в том числе сухопутных войск — около 90 тыс., военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны — около 8 тыс. Обученный резерв вооруженных сил в первой половине 70-х годов насчитывал 150—200 тыс. человек. Имелся также и резерв офицерских кадров⁶⁷.

Сухопутные войска составляли основу вооруженных сил Афганистана и состояли из пехоты, бронетанковых войск, наземной и зенитной артиллерии, инженерных и транспортных частей, частей связи и различных тыловых частей и учреждений. Характерной особенностью развития сухопутных войск Афганистана явилась их моторизация и значительное усиление огневой мощи за счет оснащения современной техникой и вооружением. Основу сухопутных войск составляла пехота, которая главенствовала по своей численности над другими родами войск.

Основным оперативным соединением сухопутных войск стала пехотная дивизия, высшей оперативной единицей — корпус. Всего в афганской армии в рассматриваемые годы имелось 10 пехотных дивизий, из которых шесть были сведены в три корпуса — Центральный (в составе 7-й, 8-й и 11-й пехотных дивизий [пд]), Пактийский — (12-я и 125-я пд) и Кандагарский (15-я пд и 7-я бронетанковая бригада). Отдельные пехотные дивизии дислоцировались в Газни (14-я пд), Герате (17-я пд), Мазари-Шарифе (18-я пд), Нахране (20-я пд). В боевой состав сухопутных войск также входили две отдельные бронетанковые и три горно-пехотные бригады, артиллерийские, инженерные, транспортные и другие соединения, части центрального подчинения, расположенные в основном в Кабуле и его окрестностях. Некоторые соединения и части в случае необходимости могли быть в короткие сроки отмобилизованы и доведены до полного штата.

Кроме того, имелся один усиленный полк гвардии, предназначенный для охраны резиденции главы государства и исполнения службы почетного караула при встрече государственных деятелей и высокопоставленных иностранных гостей.

Военно-воздушные силы — качественно новый вид вооруженных сил Афганистана. На вооружении ВВС находилась авиационная техника различного назначения: реактивные истребители, сверхзвуковые истребители-бомбардировщики, реактивные бомбардировщики среднего радиуса действия, а также транспортные и учебные самолеты и вертолеты. По приблизительным западным данным, в 1977 г. в афганских ВВС и ПВО

имелось около 250 боевых, транспортных и учебных самолетов и вертолетов⁶⁸.

Основной организационной единицей военно-воздушных сил являлся авиационный полк. Авиационные части базировались на следующих аэродромах: Кабульском, Баграмском, Шинданском, Мазари-Шарифском и частично в зимние периоды на Джелалабадском.

Войска противовоздушной обороны, прикрывавшие столицу и важные промышленные и военные объекты страны, были подчинены командующему ВВС и ПВО и включали части зенитной артиллерии различных калибров, зенитных управляемых ракет, авиационные части, а также подразделения радиотехнических войск и служб.

Кроме регулярной армии в Афганистане имелся ряд постоянных военизированных формирований: жандармские войска (21 тыс. человек), Трудовая армия (несколько десятков тысяч человек), многочисленные вооруженные ополчения племен, а также полиция.

Жандармские войска комплектовались на основе Закона о всеобщей воинской повинности и при монархическом режиме рассматривались как часть вооруженных сил. Они находились в подчинении министерства внутренних дел и исходя из решаемых задач делились на пограничные (охрана государственных границ) и внутренние (охрана различных государственных объектов и мест заключения).

Жандармские войска организационно состояли из батальонов и полков. Непосредственное руководство этими войсками осуществлял командующий полицией и жандармерией страны, назначавшийся из числа генералов и старших офицеров армии (без исключения из кадров министерства национальной обороны).

Трудовая армия была создана в Афганистане в 50-х годах с целью обеспечения строившихся объектов госсектора дешевой и организованной рабочей силой. Пополняемая за счет призывного контингента, она широко использовалась на строительстве промышленных предприятий, ирригационных сооружений, дорог и др. Роль Трудовой армии в Афганистане, однако, не ограничилась только этим. Она одновременно рассматривалась как дополнительная база для военного обучения призывных возрастов, как школа для подготовки нужных для страны и армии квалифицированных рабочих различных строительных и технических специальностей, а также как отмобилизованный вооруженный резерв армии на случай чрезвычайных обстоятельств.

Численный состав Трудовой армии не был постоянным и колебался в зависимости от потребностей сооружавшихся в стране объектов в рабочей силе. О масштабах использования Трудовой армии можно судить хотя бы по такому примеру: только на строительстве Нанграхарской ирригационной систе-

мы (1960—1964) одновременно было занято около 10 тыс. солдат.

Трудовая армия подчинялась министерству общественных работ и организационно состояла из рот, батальонов, строительных частей («йунити-кар») во главе с кадровыми офицерами, главным образом выпускниками строительного и инженерного факультетов Военно-технической академии и Высшего военного училища. В случае необходимости командные кадры Трудовой армии укомплектовывались также за счет офицеров запаса и в отставке, призывавшихся на военную службу на время строительства крупных объектов. Непосредственное руководство строительными частями осуществлял командующий Трудовой армией.

Все подразделения Трудовой армии имели необходимое по штату количество стрелкового вооружения. Срок службы солдат Трудовой армии, как и регулярной, составлял два года, из которых первые два месяца отводились для одиночной общевоинской подготовки новобранцев.

Наряду с регулярной армией в Афганистане, как уже говорилось, сохранялись многочисленные ополчения племен, главным образом в южных, юго-восточных и восточных районах страны.

Точные данные о численности ополчений племен в Афганистане не публиковались. Однако, по приблизительным оценкам афганского командования, которые оно давало в ходе проведения учений и командно-штабных игр на южных, юго-восточных и восточных направлениях, только крупные племена в полосе к югу и юго-востоку от линии Джелалабад — Газни — Кандагар могли выставить не менее 350—400 тыс. вооруженных ополченцев, причем наибольшее число (более 200 тыс.) — в районах Хоста, Гардеза и к югу от Газни. В данной полосе, по афганским данным, в 1970 г. проживало около 4 млн. человек, в том числе в провинциях Пактия и Газни — около 2 млн.⁶⁹

Афганские (пуштунские) племена, особенно кочевые и полукочевые, имели и имеют большое количество стрелкового и холодного оружия, в основном западноевропейского и местного производства, и никогда не расстаются с ним, даже во время сельскохозяйственных работ. На юге и востоке страны практически каждый взрослый мужчина был вооружен. Ополчения («лашкар») крупных племен имели на вооружении автоматы и пулеметы и даже пушки устаревших образцов.

Ополчения племен всегда были важным элементом в военной политике афганских правящих кругов. Рассматривая вопросы обороны страны и обеспечения безопасности своих южных и восточных границ, они неизбежно делали большую ставку на военную организацию племен. Последней отводилась роль вооруженного резерва для пополнения рядов армии в случае военной опасности, а также партизанской армии, готовой

в любую минуту действовать в тылу противника при его вклинении в пограничные районы страны. В мирное время на ополчения племен возлагалась задача охраны государственной границы, особенно ее восточного и южного участков.

Однако роль ополчений племен как резерва армии оставалась крайне проблематичной. С одной стороны, ополчения племен, обладая такими превосходными боевыми качествами, как способность дерзко и молниеносно нападать мелкими группами на численно превосходящего противника и быстро исчезать с поля боя после выполнения задачи, большая физическая выносливость, неприхотливость в быту, стремительные передвижения по горно-лесистой и горно-пустынной местности, завидная смелость и умение владеть холодным и легким стрелковым оружием, хорошее знание местности и умелое применение к ней, представляли собой несомненную силу в оборонительной политике афганского государства.

С другой стороны, ополчения племен Афганистана были присущи и известные слабые черты, сужавшие возможности их использования. Прежде всего, их слабость заключается в том, что из-за своих хозяйственных интересов и родственных отношений они были привязаны к местам своего расселения и вряд ли могли быть с успехом использованы в широком масштабе в других районах боевых действий. Более того, вне своих мест обитания ополченцы теряли такое преимущество, как доскональное знание местности и умение использовать особенности ее рельефа.

Далее, военная организация каждого племени, основанная на кровнородственных связях, традиционно противопоставлялась военным формированиям других племен «как враждебная, соперничавшая единица»⁷⁰. В связи с этим ополчения племен не представляли в общенациональном плане какого-то единого и сплоченного целого и трудно поддавались объединению или боевому взаимодействию в силу имевших место межплеменных трений и конфликтов.

Не менее важным фактором, делавшим подчас сомнительной возможность использования ополчений племен в общегосударственных интересах, являлось необычайно развитое у целого ряда афганских племен чувство независимости от центральных властей и ревностное отстаивание своей самобытности. Немалую, а порой и решающую роль в поддержании этого духа непокорности центральному правительству играла влиятельная верхушка племен. Это было особенно свойственно племенам юга и востока страны, таким, как мангал, джадран, джаджи, сулейман-хель, шинвари и др. Их аристократия всеми силами стремилась сохранить власть над военной организацией племен и использовать ее как силу для противодействия попыткам центральной администрации ограничить «племенные вольности», как традиционный инструмент насилия в системе неспокойных межплеменных отношений, а также как орудие для ох-

раны своих привилегий и господствующего положения среди соплеменников.

Афганская королевская армия вплоть до начала 60-х годов во многих отношениях уступала по своим боевым возможностям военной организации племен. Только в последующее десятилетие, когда в Афганистане была создана современная, хорошо вооруженная армия, центральное правительство получило в свои руки силу, несравненно превосходящую ополчения племен по своей мощи и способную противостоять воинственным пуштунским племенам.

Однако, несмотря на то что военная организация пуштунских племен Афганистана уступала по своей численности армии, она представляла значительную силу во внутренних афганских делах и не считаться с ней было бы преждевременным. Это отчетливо показало подавление межплеменного конфликта 1968—1969 гг. в Пактии, когда правительственные войска, несмотря на военно-техническое превосходство, длительное время не могли овладеть положением и восстановить мир в данном районе. Поэтому не случайно, что правительства страны в период монархического режима вынуждены были постоянно принимать всевозможные меры с целью поддержания спокойствия в районах расселения пуштунских племен и установления контроля над их ополчениями, а также искать пути сотрудничества с ними.

Этим целям длительное время служила военная форма правления, введенная в зоне расселения племен — в Пактийской, Нанграхарской и Кандагарской провинциях. Здесь вся военная и гражданская власть была сосредоточена в руках генерал-губернаторов — высших воинских начальников — и подчиненной им военной администрации. В соответствии с негласной правительственной политикой постепенного ограничения влияния и власти верхушки племен над своими соплеменниками, в том числе и над ополчением, влиятельные представители знати племен при монархическом режиме широко привлекались на государственную (военную и гражданскую) службу, как правило, вне пределов расселения их племен.

Многие южные племена (мангал, джаджи, джадран, вазиры и др.) при прежних режимах пользовались некоторыми особыми привилегиями. В частности, они не платили государственных налогов, были освобождены от службы в армии и лишь символически и только для гарнизона г. Гардеза ежегодно выделяли несколько десятков призывников, хотя действовавший тогда Основной закон государства⁷¹ и не предусматривал ни для кого подобного преимущества, обязывая всех подданных страны проходить военную службу.

По свидетельству афганских офицеров, проходивших службу в южных гарнизонах, монархическое правительство страны, руководствуясь намерением привлечь на свою сторону ополчения племен, ежегодно выплачивало рядовым ополченцам и их

командирам — представителям племенной знати — установленное жалование, стремилось внедрить в их организацию армейское деление на взводы, роты и батальоны во главе с лояльными к центральным властям командирами, присваивало им соответствующие воинские звания и выдавало армейское офицерское обмундирование.

Звания командиров ополчений племен не являлись одноклассными. Часть командиров, главным образом из числа влиятельных ханов племен, носила почетные офицерские и генеральские звания («эзази»), полученные ими за заслуги в подавлении восстания Бачаи Сакао в 1928—1929 гг. и других антиправительственных выступлений. Эти звания подразделялись на генеральские — наиб-салар («помощник командующего»), генерал («джарнайл»), бригадный генерал («бригид»), и офицерские — полковник («карнайл») и капитан («кифтан»). Другая часть получила новые звания от имени и по указу Захиршаха. Они были идентичны установленным для офицеров и генералов армии. В соответствии с монархическим законодательством лица, удостоенные таких званий, зачислялись в кадры армии. По достижении преклонного возраста они имели право по собственному желанию выйти на пенсию.

В случае внешней военной опасности ополчения племен могли быть использованы, как указывалось выше, главным образом в пределах территории их расселения. Вместе с тем нельзя было исключать и такой возможности, как отказ верхушки племен, а значит и подвластной ей военной организации, от поддержки центральных властей в вопросах обороны.

В политическом отношении наличие в руках племен вооруженной силы, к которой они часто прибегали для разрешения межплеменных споров, а также для действий против государственной администрации на местах, создавало нестабильность в южных и восточных районах страны.

Еще одним резервом армий в Афганистане считалась полиция, подчиненная министерству внутренних дел. При монархическом режиме полицейские силы в полном соответствии с духом национальной политики того времени комплектовались преимущественно из числа пуштунов как путем набора добровольцев, так и на основе Закона о всеобщей воинской повинности за счет призывного контингента⁷². Срок службы в полиции составлял два года.

В рассматриваемые годы Афганистан, как известно, не имел собственной военной промышленности. В связи с этим в вопросах оснащения армии современным вооружением и боевой техникой он всецело зависел от их поставок из развитых стран мира. С конца 50-х годов на вооружении афганской армии находились в том числе и советская военная техника и оружие⁷³.

Вместе с тем для удовлетворения текущих нужд армии министерство национальной обороны располагало рядом военно-

производственных и ремонтных предприятий⁷⁴. Во второй половине 60-х годов завод «Машин-хана» потерял свое бывшее значение: он был передан в подчинение военно-ремонтного завода в Пули-Чархи и использовался в качестве мастерской по ремонту легкого стрелкового вооружения.

Комплектование вооруженных сил Афганистана военным и гражданским персоналом осуществлялось на основе законодательства, принятого в 50—60-х годах. Указанный персонал в соответствии с выполняемыми функциями делился на следующие категории: рядовых, унтер-офицеров, офицеров, вольнонаемных, приравненных к какому-либо офицерскому званию, военных чиновников, временных рабочих и служащих, работавших в армии по найму, военных рабочих.

Рядовой состав комплектовался на основе принятого в 1954 г. Закона о всеобщей воинской повинности, по которому все граждане мужского пола, достигшие 22 лет, обязаны были проходить военную службу⁷⁵. Однако практически не все из них могли быть зачислены в ряды армии ввиду того, что контингент молодежи, достигшей призывного возраста, как правило, превышал потребности вооруженных сил в новобранцах. В связи с этим органы по призыву ежегодно определяли для каждой провинции соответствующий процент призывников. Вместе с тем Закон предусматривал, в случае необходимости, призыв на действительную военную службу и лиц в возрасте 26—28 лет, ранее не служивших в армии. Последние обычно зачислялись в строительные части и подразделения.

Призыв в армию осуществлялся раз в год начиная с 15 сомболя (6 сентября). Общий срок нахождения на военной службе для рядовых всех родов войск был установлен в 24 года, из которых последовательно первые два года составляли действительную службу, 6 лет — запас 1-й очереди, 12 лет — запас 2-й очереди и последние 4 года — запас 3-й очереди. Снятие с военного учета по возрасту производилось ежегодно 15 сомболя по достижении военнообязанным 46 лет.

Закон о всеобщей воинской повинности допускал также продление в мирное время срока действительной военной службы рядового состава, но не более чем на 2 года. Право решать этот вопрос в отношении отдельных военнослужащих, проходивших службу в технических войсках, если установленные 2 года оказывались недостаточными для усвоения ими программы обучения, предоставлялось министерству национальной обороны, а в отношении какой-либо части армии — главе государства.

В соответствии с действовавшими при монархии законоположениями от действительной службы освобождались сержанты и полицейские, окончившие специальные школы, а также рядовые полицейские, если они прослужили в полиции установленные сроки; лица, взявшие обязательство проработать на военно-производственных предприятиях, в армейских учреждениях, на транспорте и т. п. в течение 12 лет; учителя государствен-

ных школ в случае их непрерывной работы в течение 6 лет после того дня, когда они подлежали призыву⁷⁶.

Кроме этого на основании положений Закона о всеобщей воинской повинности и фирманов (указов) прежних правителей страны правом полного освобождения от военной службы пользовались все мусульманские богословы и служители культа, имевшие документ о теологическом образовании или сдавшие соответствующие экзамены, единственные кормильцы больных и престарелых родителей (в возрасте 60 лет и старше), лица, признанные медицинской комиссией негодными к военной службе, а также все племена юга страны. Временная отсрочка от призыва на действительную военную службу предоставлялась учащимся и студентам государственных учебных заведений внутри страны и за рубежом, лицам призывных возрастов, проживавшим за границей в связи с их болезнью или по другим уважительным причинам, иммигрантам, находившимся в Афганистане менее 5 лет, и др.⁷⁷.

Действовавший при монархии в 50-х — начале 70-х годов Закон о всеобщей воинской повинности не предусматривал для лиц, подлежащих призыву, право выставлять вместо себя замену, как это допускалось в афганском законодательстве 20—30-х годов.

Вопросами призыва на военную службу и учета призывного контингента занимались специальные армейские отделы воинской повинности, а там, где их не было, — чиновники местных статистических органов.

Солдаты, призванные в армию, обязаны были иметь при себе постельные принадлежности (матрац, подушку, одеяло) и комплект гражданской одежды, в которой они в период службы увольнялись из расположения части в выходные и праздничные дни, а также уходили в запас.

В соответствии с установленными нормами довольствия рядовой состав на весь срок службы получал один комплект зимнего обмундирования (мундир, шаровары, шинель и утепленную фуражку) и одну пару летнего обмундирования (ботинки, гетры, нижнее белье, ремень). Обмундирование и снаряжение изготовлялись из низкокачественных материалов местного производства и поэтому быстро приходили в негодность, не выдерживая принятых сроков носки. В связи с этим внешний вид солдат афганской армии всегда оставлял желать лучшего.

Ежемесячно рядовому составу выплачивалось денежное содержание в размере 20 афгани. Однако эта сумма в условиях монархического режима редко доходила до солдат полностью: одна часть, как правило, незаконно присваивалась их непосредственными начальниками, другая — изымалась под видом разного рода штрафов, бахшишей (подношений) и т. п.

Наиболее подготовленным, грамотным солдатам срочной службы после окончания специальных, продолжительностью в 2—3 месяца курсов, которые организовывались по мере необ-

ходимости при подразделениях и частях, могло быть присвоено звание ефрейтора («далгеймышр»). Лица, получившие это звание, использовались, как правило, на должностях командиров отделений. В афганской армии их было принято относить к так называемым войсковым сержантам, хотя таковыми, если иметь в виду их воинское звание, они не являлись. Общая продолжительность обязательной военной службы войсковых сержантов, как и солдат, составляла два года.

Что касается унтер-офицерского состава, то он комплектовался из числа лиц, добровольно поступивших на военную службу и окончивших специальные, в основном двухгодичные, сержантские школы и курсы. Он готовился в столичной школе сержантов, школе механиков, в сержантских группах военного авиационного училища, а также в случае острой необходимости — и на специально создававшихся по родам войск и службам унтер-офицерских курсах. Унтер-офицеры, получившие военное образование в указанных школах и на курсах, назывались в Афганистане «школьными сержантами».

Основная масса унтер-офицеров проходила подготовку в школе сержантов, основанной еще в 1933 г. Срок обучения в ней составлял 2 года. Первый год курсанты изучали общевоинские и некоторые специальные дисциплины, а на второй год большинство из них направлялось для углубленной специальной подготовки в различные рода войск, в частности в бронетанковые, артиллерийские, зенитные, инженерно-саперные, автотранспортные, химические части, а также в части связи, где имелись соответствующая учебно-материальная база и жилой фонд. Исключением являлись лишь курсанты, готовившиеся для пехотных частей, служб тыла и Трудовой армии, которые и на второй год учебы оставались в стенах школы. После сдачи экзаменов им присваивалось звание младшего сержанта («паркмышр») и они зачислялись в кадры армии.

В 60-е годы в связи с насыщением войск новой боевой техникой и вооружением и усложнением программ боевой подготовки армии значительно повысились требования к уровню общеобразовательной и военной подготовки сержантского состава. Однако, как показала армейская практика, афганские юноши, имевшие начальное образование, были не в состоянии усваивать принятые для сержантов программы обучения. Поэтому с 1966 г. по решению министерства национальной обороны в сержантские школы стали принимать только выпускников 9-х классов, преимущественно из провинций, где не было полных средних школ⁷⁸.

Унтер-офицеры в соответствии с действовавшим законодательством обязаны были прослужить на действительной военной службе в общевоинских частях 12 лет, а в технических родах войск и ВВС — 16 лет, после чего они получали право уволиться из армии по собственному желанию или при наличии положительной характеристики продолжать службу до до-

стижения установленного предельного возраста и выхода на пенсию. Они использовались в основном на должностях командиров отделений, оружейных расчетов и танковых экипажей, помощников командиров взводов, старшин подразделений, механиков-водителей, оружейных мастеров, механиков по ремонту техники и вооружения, бортмехаников, радиотелеграфистов, заведующих складами запчастей и т. п.

В афганской армии персонально присваивались следующие унтер-офицерские звания: младший сержант — «паркмышр» («бришйар»), сержант — «моавэн-и сарпаркмышр» («бриш»), старший сержант — «сарпаркмышр» («джабриш») старшина — «сарпаркмышр-и кэдамдар» («лойбриш»), подофицер («крур»). В скобках указаны сержантские звания, которые были официально приняты, однако в армии практически не применялись. Срок выслуги в каждом звании составлял 4 года.

Денежное содержание унтер-офицеров было довольно значительным — на уровне окладов лейтенантов, выпускников Высшего военного училища. Это было обусловлено желанием привлечь в ряды этой категории военнотружущих грамотную молодежь, увеличить их роль в жизни и боевой учебе войск и повысить таким образом боеспособность подразделений и частей армии. Кроме того, унтер-офицеры, как и младшие офицеры, обеспечивались бесплатным обмундированием и питанием (обедом) в рабочие дни, а также имели ряд других льгот.

Офицерские кадры Афганистана, как и унтер-офицерские, формировались на основе принципа добровольности. Их подготовка для сухопутных войск, жандармерии и частей Трудовой армии велась, как правило, в Высшем военном училище («Харби похантун») и Военной технической академии, а для ВВС и ПВО — в Военном авиационном училище. В Высшем военном училище для подразделений и частей жандармских войск готовились в основном командные кадры офицеров. Что касается специального персонала жандармерии, то он проходил обучение в Кабульской полицейской академии. Курсантский состав военных учебных заведений, готовивших кадровых офицеров, комплектовался в основном за счет выпускников Военного лицея и средних общеобразовательных школ министерства просвещения. В Военный лицей принимались юноши, окончившие шесть классов общеобразовательной школы. В лицее они получали общее среднее и начальное военное образование.

Высшее военное училище было основано в 1932 г. Срок обучения в нем — 3 года. В 60—70-х годах это училище имело факультеты: пехотный, бронетанковый, артиллерийский, инженерно-химический, связи и тыла. Училище ежегодно выпускало в среднем до 200 офицеров. Офицерам, окончившим его полный курс, присваивалось звание «лейтенант».

Военная техническая академия была создана в 60-х годах и готовила офицеров по различным техническим специальностям.

Срок обучения в ней составлял 3 года, а в группах подготовки инженеров-строителей — 5 лет, из которых последний год отводился стажировке на строительных объектах армии.

Военное авиационное училище было основано в 1958 г. и готовило офицеров-летчиков и техников, а также сержантов по различным авиационным и радиотехническим специальностям. Срок обучения был соответственно 3 и 2 года. Численность курсантского состава училища доходила до 400 человек⁷⁹.

Офицеры-выпускники всех вышеуказанных училищ и академии в соответствии с афганским законодательством получали диплом о высшем образовании и пользовались теми же правами, что и выпускники гражданских высших учебных заведений.

В рассматриваемый период в Афганистане функционировала школа офицеров запаса, предназначенная для подготовки офицеров пехоты и артиллерии из числа выпускников гражданских высших учебных заведений. Срок обучения в ней составлял один год, первые шесть месяцев которого отводились на изучение общевоинских и специальных дисциплин, а вторые — на прохождение стажировки в частях в качестве командиров отделений, расчетов и помощников командиров взводов. После окончания стажировки и сдачи выпускных экзаменов они увольнялись в запас в звании младшего лейтенанта. Школа ежегодно готовила до 500 офицеров запаса⁸⁰.

Кадры младших офицеров в случае их острой нехватки в афганской королевской армии могли готовиться и в специально создаваемых для этой цели краткосрочных школах и на курсах из числа сержантов и вольнонаемных, приравненных к какому-либо офицерскому званию. После прохождения ускоренной подготовки сержантам присваивалось звание «младший лейтенант», а вольнонаемным, приравненным к какому-либо офицерскому званию, то звание, которое соответствовало их рангу.

Повышение квалификации младшего и старшего офицерского состава сухопутных войск активно осуществлялось на одногодичных курсах «А», функционировавших с 1957 г., а также на курсах «Б», предназначенных для офицеров ВВС и ПВО.

Довольно значительная часть офицеров проходила подготовку, переподготовку и усовершенствование за границей. Многие афганские офицеры получили военное образование в Советском Союзе или в Афганистане под руководством советских специалистов.

Афганские офицеры перед направлением на учебу за границу подвергались самому строгому отбору и проверке. Этим занимались специальные, так называемые наблюдательные комиссии (хайат-и назер), создававшиеся по приказу начальника Главного штаба. При этом комиссию по сухопутным войскам возглавлял, как правило, начальник управления боевой подготовки армии, а по ВВС и ПВО — их командующие.

Обязательными требованиями к каждому абитуриенту являлись положительная служебная характеристика, успешная сдача конкурсных экзаменов, хорошее здоровье и, главное, политическая благонадежность и преданность режиму. В период монархии часто самым решающим условием для поездки на учебу за границу становился не уровень знаний военнослужащего, а солидная взятка, которую давали соответствующему влиятельному армейскому чину.

В период до 1973 г. в отборе кандидатов в американские военно-учебные заведения активное участие принимали и сотрудники военного атташата США в Кабуле. Последние являлись, пожалуй, единственными из всех иностранных военных представителей в стране, кто получил право принимать от афганских офицеров конкурсный экзамен по английскому языку. Пользуясь такой привилегией, американские экзаменаторы подбирали на учебу в США угодных им лиц, прежде всего тех, кто в перспективе мог стать проводником их влияния на армейские круги Афганистана.

Меры, предпринимавшиеся афганским правительством по подготовке и переподготовке офицерских кадров в 60—70-х годах, не могли не сказаться благотворно на уровне их знаний, на повышении их военной и специальной квалификации. В целом младшие и старшие офицеры значительно расширили свой общеобразовательный, военный, технический кругозор и во многом освободились от элементов прежнего невежества и узкого практицизма.

Следует вместе с тем отметить, что наряду с большим вниманием, уделявшимся подготовке офицеров младшего и среднего звена, в афганской королевской армии почти ничего конструктивного не делалось для совершенствования подготовки ее генералитета, который в своем подавляющем большинстве довольствовался старым, «турецким», багажом знаний (большинство генералов афганской королевской армии получили военное образование в турецких академиях) и значительно отставал от возросшего уровня подготовки подчиненных им офицеров. Внутри страны не было каких-либо учебных заведений или даже курсов усовершенствования для высшего командного состава армии. В этом отчетливо проявлялись такие, присущие бывшему афганскому генералитету качества, как косность и пренебрежительное отношение к своему теоретическому росту. Отсюда не случайно, что в условиях монархического режима авторитет многих генералов Афганистана в глазах младших по званию офицеров был крайне низок. Более того, их слабая военная и специальная подготовка стала предметом постоянных язвительных насмешек со стороны младшего и старшего офицерского состава армии.

Кадровые офицеры использовались на различных должностях не только в вооруженных силах, но и традиционно, без исключения из списков армии, с сохранением всех их армей-

ских льгот и привилегий на некоторых наиболее важных государственных постах, в частности в управлении сыскной полиции («рийасат-и забт-и эхвалат»), в управлениях полиции и жандармерии в центре и на местах, на должностях губернаторов некоторых провинций, в управлении авиакомпании «Ариана», в ряде министерств и т. д.

Офицерский состав афганской армии подразделялся на три категории: младших офицеров, старших офицеров и генералов. В августе 1958 г. указом короля были введены следующие, единые для всех родов войск воинские звания: младшие офицеры — младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант, капитан, старший капитан; старшие офицеры — майор, подполковник, полковник; генералы — генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник, генерал армии, маршал.

Стремясь создать преданный офицерский корпус, афганские правители ввели для него целый ряд материальных преимуществ. Это прежде всего довольно высокие по сравнению с другими категориями государственных служащих денежные оклады офицеров. Дополнительно к денежному содержанию, установленному в соответствии с их воинским званием, офицерам ежемесячно выплачивались разного рода надбавки и льготы. В среднем ежемесячные оклады в конце 60-х — начале 70-х годов составляли: лейтенанта — до 2000 афгани, старшего лейтенанта — до 2500, капитана — до 3000, старшего капитана — до 3500, майора — до 4000; подполковника — до 4500, полковника — до 5500 афгани. Для сравнения укажем, что гражданский чиновник 5-го ранга (в армейских условиях соответствует рангу майора) получал в начале 70-х годов только 2400 афгани в месяц⁸¹.

Кроме того, весь офицерский состав в рабочие дни обеспечивался бесплатным горячим обедом, который обычно организовывался отдельно для младших и для старших офицеров. Во время полевых выездов и учений питание было трехразовым. Нормы питания были значительно выше соответствующих норм сухопутных войск.

По традиции афганские офицеры ежемесячно получали с армейских складов по 3 сира муки по символической цене 1,5 афгани за 1 сир (около 7 кг) и еще 4 сира бесплатно на своего денщика, что в целом являлось существенным подспорьем для их семейного бюджета.

Во всех крупных воинских гарнизонах при офицерских клубах имелись торговые кооперативы, создававшиеся за счет паевых взносов офицеров, где пайщики могли приобретать в определенном количестве в соответствии с выдаваемыми им купонами и по ценам гораздо ниже рыночных различные дефицитные товары иностранного и отечественного производства (обувь, одежду, посуду, ткани и т. п.). Все младшие офицеры обеспечивались военным обмундированием бесплатно, а старшие офицеры и генералы — за определенную плату.

Афганское военное законодательство предусматривало предоставление офицерскому составу ежегодного оплачиваемого 20-дневного отпуска, а также месячного отпуска по болезни и 20-дневного отпуска по семейным обстоятельствам с полным сохранением содержания. В действительности же при монархическом режиме офицеры, как правило, не пользовались очередным отпуском, опасаясь вызвать этим у своего начальства подозрение в отсутствии усердия по службе и тем самым повредить своей карьере. Это опасение было не без причины. Командование армии в условиях постоянного некомплекта офицеров в частях в целом неодобрительно относилось к тем, кто хотел бы воспользоваться правом на получение отпуска.

Офицерский состав афганской королевской армии имел право на получение пенсии по выслуге лет. Пенсионный фонд создавался за счет ежемесячных отчислений из денежного содержания офицеров в период их нахождения на военной службе.

В афганской армии, особенно в штабах, в тыловых частях и подразделениях, лечебных учреждениях и на военных предприятиях, работало значительное количество вольнонаемных, приравненных к какому-либо офицерскому званию, военных чиновников, рабочих и служащих, трудившихся в медицинских учреждениях. Как правило, они оканчивали специальные курсы или получали соответствующее среднее специальное образование. Военные чиновники использовались главным образом в сфере обслуживания и делопроизводства, а так называемые военные рабочие — на военно-производственных и ремонтных предприятиях.

Материальное обеспечение гражданского персонала афганской армии было очень невысоким. Так, в начале 70-х годов месячные оклады вольнонаемных, приравненных к какому-либо офицерскому званию, и военных чиновников составляли 900—1500 афгани, а рабочих — в среднем 500—600 афгани⁸².

Социальный, национальный и религиозный состав армии

В афганских и других иностранных источниках отсутствуют сведения о социальной структуре вооруженных сил Афганистана в период монархического режима. Однако на основе наблюдений и косвенных данных можно утверждать, что ее рядовой состав в классовом отношении представлял собой в целом однородную массу. Подавляющее большинство солдат были выходцами из беднейших слоев крестьянства. Представителей рабочего класса среди солдатских масс ввиду его немногочисленности было крайне мало, да и те в соответствии с принятыми принципами комплектования армии, как и некоторые выходцы из среды ремесленников, имевших определенные технические навыки и знания, направлялись, как правило, в подразделения технического обслуживания и специальных войск (инженерных,

химических, связи, радиотехнических, автомобильных, дорожно-строительных, ремонтных и др.).

Унтер-офицерский состав афганской армии в основной своей массе был представлен выходцами из средних слоев деревни и города: зажиточными крестьянами, мелкими торговцами, низшими прослойками государственных служащих и интеллигенции, ремесленниками, кустарями.

Во второй половине 60-х годов, когда в процессе реорганизации и модернизации армии формировался костяк нового унтер-офицерства, правящие круги активно привлекали в его ряды политически менее грамотную молодежь из провинций⁸³. Следует отметить, что армейские комиссии, выезжавшие ежегодно в различные районы страны, прежде всего в южные и восточные, для набора курсантов в сержантские военные учебные заведения, не испытывали недостатка в желающих. Повышенная тяга последних к военной карьере объяснялась как ограниченными возможностями для учащейся молодежи провинций завершить свое образование ввиду острой нехватки там средних общеобразовательных школ и других учебных заведений, так и, главное, заманчивой перспективой быстро и бесплатно приобрести специальность и обеспечить себе получение довольно высоких окладов по сравнению с другими категориями государственных служащих низшего и среднего звена, бесплатного питания, одежды и, хотя и небольшой, но все же власти, а значит, и почетного места в обществе.

Что касается офицерского корпуса, то его социальные характеристики претерпели значительные изменения в течение каких-то полутора десятилетий, предшествовавших антимонархическому перевороту 1973 г. Эти изменения, являясь одной из самых существенных особенностей развития военной организации Афганистана при монархическом режиме, привели к росту социальной неоднородности офицерского состава страны. В указанное время, наряду с сохранением традиционного представительства состоятельных, элитарных слоев общества на высоких командных постах в вооруженных силах, значительно увеличилось число выходцев из средних слоев, прежде всего из среды мелкой, главным образом торговой, буржуазии, мелкого и среднего чиновничества, интеллигенции. Особенно большой приток разночинцев в ряды офицерского корпуса страны, преобразивших его социальный облик, наблюдался после 1963 г. в связи с активными мерами по осуществлению планов реорганизации и модернизации армии, потребовавших дополнительно нескольких тысяч молодых, грамотных и энергичных офицеров.

Афганская армия, как и сама страна, была многонациональна. При монархии кроме афганцев и таджиков, составлявших ядро вооруженных сил, в армии имелась значительная часть представителей национальных меньшинств: хазарейцев, узбеков, туркмен, чар-аймаков, народов Нуристана, белуджей и др.

В основу кадровой политики в армии монархические круги положили принцип комплектования, как правило, однородных в национальном отношении частей и подразделений вооруженных сил. При этом на долю национальных меньшинств выпадала в основном самая «черная» работа и менее почетная служба. К примеру, хазарейцы из года в год пополняли ряды Трудовой армии, строительных отрядов, подчиненных министерству национальной обороны, частей, занимавшихся ремонтом и обслуживанием, подсобными работами и др. Зато служба в боевых частях пехоты, бронетанковых войск, артиллерии, авиации являлась в основном привилегией афганцев и таджиков. Данный принцип комплектования частей и подразделений не претерпел каких-либо изменений вплоть до Апрельской революции 1978 г.

В соответствии с внутренней политикой монархической верхушки воинские части, дислоцированные в северных и центральных районах с преимущественно неафганским населением, укомплектовывались за счет новобранцев-пуштунов из восточных и юго-западных районов, а в афганских (пуштунских) районах размещались части, в том числе и подразделения Трудовой армии, набранные на севере страны, например в тюркоязычных районах.

Офицерский и унтер-офицерский состав армии формировался в послевоенные десятилетия главным образом из численно преобладавших в стране национальностей — пуштунов, а также таджиков. Вместе с тем монархическое правительство, желая укрепить свое влияние среди национальных меньшинств, привлекало в ряды офицеров и унтер-офицеров определенное количество представителей этих меньшинств, в основном из числа их влиятельной и экономически господствовавшей верхушки. Однако они, как правило, не занимали высокие посты, служили в нестроевых частях и во вспомогательных службах.

Что касается генералитета, то он был представлен в основном пуштунами, реже таджиками и еще реже, скорее как исключение, представителями национальных меньшинств. Типичным примером последних может служить нуристанец генерал-полковник Мухаммад Иса, бывший начальник Кабульского офицерского училища и командир Центрального корпуса, а затем, в конце 60-х годов, генерал-губернатор Пактии и командир Южного (Пактийского) корпуса. Вне всякого сомнения, его армейская карьера и высокий командный пост обеспечены прежде всего тем, что он являлся сыном богатого и знатного вождя одного из племен Нуристана, не раз доказавшего свою лояльность и преданность династии Надира.

По религиозной принадлежности основную массу личного состава вооруженных сил составляли мусульмане-сунниты и лишь немногие были мусульманами-шиитами (хазарейцы и часть таджиков, а также некоторые другие этнические группы) и членами мусульманских сект (исмаилитов, рошанитов и др.).

**Политико-идеологические усилия
монархического режима Афганистана по укреплению армии
в условиях обострения классовых противоречий
и нарастания политической напряженности в стране
(1946—1973)**

В условиях обострения классовых противоречий и нарастания политической борьбы правящие круги и связанная с ними военная элита стали уделять самое пристальное внимание политико-идеологическому и морально-психологическому аспектам подготовки личного состава вооруженных сил. Усилия в этом направлении приобрели особенно активный и целенаправленный характер в первой половине 60-х годов, когда в Афганистане на арене политической борьбы появились демократические течения и группировки, выдвигавшие требования радикальных общественных преобразований. Именно в эти годы был значительно укреплен идеологический аппарат армии, повышена персональная ответственность всех командиров и начальников за воспитание своих подчиненных, введен обязательные для всех категорий военнослужащих курс политических занятий, разработаны и приняты новые программы так называемой моральной подготовки, в которых одно из основных мест заняли темы, призванные нейтрализовать воздействие на личный состав передовых идей и взглядов. Решая все эти вопросы, афганское командование широко использовало опыт иностранных армий, в частности турецкой и американской.

Меры идеологического и морально-психологического воздействия на личный состав преследовали цель создать в лице армии политически надежную военную опору, способную защитить конституционно-монархический строй и господствующее положение эксплуататорских классов. В официальной армейской пропаганде эту функцию армии было принято называть «борьбой против внутренних беспорядков» и относить ее к числу самых важных задач вооруженных сил страны. При этом под «внутренними беспорядками» подразумевались прежде всего выступления трудящихся и демократических сил. Вот что писал по этому поводу в афганском армейском журнале «Да урду маджалла» ответственный чиновник министерства национальной обороны Афганистана полковник Мухаммад Хьяя Ноуруз. «В сегодняшнем беспокойном мире возникают ситуации, когда силы безопасности и полиции оказываются недостаточными для борьбы с недовольными и возбужденными массами. В такие моменты только путем вмешательства сильной и дисциплинированной армии можно будет восстановить нарушенный порядок»⁸⁴.

Цели идеологической и морально-психологической подготовки афганской армии определялись также и необходимостью подавления сопротивления крайне правых консервативных сил, активно выступавших против проводившихся сверху некоторых

преобразований буржуазного характера. Кроме того, в подготовке личного состава вооруженных сил Афганистана никогда не снимался и вопрос воспитания готовности к защите страны от внешней угрозы.

Содержание идеологической обработки личного состава афганской королевской армии полностью определялось ее назначением и классовым составом. В основу этой обработки были положены исламская идеология, идеи монархизма и национализма; воспитание патриотизма в сочетании с пропагандой «особого национального духа афганцев», их обычаев и традиций; пропаганда антикоммунизма, а также извращение целей и сущности советской внешней политики и клевета на советскую действительность.

Главной заботой правящих кругов Афганистана являлись подготовка и воспитание преданных монархии и существующему строю офицеров и унтер-офицеров. И это было не случайно. Ф. Энгельс, характеризуя армии восточных монархий, в свое время писал, что «главной задачей и в то же время главной трудностью является создание корпуса офицеров и унтер-офицеров, обученных по новейшей европейской системе, вполне освободившихся в военных вопросах от старых национальных предрассудков и пережитков и способных вдохнуть жизнь в новые формирования»⁸⁵.

Причины того большого внимания, которое правящая династия проявляла к идеологической обработке офицерского и унтер-офицерского корпуса, состояли не только в том, что от этих двух должностных категорий зависел результат обучения неграмотной, разноплеменной солдатской массы пользованию современным оружием и воспитанию ее в духе безропотного подчинения начальникам, но главным образом в том, что надежность армии как опоры монархического режима в конечном счете определялась именно политической надежностью офицеров и унтер-офицеров. В связи с этим усилия, предпринимавшиеся в афганской армии по предотвращению проникновения революционных идей в среду офицеров и унтер-офицеров и их политическому воспитанию в духе верности и преданности монархии, возводились в ранг «самой большой и священной национальной и государственной задачи»⁸⁶.

Большое значение в идеологической работе среди личного состава афганской армии, особенно ее рядового состава, придавалось религиозной пропаганде. Монархические круги рассматривали ее в качестве основы всей политической работы не только среди населения страны, но и в армии. «В Афганистане,— писал по этому поводу генерал Абдураззак Майванд,— вся пропаганда опирается на религиозные основы»⁸⁷.

Господствовавшие классы Афганистана видели в религии и религиозном фанатизме подавляющего большинства темного и забитого населения страны важнейшее средство укрепления и увековечения существовавших порядков, притупления классово-

го сознания трудящихся масс и отвлечения их от борьбы за лучшее будущее. В условиях обострявшейся внутривнутриполитической борьбы на религию делалась ставка как на самое главное идеологическое оружие, которое, как они считали, могло сохранить и упрочить так называемое «общественное единство» и «взаимную общественную поддержку и солидарность»⁸⁸, а также ослабить остроту социальной критики.

В основе религиозной пропаганды среди населения и армии лежали призывы к смирению и покорности трудящихся своей судьбе и требование терпеливо переносить все лишения и невзгоды.

Мусульманские проповедники и военные пропагандисты стремились представить ислам как «самую прогрессивную религию мира», воплощающую в себе «социальную справедливость» и «равенство всех людей без какой-либо дискриминации»⁸⁹.

Личному составу армии внушалось, что «мусульманская религия составляет основу национальных ценностей и средоточие национальной чести», «важнейшую опору национального достоинства», «предмет украшения человека» и «солдатскую честь»⁹⁰.

В жизни и деятельности армии, пожалуй, не было ни одного вопроса, который не толковался бы с позиций ислама и его истории или не преподносился бы как «священная религиозная обязанность солдата». Здесь были и вопросы защиты национальной независимости, необходимость обеспечения внутренней безопасности и порядка, осуществление программ развития страны, обязанность каждого проходить службу в армии, повиновение начальникам и старшим, терпение и безропотное перенесение тягот и лишений армейской жизни, усердие в учебе, бережное отношение к оружию, и даже занятия спортом. «Мусульманская религия,— писал в одном из номеров журнала „Да урду маджалла“ сотрудник его редакции Шамсуддин Зариф,— признает роль спорта в достижении победы»⁹¹.

В армии, как в устной, так и печатной пропаганде, усиленно культивировался тезис о том, что религиозность является критерием высших качеств и достоинств солдата, сержанта и офицера, главным источником «воли и стойкости воина в бою» и что «солдат, лишенный веры и религиозного духа, не может быть храбрым и мужественным», как не может быть и патриотом, поскольку «любовь к родине тоже проистекает из веры»⁹².

Важнейшую и неотъемлемую часть религиозной пропаганды в армии составляло воспитание духа жертвенности во имя короля и ислама. Личному составу внушали, что смерть за веру и короля представляет «высшее достоинство» и «наследство», завещанное предками, «самое заветное желание и главную моральную опору каждого мусульманина»⁹³. В этих целях широко использовался исламский лозунг джихада (священной войны за веру).

В XIX, а также XX в. лозунг джихада в некоторых странах

мусульманского мира сыграл определенную позитивную роль как средство объединения и сплочения мусульманских народов, боровшихся с колонизаторами. Так неоднократно случалось и в Афганистане в XIX — начале XX в., когда народы этой страны вели борьбу против английских колонизаторов.

Необходимо подчеркнуть, что в 50—60-е годы область применения лозунга джихада не только не сузилась, а, наоборот, расширилась. В условиях афганской действительности того времени он применялся, когда речь шла о защите независимости, религиозных устоев государства, о внутренних социально-экономических и политических проблемах и главным образом тогда, когда следовало оказать противодействие тем силам, которые требовали проведения более глубоких и всесторонних преобразований в Афганистане.

В религиозной пропаганде в армии этот лозунг преподносился как «величайшая и самая священная обязанность, возложенная благородным мусульманским обществом на его солдат и армию»⁹⁴. Афганские военные руководители внушали солдатам и офицерам, что их «основная задача — вести священную войну за веру, против врагов религии и мусульманского государства»⁹⁵.

Сфера религиозной пропаганды среди солдатских масс не ограничивалась только рамками казармы. Ежедневно, посещая мечети вне военных городков, они также подвергались систематическому и целенаправленному идеологическому воздействию со стороны профессиональных служителей культа.

Содержание проповедей, читавшихся в мечетях, выходило далеко за пределы религиозной тематики и касалось многих жгучих вопросов политической и общественной жизни страны. Во время этих проповедей значительная часть мусульманских служителей культа выступала в поддержку политики правящих кругов. Однако среди мусульманских богословов, особенно принадлежавших к их верхушке, была очень сильна группировка крайне реакционно настроенных лиц, которые проповедовали с кафедр мечетей свои взгляды, не совпадавшие с воззрениями официальных кругов. Они выступали в поддержку только тех преобразований, которые не затрагивали их интересов, высказывались против планов создания тяжелой промышленности, изучения вопросов о земельной реформе, организации государственных механизированных ферм и сельскохозяйственных кооперативов; их пугала перспектива увеличения численности пролетариата в Афганистане. В области внешней политики они призывали к отказу от сотрудничества с Советским Союзом и расширению связей с капиталистическими странами, неизменно поддерживали идею создания Исламского пакта.

Таким образом, пропаганда, которая велась в армии, была направлена на то, чтобы воспитать у личного состава чувства фанатизма, преданности монархии, убедить его в том, что ограниченные преобразования и реформы, проводившиеся в стра-

не, не противоречат догмам ислама, прикрыть и оправдать эксплуатацию и классовое неравенство, опорочить идеи социализма и сделать армию послушным орудием для защиты интересов господствовавших эксплуататорских классов.

В идеологической обработке афганской армии в эти годы большое внимание уделялось пропаганде идей монархизма. Среди населения и армии усиленно внедрялся тезис о надклассовости монархии, якобы выражающей интересы всего народа и олицетворяющей единство нации. Это положение было законодательно закреплено в Конституции 1964 г., где указывалось, что «король является защитником основ ислама, хранителем независимости и целостности страны, стражем конституции и средоточием единства Афганистана»⁹⁶.

В условиях растущей политической активности оппозиционных сил господствовавшие классы видели в монархии средство объединения и сплочения общества под своим влиянием, важное препятствие для распространения передовых идей. «Наши враги (прогрессивные политические группировки. — Авт.), — заявлял генерал Абдурраззак Майванд, — хотят посеять семена вражды. Поэтому мы должны... опираясь на учение и милость бога, сплотиться вокруг величайшего национального символа — своего дорогого короля, великого короля, короля-руководителя»⁹⁷.

В афганских воинских уставах, в военной печати и в выступлениях военных руководителей постоянно подчеркивалось требование к солдатам и офицерам «всегда и в любых условиях руководствоваться лозунгом „бог, родина, король“, составлявшим, по определению высшего командования, суть „идеологии страны“»⁹⁸. Это требование лежало в основе военной присяги офицеров.

Специфическим направлением идейного воспитания афганской королевской армии являлась пропаганда национализма, который выдвигался в качестве одной из важнейших идеологических доктрин правительственной пропаганды.

В афганском национализме четко прослеживались его два основных принципа. С одной стороны, будучи составной частью формировавшейся национально-буржуазной идеологии, национализм в конкретных условиях Афганистана тех лет не мог не выражать определенные патриотические устремления, направленные на защиту суверенитета страны от посягательств империалистических сил. В этом плане национализм, с его антиимпериалистической направленностью, играл определенную прогрессивную роль.

С другой стороны, в условиях неуклонно растущих классовых противоречий внутри страны и усиления политической активности трудящихся, правящие круги Афганистана стремились в понятие «национализм» вложить призывы к надклассовому единству народа, «взаимной общественной поддержке» всех социальных слоев и классов, гармонии классовых интересов.

В условиях Афганистана 60-х — начала 70-х годов эти идейные установки приобретали все больший вес в политике господствовавших классов, призванных препятствовать распространению передовых социальных воззрений, сглаживать классовые противоречия и отвлекать народные массы от борьбы за переустройство общества⁹⁹. Эта вторая сторона национализма, выражающая интересы эксплуататорских классов, отчетливо проявлялась в пропаганде в армии.

Военные руководители Афганистана усматривали в национализме «величайшую силу», способную противостоять всем оппозиционным движениям, защитить «национальные ценности» и «социальные устои», «воспитать национальный дух» и «создать единую дисциплинированную нацию»¹⁰⁰. «Национализм,— писал афганский генерал-майор Абдулкадир Халик,— представляет собой великую силу, которая сплавливает в единое национальное целое человека и общество, включая и армию»¹⁰¹. Для этой цели армейские пропагандисты путем идеализации прошлого и настоящего разжигали среди солдат и офицеров национальный эгоизм, внушали им мысль об исключительности национального характера афганцев, пытались доказать неприемлемость для афганского общества социалистических идей, якобы отвергаемых особым врожденным духом афганцев. При этом в годы монархического режима история афганского народа в многочисленных пропагандистских материалах излагалась военному читателю крайне односторонне, без какой-либо связи с событиями в соседних странах, непосредственно определившими результаты национально-освободительной борьбы Афганистана. Более того, многие события афганской истории преподносились в искаженном виде.

Несомненно, Афганистан имеет богатую и героическую военную историю. Народы, населяющие эту страну, проявляли беспредельную стойкость, мужество и самопожертвование в борьбе за свободу и независимость. Этот особый характер народа Афганистана отмечали и Ф. Энгельс¹⁰² и В. И. Ленин¹⁰³. Как известно, борьба афганского народа, как и других народов Востока, за свободу и независимость в новейшее время разрывалась и проходила под благотворным влиянием освободительных идей Великой Октябрьской социалистической революции.

Молодая Советская республика была первым государством мира, официально признавшим независимость Афганистана 27 марта 1919 г. В дальнейшем Советская Россия оказала этой стране всю возможную в тех условиях помощь. Кроме того, победы Красной Армии, одержанные в 1919 г. над английскими интервентами в Средней Азии, вблизи северных границ Афганистана, а также то обстоятельство, что английские империалисты направляли в это время основные силы на борьбу против Советской России, во многом способствовали успеху освободительной борьбы народов Афганистана.

Военные пропагандисты монархического Афганистана предпочитали замалчивать все эти факты¹⁰⁴.

Следует отметить, что содержание афганского национализма в разные периоды претерпевало заметные изменения. В 40-е годы официальная пропаганда усиленно насаждала «идеи панафганизма», отрицавшие многонациональный характер населения страны. Однако в последние перед антимонархическим переворотом 1973 г. десятилетия в связи с социально-экономической и политической эволюцией страны и растущим недовольством неафганских этнических групп шовинистической политикой афганской правящей верхушки в националистической пропаганде все больший акцент стал делаться на подчеркивании единства всех народов, населяющих Афганистан, их религиозной, исторической и культурной общности. Вместе с тем, несмотря на определенную трансформацию националистических концепций, в идеологической обработке армии и в 60-е — начале 70-х годов продолжали широко сохраняться шовинистические установки и аргументы¹⁰⁵, особенно в устной пропаганде, рассчитанной на солдат-пуштунов. Успеху такого рода пропаганды, как об этом говорилось выше, способствовала принятая в Афганистане система комплектования частей и подразделений, особенно боевых, строго по национально-этническому принципу.

В системе идеологической обработки личного состава армии не последнее место отводилось пропаганде обычаев и традиций, воспитанию верности и повиновения королю и старшим, воспитанию любви к военной службе и обожнованию святости военной профессии. Афганские идеологи путем внеклассовой трактовки обычаев и традиций пытались обосновать различные концепции «национального единства», «исключительности национального характера» и «общности духовной жизни всех слоев и классов», якобы испокон веков присущих афганскому обществу, и противопоставить их росту политической активности прогрессивных элементов и усилению недовольства трудящихся масс¹⁰⁶. При этом нередко обычаи и традиции афганцев (пуштунов) выдавались за общие для всего многонационального населения Афганистана, хотя в действительности таковыми они никогда не являлись. Многие обычаи и традиции в той или иной мере связывались с религией и подавались как основа жизнеспособности афганского государства.

Именно с этих позиций обычаи и традиции широко освещались и на страницах военной печати. Один из авторов подобных статей, старший преподаватель Высшего военного училища генерал-майор Амир Мухаммад писал: «Обычаи и традиции для афганского народа подобны воде, которая дает жизнь корням дерева. Они обеспечивают национальное единство и равенство, связывают воедино людей нации и делают ее сильной»¹⁰⁷.

Солдатам и офицерам афганской армии внушалось, что

«одной из древних черт и характерных обычаев афганского народа» является верность и повиновение королю и старшим («бозорган»), во имя которых надлежит совершать подвиги и не жалеть при этом ни крови, ни самой жизни. «Афганцы,— писал Амир Мухаммад,— считают повиновение и уважение к королю и старшим своей национальной и религиозной задачей, и ради этого они никогда не останавливались и не останавливаются ни перед какими жертвами». И далее: «Уважение к старшим по возрасту, званию и положению считается одним из источников силы и могущества афганского народа и в то же время составляет одну из наших религиозных и национальных основ»¹⁰⁸.

В идеологической обработке личного состава афганской королевской армии много внимания уделялось воспитанию любви к военной службе и военной профессии, представляющей, по мнению военных руководителей Афганистана того времени, «врожденное качество» афганского народа. Среди солдат и офицеров усиленно пропагандировался тезис о том, что «воинственный дух и вера... вошли в плоть и кровь народа Афганистана» и что «военная служба — это их дух, вера, чувство и вопрос сознания», «общественная и национальная обязанность и историческая необходимость»¹⁰⁹.

Важное значение придавалось пропаганде «величия и святости военной профессии». Пример и характер широко использовавшейся аргументации по этому вопросу приведен в книжке Абдурраззак Майванда «Пропаганда и деятельность пятой колонны во второй мировой войне...», где он пишет: «Военная служба — самое большое и священное наследие, оставленное нам, мусульманам, пророком, его четырьмя великими сподвижниками (первые четыре халифа — преемники пророка Мухаммада.— Авт.) и другими его последователями. Сам великий пророк, его четыре сподвижника и его другие великие последователи были прежде всего солдатами и командирами и в течение всей жизни несколько раз вели священную войну против врагов ислама... Вот почему сам пророк, его четыре великих сподвижника и его другие последователи уделяли большое внимание этой профессии. Именно по этой причине военная служба, особенно в нашем, афганском, представлении, является самой священной, самой почитаемой и самой благородной из всех профессий»¹¹⁰.

Афганское командование относилось к традиции своей армии также и почитание священного знамени (в афганской армии в каждой воинской части имелись два знамени — знамя части и священное знамя). В пропаганде «великой святости и достоинства» этого знамени подчеркивалось, что оно является «выдающимся символом веры, врученным армии и солдатской чести Афганистана королем», постоянным напоминанием «об обязанностях каждого афганца перед религией, народом и своей исламской родиной», «о войнах, кровопролитных битвах и тыся-

чах павших за веру», а также «источником силы в священной войне за веру»¹¹¹. Все эти моменты нашли отражение в знаках и надписях на полотнище священного знамени (что, кстати, и является исходным материалом для обоснования «святости знамени»).

В последнее перед переворотом 1973 г. десятилетие в связи с осуществлением определенной модернизации государственного строя правящие круги проводили среди населения и армии широкую пропаганду принятых законов, упорно подчеркивая при этом «демократизм» режима, «ценности нового порядка», «социальную справедливость и равенство» и т. п.¹¹². Одновременно с этим под предлогом необходимости «поддержания порядка и спокойствия в стране» они усиленно афишировали и карательный аспект государственного законодательства, стремясь посеять страх перед возможными наказаниями, не допустить классовых выступлений трудящихся и прогрессивных демократических сил, а также реакционной клерикально-феодальной оппозиции и тем самым укрепить свои политические позиции.

В армии особый упор делался на правовую пропаганду и на показ и разъяснение системы мер принуждения, детально разработанной во многих воинских законах, в частности в Положении о воинских наказаниях, Законе о воинской повинности и др. При этом наряду с запугиванием жестокими карами личному составу внушалась мысль о том, что нарушение правопорядка «не свойственно афганцам», а «строгое соблюдение законов — одна из добрых традиций» и «древних черт афганской нации»¹¹³.

В армейском журнале «Да урду маджалла» была постоянная рубрика — «Военное уголовное право», где разъяснялась правовая основа афганского военного законодательства и порядок определения и применения наказаний в отношении нарушителей установленного правопорядка.

Большое место в идеологической обработке солдат и офицеров занимала пропаганда содержания военной присяги. В афганской армии в период монархического режима имелось два текста присяги: один — для офицеров, другой — для солдат и сержантов. Их содержание являлось наглядным примером тех приемов идеологической обработки, к которым господствовавшие классы прибегали, чтобы подготовить в лице армии главное орудие силы государственной власти. Ниже приводятся оба текста указанных присяг.

Так, офицеры, вступая в армию, принимали следующую присягу: «Священным именем всевышнего, пророка и их великого Корана, в которых я верю, клянусь и обязуюсь, что буду в мирное и военное время, на суше, на море и в воздухе, всегда и везде верой и правдой и с любовью служить своему милостивому королю Его Величеству Мухаммад Захир-шаху, правительству и народу, повиноваться законам, порядкам, начальникам и старшим, дорожить воинской честью и достоинст-

вом и священным национальным знаменем Афганистана больше, чем своей жизнью, и в случае необходимости с радостью отдать свою жизнь за родину, короля, народ и во исполнение долга».

Солдатская присяга гласила: «Клянусь своей честью, что буду в мирное и военное время, на море, на суше, в воздухе, всегда и везде верой и правдой служить своему народу, родине и правительству, повиноваться законам, положениям и своим старшим, дорожить воинской честью, славой и достоинством священного знамени Афганистана больше, чем своей жизнью, и в случае необходимости пожертвовать своей жизнью за родину, правительство и во исполнение долга»¹¹⁴.

Наличие двух присяг и различия в их формулировках совершенно не случайны. Они отражали во-первых, разное классовое и функциональное положение этих категорий военнослужащих и, во-вторых, стремление господствовавших классов рассматривать армию (это особенно заметно в тексте солдатской присяги) в качестве надклассовой, надисторической организации, якобы защищающей интересы всего народа.

Чтобы удержать армию в повиновении и не допустить распространения в ней неугодных взглядов и идей, монархические круги стремились в своей пропаганде представить ее в качестве «организации вне политики». В Положении о внутренней службе афганской армии, разработанном еще в 30-е годы при личном участии дяди короля маршала Шах Вали и подписанном королем, прямо утверждалось, что армия стоит вне политики, а ее личному составу запрещается заниматься ею. Это требование нашло дальнейшее развитие и закрепление в Законе о выборах (1965 г.) и в законопроекте о политических партиях (1966 г.).

Эта, по выражению В. И. Ленина, «пошлая, лицемерная, лживая доктрина: „армия должна быть вне политики“»¹¹⁵ была не только декларирована, но и подкреплена в афганском военном законодательстве жесткими карательными мерами против тех, кто допускал политическое инакомыслие и высказывал политические взгляды, не совпадавшие с официальной идеологией. При этом такого рода высказывания и деятельность были отнесены к категории тяжких государственных преступлений. В частности, Положение о воинских наказаниях предусматривало смертную казнь для тех, кто «будет вести такую пропаганду, которая нанесет вред внутренней и внешней политике государства, нарушит общее спокойствие и скомпрометирует оборонительную и наступательную мощь войск в глазах противника»¹¹⁶.

Готовя армию морально и политически для борьбы против трудящихся и демократического движения, высокопоставленные военные деятели Афганистана стремились навязать личному составу, прежде всего офицерам и унтер-офицерам, представление об армии как о некоей «нейтральной» силе, стоящей «над»

обществом» и призванной в кризисных внутривнутриполитических ситуациях брать на себя руководство страной. Упомянутый ранее полковник Мухаммад Яхья Ноуруз следующим образом разъяснял эту задачу вооруженных сил: «В периоды политических кризисов и неустойчивости армия как в развитых, так и в развивающихся странах является единственной силой, которая может создать нейтральное и сильное правительство по крайней мере на период до окончания кризиса и восстановления нормальной политической жизни»¹¹⁷.

Двор и реакционная армейская верхушка, ослепленные классовой ненавистью к коммунизму и под влиянием империалистической пропаганды, постоянно прибегали к грубому извращению коммунистической идеологии, клевете и злым выдумкам по поводу советской внешней политики и советской действительности. Эти моменты стали неотъемлемой частью идеологической обработки личного состава вооруженных сил, призванной опорочить коммунизм и его идеи, вызвать у афганских военнослужащих недоверие и подозрительность к советским людям, Советскому правительству и его внешней политике, а также навязать им упрощенное объяснение всех проявлений классовой борьбы и деятельности политических группировок внутри страны лишь как результат «подстрекательства извне», как следствие «внешней подрывной коммунистической пропаганды». При этом афганскую реакцию совершенно не смущали добрососедские отношения между нашими странами, эффективные советско-афганского экономического сотрудничества и многочисленные примеры бескорыстного содействия Советского Союза и других стран социализма решению насущных экономических проблем и упрочению национальной независимости афганского государства.

Следует заметить, что афганская действительность периода монархии убедительно свидетельствовала о том, что антикоммунизм в нашу эпоху стал основным орудием реакции в борьбе против демократических сил в странах Востока¹¹⁸.

В авангарде антикоммунистических сил в Афганистане шли в рассматриваемый период двор и помещичье-буржуазные круги, а также реакционная часть мусульманских богословов, которые имели в армии немало сторонников и приверженцев. Антисоветские идеи усиленно навязывались афганским военнослужащим и бывшим начальникам Главного штаба Гуламом Фаруком в его книге «История войны»¹¹⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что, когда афганские военные пропагандисты прибегали к явной клевете и выдумке, они использовали спасительные выражения — «как говорят», «как сообщают», видимо, рассчитывая этим снять с себя формальную ответственность за злые измышления. Так, например, Абдураззак Майванд скрывал ту неопровержимую истину, что идеи коммунизма не нуждаются в насильственном экспорте и что согласно коммунистической идеологии выбор то-

го или иного общественного строя является внутренним делом каждого народа¹²⁰.

Господствовавшие классы Афганистана, не желая сказать правду о действительных причинах обострившейся классовой борьбы в антагонистическом обществе, запугивали массы, в том числе солдат и унтер-офицеров, выдумками о Советском Союзе. Так, например, поступал в своей книге Абдурраззак Майванд¹²¹.

Такого рода домыслы то в открытой, то в завуалированной форме постоянно печатались на страницах афганских военных журналов. Реакционную сущность подобных приемов буржуазной пропаганды в свое время разоблачил В. И. Ленин. Он говорил, что буржуазии «без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками»¹²².

Афганские военные пропагандисты преподносили солдатам, унтер-офицерам и офицерам ложь о жизни советских людей и внутреннем положении в СССР и других странах социализма, используя при этом язык и стиль самых худших времен «холодной войны»¹²³.

Вместе с тем в афганской пропаганде в армии в 50-е — начале 70-х годов, как правило, замалчивалось значение бескорыстной экономической, политической и моральной помощи СССР и других стран социалистического содружества развивающимся странам, в том числе и Афганистану, последовательной борьбы Советского Союза по разоблачению и срыву происков агрессивных империалистических сил против дела мира, свободы и независимости государств. Более того, наряду с распространением антисоветских и антикоммунистических выдумок и клеветнических измышлений афганские военные деятели подобоострастно воздавали хвалу западной, прежде всего американской, пропаганде.

Большое место в идеологической обработке личного состава афганской королевской армии занимала фальсификация внешнеполитической позиции Советского Союза в предвоенный период, извращение причин второй мировой войны, реабилитация фашистской Германии как агрессора, принижение решающей роли нашей страны в разгроме фашистской Германии и империалистической Японии, а также извращение причин их поражения.

В пропаганде, предназначенной для афганских офицеров, извращались истинные причины второй мировой войны и попутно делалась попытка реабилитировать одного из ее виновников — германский империализм¹²⁴.

Военные пропагандисты Афганистана умалчивали о том, что причины второй мировой войны крылись в агрессивной природе современного капитализма, в его стремлении путем

войны разрешить империалистические противоречия за счет передела рынков сбыта, источников сырья и сферы приложения капитала и таким образом обеспечить себе прибыли и сверхприбыли, в его борьбе за мировое господство и в попытках ликвидировать социализм на планете.

Небезынтересно отметить, что высшие военные круги Афганистана до революции любили, когда речь заходила о вопросах международной политики, всячески подчеркивать свою нейтральность в суждениях и оценках.

В частности, Гулам Фарук в книге «История войны» писал, что он «оценивает исторические события второй мировой войны с позиций беспристрастности»¹²⁵. Однако при внимательном рассмотрении всего преподносимого в этой книге, как, впрочем, и в других официозных военно-исторических публикациях периода монархии, выясняется, что его «нейтральность и беспристрастность» крайне односторонни, а подход к оценке многих вопросов войны — тенденциозен.

Описание событий на советско-германском фронте, к примеру, дается более чем схематично и мимоходом, собственно всего лишь на 12 страницах, да и то ограничивается начальным периодом войны, когда Советская Армия вынуждена была отступать и вести тяжелые оборонительные бои. Важнейшие операции Советской Армии, показавшие всему миру превосходство советского военного искусства и высокие боевые и морально-политические качества советского солдата, в этой книге вообще не упоминаются: нет ни слова о битве под Курском, оказавшей решающее влияние на ход Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом, о наступательных операциях Советской Армии в 1944 г. и битве за Берлин. А Московской и Сталинградской битвам отведено всего несколько ничтожных строк. Что касается разгрома Советскими Вооруженными Силами миллионной Квантунской армии в Маньчжурии, то в «Истории войны» Гулама Фарука, по которой в афганских военных учебных заведениях готовились кадры офицеров, об этом нет ни одной строчки.

Зато с мельчайшими подробностями до отдельных дней боев показываются военные события на Западном, Северо-Африканском и Тихоокеанском театрах военных действий, которым отведено 30 страниц. Кроме того, детально рассматривается подготовка к открытию второго фронта. Много места посвящено описанию гитлеровской оккупации Франции (26 с.), захвату о. Крит (5 с.) и так называемой Балканской кампании гитлеровцев (10 с.), а также последним дням Гитлера и его «политическому завещанию» (5 с.). При этом полным молчанием обходится вероломство фашистской Германии и ее деятелей, их преступления перед человечеством. Более того, афганские генералы называли Гитлера в своих сочинениях «великим вождем национальной Германии» и «великим самоотверженным человеком»¹²⁶.

Таким образом, афганские военные деятели в своей пропаганде среди личного состава армии, прикрываясь маской «нейтральности», умалчивали о том, что вторая мировая война была подготовлена мировым империализмом и развязана его ударным отрядом — немецким фашизмом. В то же время они «забывали» о своей «нейтральности» и «беспристрастности», когда речь заходила о Советском Союзе, и повторяли клевету и фальсификации западных буржуазных авторов, призванные опорочить внешнеполитическую деятельность СССР, извратить вопреки документам и фактам историческую действительность и возложить ответственность за возникновение войны на нашу страну.

Афганские военные круги, идя на поводу у буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны, принижали решающую роль и значение Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Генерал Абдурраззак Майванд не оставлял в этом вопросе никаких сомнений. Он безапелляционно объявлял «советской пропагандой» вывод о том, что «только Советская Армия своими силами нанесла в этой войне уничтожающие удары по врагу»¹²⁷.

Сильному искажению подвергались и выводы о причинах поражения фашистской Германии и империалистической Японии во второй мировой войне¹²⁸.

Утверждалось, что причинами поражения гитлеровской Германии были «роковые случайности», вроде суровой русской зимы¹²⁹.

При рассмотрении вопроса о влиянии политических идей на моральный дух войск, исходя из опыта второй мировой войны, афганская военная пропаганда бездоказательно проводила параллели и ставила знак равенства между человеконенавистническими идеями и социальной демагогией гитлеровцев и духом пресловутых камикадзе, с одной стороны, и коммунистическими идеями советских людей — с другой.

Усилия афганских военных пропагандистов в период монархии были направлены не только на извращение исторических событий и фактов. Хорошо понимая, что правда неизбежно дойдет до афганских офицеров и унтер-офицеров, они попутно пытались навязать последним и свою методику оценок неугодных идей и взглядов, заключавшуюся в огульном отрицании или извращении их под вывеской «советской пропаганды», которая, мол, преследует цель «умалить силу Англии и Америки и убедить народы в мощи и величии России», а также обеспечить себе «успех в войне идей и завоевании плацдарма»¹³⁰.

Афганские военные деятели, широко пользуясь при подготовке пропагандистских материалов западными буржуазными, прежде всего американскими, источниками, привносили в интерпретацию и оценку актуальных международных событий и борьбы двух мировых систем идеологические концепции империалистических кругов и их антисоветизм. Прежде всего это

находило выражение в оправдании агрессивной политики империализма¹³¹.

Оценки и трактовки вопросов международной политики, широко заимствованные из западных буржуазных источников и призванные обелить агрессивный курс американского империализма, приводились в годы монархии на страницах афганской военной прессы постоянно.

Заключая рассмотрение вопроса об антисоветской, антикоммунистической пропаганде в афганской королевской армии, следует отметить, что она была направлена на то, чтобы привить солдатам и офицерам подозрительность и вражду к Советскому Союзу и другим странам социализма, подорвать и скомпрометировать традиционную советско-афганскую дружбу, а также не допустить проникновения в армию передовых идей и взглядов. С этой целью бывшие монархические круги, как показывают приведенные выше примеры, прибегали к сокрытию правды и клевете в отношении мира социализма, фальсифицировали исторические факты и события, извращали суть коммунистической идеологии и целей советской внешней политики, а также предпринимали попытки оправдать агрессивную политику международного империализма¹³².

Важное место в содержании идеологической обработки афганской королевской армии, особенно ее офицеров, отводилось геополитике. Военные круги всецело взяли на свое идейное вооружение эту буржуазную теорию и на основе ее положений трактовали многие вопросы войны и современной международной политики. При этом в своей пропаганде они широко пользовались ссылками на высказывания таких геополитиков, как К. Маккиндер и Сликмен, или на заявления руководителя гитлеровского института геополитики К. Хаусхофера¹³³.

На основе геополитических теорий афганские военные деятели старались, например, пояснить причины возникновения войны. Не утруждая себя глубоким анализом такого сложного явления общественной жизни, каким является война, они слепо следовали выводам и трактовкам военных идеологов Запада. Особым вниманием они удостаивали фашистских теоретиков, приводя из их «трудов» обширные извлечения, оправдывавшие гитлеровскую агрессию так называемым «правом на жизненное пространство». Такой подход к объяснению причин войн был особенно свойствен печатным изданиям бывшего начальника Главного штаба афганской армии Гулама Фарука¹³⁴.

Отрицая классовые причины возникновения войн, афганские военные пропагандисты пытались вместе с тем внушить солдатам и офицерам, что соблюдение принципов геополитики является де основным средством сохранения мира. «Мир, который не опирается на геополитику,—утверждал Гулам Фарук,—может быть длительным»¹³⁵.

Афганская военная пресса в период монархии часто печатала переводы статей из иностранных буржуазных источников,

посвященные обоснованию и пропаганде геополитических теорий. Эти статьи никак не комментировались, что дает основание рассматривать их как изложение взглядов, полностью совпадавших с официальной точкой зрения. В подобных статьях приводились и злостные измышления по адресу СССР и его политики.

Вместе с тем в идеологической подготовке афганской армии всегда присутствовала пропаганда антиколониализма, имевшая в основном антианглийскую направленность. Она особенно усиливалась в дни праздника независимости, который отмечается в Афганистане ежегодно в августе. Основное внимание в ней уделялось показу героических примеров освободительной борьбы афганского народа против британских колонизаторов, а также их ответственности за отсталость Афганистана.

Но антиамериканская пропаганда в афганской королевской армии не велась. Наоборот, влиятельные военные деятели страны, как говорилось выше, рассматривая мировые события и политику американского империализма с позиций буржуазного объективизма и через призму геополитических теорий, немало усилий тратили на то, чтобы представить США в качестве страны, «вынужденной защищаться от коммунизма», который-де является «самым опасным врагом процветания американского образа жизни»¹³⁶. Следует подчеркнуть, что идеи и лозунги антиимпериализма вообще крайне редко фигурировали в официальной пропаганде на армию. А когда они и выдвигались, то носили декларативный, безадресный характер.

Монархическая верхушка Афганистана и связанная с ней военная элита наряду с идеологической обработкой армии обращали внимание на работу среди гражданского населения, особенно среди молодежи, интеллигенции и социальных низов города и деревни. Делая при этом упор на пропаганду религиозных догм и идей национализма, они стремились сохранить свое влияние на народные массы, не допустить осознания ими своих классовых интересов, а также подготовить себе на случай возникновения каких-либо внутренних и внешних конфликтов прочный тыл и надежный резерв для пополнения армии. В связи с этим Абдурраззак Майванд, выражая взгляды господствовавших классов, рекомендовал путем пропаганды глубоко «проникнуть в душу и сердце деревенских жителей и рабочих», так как, по его мнению, «эти два класса, кроме того что они составляют основу национального сопротивления, являются в то же время и первым объектом внимания вредных движений»¹³⁷.

Однако, несмотря на все усилия в идеологической области, командование и пропагандистский аппарат афганской королевской армии признавали, что у них нет такой идеологии, которую можно было бы с успехом противопоставить появившимся в обществе передовым, последовательно демократическим идеям и взглядам. Файз Мухаммад Атефи, главный редактор армейского журнала «Да урду маджалла», с огорчением писал,

что «основная причина неуспеха отсталых стран, в том числе и Афганистана... состоит в том, что у их народов не было крепкой жизненной политической идеологии». Исходя из своей посылки о том, что в современном мире «в самых трудных экономических и общественных условиях могут выстоять только те народы, которые имеют твердое убеждение и политическую веру», он настоятельно советовал «вызвать к жизни на основе научной логики новые политические и идеологические устремления»¹³⁸.

Однако это «новое» мыслилось им лишь как приспособление старых идейных концепций к потребностям капиталистической эволюции страны. Не имея возможности выйти в своих политических взглядах за рамки буржуазной идеологии и существовавших устоев, он, как и многие другие афганские пропагандисты, предлагал, чтобы «новая идеология и великие политические устремления» обязательно вытекали «из истории, традиций, религии и национальной принадлежности народа» и соответствовали «условиям эпохи и современным научным (буржуазным.— *Авт.*) основам»¹³⁹.

Идеологическая обработка рядового состава афганской королевской армии была более примитивной, нежели обработка офицеров. Это вызывалось тем, что солдатские массы, связанные с наиболее отсталыми слоями крестьянства, в большинстве своем неграмотные, еще не были готовы к пониманию многих теоретических положений формировавшейся в Афганистане национально-буржуазной идеологии. Поэтому их обработка сводилась в основном к воспитанию религиозного фанатизма, преданности монархии, почитания начальников и старших, слепой верности обычаям и традициям, запугиванию, муштре и разжиганию националистических предрассудков.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что правящая династия и военная верхушка, стремясь во что бы то ни стало удержать армию в подчинении, по мере активизации политической борьбы внутри страны и проникновения передовых идей в армейскую среду, особенно в ряды офицеров, старались усилить идеологическое и морально-психологическое воздействие на личный состав вооруженных сил.

Готовя армию к использованию в своих политических целях, двор и высшее армейское руководство большое значение придавали мерам по укреплению воинской дисциплины.

В практической деятельности командных кадров по укреплению дисциплины главный упор делался не на воспитание у личного состава мотивированного поведения, а на механическую муштру, направленную на выработку желаемых навыков и привычек слепого послушания, исполнительности, почитания старших и раболепия перед ними. При этом большое внимание обращалось на внешнюю, показную сторону дисциплинированности. Нельзя не заметить, что такая система насаждения дисциплины, будучи, собственно, безрезультатной, одновре-

менно воспитывала у солдат афганской королевской армии такие отрицательные качества, как безынициативность, отсутствие самостоятельности и творческого подхода к выполнению своих служебных обязанностей, страх перед начальством.

Афганское командование в своих усилиях по укреплению дисциплины в армии решающую роль отводило мерам принуждения. «Не нужно забывать,— заявлял Гулам Фарук,— что наказание в предотвращении нежелательных проступков более эффективно, чем поощрение».

Система репрессивных мер и дисциплинарные права командиров и начальников были подробно изложены в Положении о воинских наказаниях, введенном в действие в конце сентября 1947 г. взамен принятого еще при эмире Аманулле-хане устава о воинских наказаниях, а также в Приложении № 6 к Положению о всеобщей воинской повинности и частично в Положении о прохождении военной службы¹⁴⁰. В них за дисциплинарные проступки предусматривались для всех категорий военнослужащих следующие наказания: выговор, лишение денежного содержания от 1 до 30 дней, простой и строгий аресты на срок от 24 часов до 60 дней, а для рядового состава, кроме того, за дезертирство или самовольную отлучку в мирное время — увеличение срока действительной службы до 90 дней.

Меры наказания по делам, которые квалифицировались как преступление, определялись военным судом. Судебные органы в своей практике наряду со светским законодательством руководствовались и законами шариата, в частности, при рассмотрении преступлений, влекущих за собой кровную месть или плату за кровь («хун»), дел о прелюбодеянии, употреблении спиртных напитков, попыток ревизии ислама и т. д. В ряде случаев допускалось предание военнослужащих гражданскому суду.

Личный состав армии в судебном порядке за мелкие преступления мог быть подвергнут тюремному заключению на срок от 61 дня до 3 лет или отстранен от действительной службы, а за тяжкие преступления — лишению свободы на срок от 3 лет до пожизненного тюремного заключения, изгнанию из армии или смертной казни.

В 1964 г. парламент Афганистана принял, а король утвердил Приложение № 6 к Положению о всеобщей воинской повинности, установившее новый вид наказания — принудительные работы сроком до 2 лет в отношении рядовых солдат, совершивших самовольную отлучку из части, и военнообязанных, уклонившихся от призыва на военную службу.

В афганской королевской армии в качестве карательной меры против нарушителей установленного правопорядка, главным образом против офицеров, использовалось несколько видов демобилизации, таких, как изгнание из армии; отстранение от военной службы в связи с осуждением на срок более одного

года; отчисление из военных учебных заведений; увольнение в запас или отставку по приговору суда; увольнение в связи с пребыванием в одном звании в течение 10 лет, а также в связи с отрицательной аттестацией, данной трижды и тремя инстанциями.

Изгнание из армии и отстранение от военной службы влекли за собой лишение права на пользование воинским званием, знаками различия, военной формой одежды, всеми наградами и привилегиями, при соответствующем возрасте — зачисление в запас рядового состава, лишение прав на службу в армии и других государственных учреждениях, лишение права быть избранным как в государственные, так и общественные органы и общества, лишение права на пенсию, лишение права быть членом официальной делегации, журналистом, посредником и третейским судьей.

Афганское военное законодательство, действовавшее при монархии, предусматривало пожизненное заключение и смертную казнь не только в военное, но и в мирное время. Особо суровые наказания были установлены за государственные преступления, нарушение воинского долга, бунт, мятеж, нападение на часового, оскорбление старших и сопротивление им.

Некоторые статьи Положения о воинских наказаниях были явно направлены против тех офицеров, которые хотели бы прибегнуть к военной силе для изменения существовавших порядков. Ст. 134 гласила, что, «если кто-либо без приказа и законной причины возьмет на себя командование частью (подразделением) или не сдаст командную должность после приказа вышестоящей инстанции об отстранении от этой должности», для него военным судом определялась высшая мера наказания — смертная казнь.

Строгость наказания, установленная королевским военным законодательством, в ряде случаев совершенно не соответствовала тяжести проступка. Например, изгнание из армии, одно из самых суровых наказаний, предусматривалось и за мелкие проступки.

Обращает на себя внимание и то, что некоторые статьи военных законов содержали нарочито неопределенные формулировки, дававшие возможности для толкования их вкрявь и вкось при использовании против неугодных лиц. Иллюстрацией тому может служить пространная ст. 224 Положения о воинских наказаниях, гласившая, что «если военнослужащий при выполнении своих служебных обязанностей проявит беспечность и нерадивость, или не проявит усердия и старания при выполнении приказов своих начальников, или если офицер, забывая о воинской чести и достоинстве, будет ходить в расстегнутом мундире или шинели, с расстегнутым воротником, в неряшливом виде, или если будут замечены недостойные поступки военнослужащего, или если офицер окажется не в состоя-

нии управлять своими подчиненными, то старшие начальники в зависимости от их власти могут наложить на этих лиц арест от 1 суток до 2 месяцев. Если офицер в течение года получит три таких легких наказания и не исправится, то его дело передается в военный суд, который определяет для него изгнание из армии».

Классовое назначение подобного карательного права совершенно очевидно: внушить военнотружущим страх перед репрессиями за нарушение установленного правопорядка, обеспечить с помощью репрессивных мер покорность и лояльность режиму и дать в руки командования основание для чистки армии, особенно офицерских кадров, от негодных элементов.

Монархия и верные ей военные круги принимали самые строгие меры против тех, кто начинал заниматься политикой, проявлять интерес к идеям, не соответствовавшим официальной идеологии, и высказывать мысль о преимуществах социализма.

Следует отметить, что увольнение офицеров из рядов афганской королевской армии и даже изгнание по причине неблагонадежности были довольно частым явлением.

В вооруженных силах Афганистана в рассматриваемый период широко применялось рукоприкладство, избивание подчиненных и унижение их человеческого достоинства, хотя формально Положением о воинских наказаниях, принятом в 1947 г., были запрещены телесные наказания и, более того, установлено наказание (от 2 месяцев до 1 года тюремного заключения) для тех офицеров, которые отдадут приказ об избивании подчиненного или избьют его. Избиениям подвергались не только солдаты и унтер-офицеры, но и офицеры. Тон в этом задавали высшие армейские чины.

Монархические круги Афганистана располагали в армии определенным аппаратом идеологической и морально-психологической обработки личного состава. Кроме чисто идеологических средств воздействия в афганской армии находили широкое применение и полицейско-административные меры, ограничивавшие права солдат, унтер-офицеров и офицеров и предусматривавшие строгие наказания, особенно за политическую неблагонадежность.

Влияние идеологической и морально-психологической обработки на личный состав.

Факторы, подрывавшие надежность армии как опоры монархического режима

В результате проводившейся в условиях монархии идеологической обработки, мер морально-психологического и дисциплинарного воздействия сложились определенные черты морального облика личного состава вооруженных сил королевского Афганистана, для которого были характерны религиозность,

приверженность к обветшалым обычаям и традициям, националистическим и шовинистическим предрассудкам. До 60-х годов господствовавшей верхушке удавалось поддерживать среди значительной части афганских военнослужащих поклонение и верность монарху, а также представление о его прогрессивности. Кроме того, с помощью системы воспитания и муштры среди солдатских масс сохранялись и закреплялись крайне низкий уровень политического и классового сознания, невежество, суеверия, забитость и страх перед начальством.

Все это, вместе взятое, позволило правящим кругам до поры до времени держать армию в повиновении, обеспечивать с ее помощью свое господство и подавлять любые проявления классового и национального недовольства и межплеменные конфликты в стране. Примерами этого может служить использование армии в апреле — мае 1957 г. для подавления волнений крестьян в Гератской провинции, в октябре 1965 г. — для разгона студенческих демонстраций в Кабуле, в 1968—1969 гг. — для умиротворения племен мангал и джаджи, в 1969 г. — для разгона похода из северных районов страны в Кабул безработных, требовавших работы, хлеба и крова, а в 1970 г. — для локализации и ликвидации антиправительственных выступлений мулл в столице, Джелалабаде, Мазари-Шарифе и других городах страны. Не проходила бесследно и антикоммунистическая пропаганда. Среди определенной части личного состава армии усилиями ее военного руководства создавалось и поддерживалось искаженное представление о мире социализма, сущности и характере противоборства двух мировых социальных систем и мировых революционных процессов, коммунистической идеологии, а также деятельности радикально настроенных оппозиционных элементов внутри страны. Этому в определенной степени способствовали и политическая незрелость подавляющей массы личного состава армии, и ограничение доступа правдивой информации по указанным выше вопросам. Антикоммунистические взгляды, порой самого примитивного содержания, можно было обнаружить не только среди отсталых солдатских масс, но и среди части офицерства, незнакомого с советской действительностью и слепо верившего в рассказы недругов социализма.

Следует, однако, подчеркнуть, что такой моральный дух личного состава, базировавшийся больше на чувствах, чем на сознании, и лишенный возвышенных целей и идей, не мог быть длительным и устойчивым в условиях нарастания социальных противоречий в афганском обществе и использования армии для антинародных внутривнутриполитических акций. По мере обострения политической борьбы и втягивания в нее все более широких масс, по мере того как господствовавшие классы Афганистана все чаще прибегали к помощи армии, полиции и жандармерии в борьбе против своего народа, происходил процесс прозрения афганских военнослужащих, особенно офице-

ров-разночинцев, а следовательно, и ослабления воздействия на них правительственных идеологических программ.

Оценивая в целом усилия афганской монархической верхушки и ее военного командования по воспитанию морально-политической готовности армии к выполнению ее главной внутриполитической функции — защиты монархии и подавления демократического движения в стране, безусловно, необходимо признать, что эти усилия, несмотря на их наращивание, становились, особенно начиная с середины 60-х годов, все менее результативными и не могли приостановить процесс политизации армии и уменьшения степени ее надежности как опоры существовавшего режима. В основе этого процесса лежал целый ряд внутренних и внешних факторов.

Это прежде всего было связано с усилением социальных и политических противоречий в Афганистане и ростом оппозиционного демократического движения в стране. В армии эти явления находили выражение как во взаимоотношениях между солдатами и офицерами, низшими и высшими звеньями офицерского корпуса, между офицерами, принадлежавшими к одной и той же ранговой категории, но отличавшимися друг от друга по своему социальному положению, так и в стремлении наиболее активной части офицерства определить свое место в разветвлявшейся в обществе политической борьбе.

Солдатские массы афганской королевской армии всегда были отделены от офицеров сословными перегородками. Но если в 40—50-х годах солдаты слепо почитали своих санбов и боялись их, то начиная с 60-х годов у известной части солдат, особенно связанных с наиболее развитыми слоями города, появилась неприязнь к офицерам как представителям чуждого им социального элемента, открытое неуважительное отношение к командирам и начальникам и неповиновение их приказам.

Отрицательное воздействие на моральный дух рядового состава армии оказывали пороки политической и экономической системы Афганистана: неразрешенность самой насущной для многомиллионного крестьянства страны проблемы — аграрного вопроса; тяжелое материальное положение солдатских семей и родственников, страдавших от нищеты, голода, болезней и ростовщической кабалы; беззаконие и произвол чиновничьего аппарата в центре и на местах; разного рода денежные и натуральные поборы, взимаемые местной администрацией и родоплеменной верхушкой; политическое бесправие широких народных масс, отчетливо наблюдавшееся на фоне декларируемых в Конституции 1964 г. прав и свобод; физическое насилие над солдатами и унижение их человеческого достоинства; незаконное лишение их установленных норм питания, вещевого и денежного довольствия; вымогательство начальников и т. п.

В такой обстановке рядовой состав армии, лишенный моральных и материальных стимулов, не питал интереса к военной службе, проявлял безразличие к выполнению своих обя-

занностей и действовал в основном только по окрику и из-под палки.

Социальные барьеры разделяли и офицерство страны. Под воздействием усиливавшейся в афганском обществе напряженности в социальных отношениях и обострившейся политической борьбы часть молодых офицеров, прежде всего те, кто происходил из средних слоев и составлял низшее звено командных кадров, начинала все отчетливее осознавать противоположность своих интересов классовым интересам верхов и на этой основе определять свое негативное отношение к монархическому режиму, высшему армейскому командованию и к исполнению обязанностей по службе. Во второй половине 60-х — начале 70-х годов эта часть офицеров стала не только подвергать сомнению справедливость существовавших порядков, но и подчас резко критиковать тезис официальной пропаганды о «необходимости верности армии монарху». В качестве аргумента против этого тезиса они выдвигали положение о том, что главное назначение армии — «служить не отдельным личностям, а народу и родине».

Огромная заслуга в политизации армии, в превращении ее из оплота монархии в активную силу революционного движения в стране принадлежит Народно-демократической партии Афганистана. По ее инициативе начиная с середины 60-х годов были приняты меры к созданию в армии широкой и гибкой нелегальной организации и к развертыванию среди личного состава революционно-демократической пропаганды, что в конце концов привело к существенному изменению сил в армейских кругах, прежде всего среди офицерства и унтер-офицерства, в пользу антимонархической оппозиции.

Молодежь Афганистана, подлежавшая призыву в армию в качестве рядовых, в целом отрицательно относилась к военной службе. В связи с этим в стране получили широкое распространение уклонение от службы, подкупы должностных лиц, введенных призывом, симуляция негодности к службе, членовредительство и дезертирство. Именно это и заставило правящие круги ввести в середине 60-х годов строгие меры наказания для лиц, уклонявшихся от выполнения воинской повинности.

Политико-моральное состояние офицерского корпуса Афганистана серьезно подрывала принятая в условиях монархии кадровая политика. В ее основе лежали фаворитизм, касто-вость в формировании руководящего ядра армии и предпочтительное выдвижение на ключевые посты в центральном аппарате министерства национальной обороны и в войсках представителей высшей бюрократии, крупных помещиков и торговцев, знати племен. В этих условиях офицеры — выходцы из незнатных слоев были практически лишены возможности занять какое-либо высокое положение в армии, соответствующее их способностям, служебному опыту и знаниям.

Особой дискриминации в вопросах продвижения по службе

подвергались те офицеры, которые получили образование в советских военных учебных заведениях. Двор и правительство, явно питая политическое недоверие к этой группе офицеров, предпочитали держать их на низших командных, штабных, инженерно-технических и других должностях. Зато быструю армейскую карьеру делали те, кто проходил подготовку в Турции, США, Франции, Англии и обладал связями в кругах господствовавшей элиты, хотя их профессиональный уровень был, как правило, гораздо ниже выпускников советских военных учебных заведений.

Все это заставляло офицеров-разночинцев, особенно молодых, задумываться над причинами бесперспективности своей карьеры и все больше культивировать в своей среде настроения недовольства режимом.

Хотя денежное содержание офицерского состава, как уже отмечалось, было более высоким по сравнению с другими государственными служащими и офицеры пользовались некоторыми материальными льготами и привилегиями, однако все это в 60-е и в начале 70-х годов являлось недостаточным для удовлетворения повседневных нужд офицерских, как правило, многодетных семей в условиях постоянно растущих цен на продукты питания и предметы первой необходимости, невероятно высоких цен на лекарства и медицинское обслуживание, большой квартирной платы, которая даже в домах военного ведомства составляла не менее 15% окладов офицеров, а также живучести старых обычаев и традиций, связанных с рождением ребенка, свадьбой, смертью родственников, приемом гостей и т. д. Соблюдение такого рода обычаев и традиций требовало огромных расходов и нередко заставляло офицеров влезать в тяжелую долговую зависимость от ростовщиков. Это относилось прежде всего к офицерам — выходцам из средних слоев, не имевших ни свободных капиталов, ни больших доходов от торговли, земли или сдачи в аренду домов. В таком же тяжелом положении находились и унтер-офицеры.

Материальные затруднения порождали среди основной массы офицеров и унтер-офицеров настроения неудовлетворенности и недовольства существовавшим положением, а вся система общественных отношений, основанных на частной собственности, толкала многих из них на всевозможные злоупотребления служебным положением, хищения и разбазаривание казенного имущества, взяточничество, вымогательство и т. п. Правящие круги страны, стремясь ослабить это недовольство, в 60-е и в начале 70-х годов несколько раз прибегали к увеличению денежного содержания офицерского и унтер-офицерского состава. Однако это не внесло каких-либо существенных изменений в условия жизни упомянутых категорий военнослужащих.

Некоторая часть офицеров, главным образом из числа старших, получивших образование на базе старой военной техники и старых, так называемых турецких взглядов боевого при-

менения различных родов войск, считала, что Афганистану не нужна современная, хорошо вооруженная армия, так как основное назначение армии — обеспечивать спокойствие в стране, усмирять враждующие племена и защищать существующий строй, а для этого совершенно не нужны ни дорогостоящие реактивные самолеты, ни ракеты, ни радары. Для решения внутриполитических проблем, по их мнению, Афганистану вполне достаточно иметь лишь несколько мобильных, легковооруженных частей и сильных формирований полиции и жандармерии, способных подавлять «бунтарей» и усмирять беспокойные племена.

Что касается внешнеполитического назначения армии, то они считали, что афганские вооруженные силы не в состоянии противостоять своим более сильным соседям — Ирану и Пакистану, и в вопросе защиты независимости Афганистан должен всецело полагаться на иностранную политическую и военную помощь (имелась в виду помощь стран буржуазного Запада).

Такие настроения и взгляды разлагающе действовали на определенную часть офицеров и унтер-офицеров, снижали их активность и заинтересованность в обучении и воспитании личного состава и в то же время представляли собой завуалированную форму отрицания необходимости получения советской военной и военно-технической помощи.

Факторами, снижавшими уровень политико-морального состояния личного состава афганской королевской армии, были также национальные противоречия и религиозные трения.

Вопреки официальной пропаганде о единстве и общности политических судеб различных этнических групп населения Афганистана и об их якобы равенстве перед законом, в условиях афганской королевской армии, как и в обществе вообще, существовали и активно проявлялись глубокие национальные противоречия. В основе их лежали дискриминационная национальная политика правящих кругов и неравноправное общественное и экономическое положение различных национальных групп населения страны.

В армии это положение проявлялось, как указывалось выше, в назначении на высшие должности в основном пуштунов и таджиков, в использовании офицеров — выходцев из национальных меньшинств главным образом на нестроевой службе (интендантской, технической, ремонтной, транспортной и др.), в строгом соблюдении национального принципа комплектования войсковых формирований офицерским и рядовым составом: боевых частей — преимущественно из числа пуштунов (и таджиков), а вспомогательных — из представителей нацменьшинств, в материальном принуждении офицеров и военных чиновников изучать язык пушту (с офицеров и военных чиновников, не знавших пушту, ежемесячно удерживалось 50 афгани) и т. п.

В Афганистане, где подавляющее большинство населения исповедует ислам ханифитского толка суннитского направле-

ния (не менее 85%), открыто проявлялась религиозная неприязнь и нетерпимость суннитов по отношению к представителям другого направления в исламе — шиитам, а также к исмаилитам и другим сектантам. На этой почве в стране и в армии среди верующих нередко происходили столкновения и распри.

Афганское офицерство и унтер-офицерство всегда волновала пуштунская проблема. Борьба за ее решение приобрела, как известно, особенно активный и острый характер в 1953—1963 гг., во время пребывания у власти в качестве премьер-министра Мухаммада Дауда. Именно в эти годы среди значительной части офицерского состава, прежде всего пуштунского происхождения, глубоко укоренились взгляды, кстати разделявшиеся и некоторыми видными деятелями страны, о необходимости активного разрешения указанной проблемы.

Однако после 1963 г. пуштунская проблема практически отошла на второй план в политике афганских правительств, что вызвало недовольство в армейских кругах страны. Это недовольство особенно усилилось в конце 1971 г. в период острого политического кризиса в Пакистане, образования независимой Народной Республики Бангладеш и вооруженного конфликта между Пакистаном и Индией. Дело было в том, что националистически настроенные офицеры считали обстановку, сложившуюся в упомянутое время в регионе, весьма благоприятной для решения пуштунской проблемы, и надеялись на соответствующие действия властей. Однако власти ничего не предприняли, что было расценено указанными офицерами как предательство интересов афганской нации и в конечном счете привело к укреплению в их среде антидинастийных настроений.

Огромное воздействие на умы передовой части афганского офицерства и унтер-офицерства оказывали идеи социализма, успехи социалистических стран в решении социально-экономических, политических, национальных и других проблем развития, а также коренное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма. Многие военнослужащие в результате знакомства с социалистической действительностью и прогрессивной литературой убедились в лживости официальных политико-идеологических доктрин, насаждавшихся в армии, и перестали верить правительственному пропагандистскому аппарату. Такие радикально настроенные офицеры и унтер-офицеры стали источниками правдивой информации о мире социализма и активными проводниками революционно-демократических идей в армии.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что монархические круги Афганистана смогли в первые послевоенные десятилетия поддерживать в армии дух повиновения и покорности. Правящая верхушка создала в лице высших и части старших офицеров верную опору. Однако ей все же не удалось обеспечить необходимую устойчивость морального духа армии. В условиях афганской действительности действовал ряд на-

званных выше факторов, которые существенно подрывали политико-моральное состояние вооруженных сил страны и делали их все менее надежными для защиты существовавшего режима.

Идейно-политические концепции, вытекавшие из интересов господствовавших в стране классов, в последнее перед антимонархическим государственным переворотом 1973 г. десятилетие переживали глубокий кризис и вызвали все большее недовольство в армейских кругах и прежде всего среди молодого мелкобуржуазного офицерства. Идеологическая обстановка в афганской армии, как и в стране в целом, характеризовалась прогрессирующим усилением антимонархических настроений и взглядов, в том числе социалистического и антикапиталистического содержания.

**Политические взгляды и течения
в армейской среде Афганистана в 60-е
и в начале 70-х годов. Государственный
антимонархический переворот 17 июля 1973 г.
и его последствия**

Капиталистические преобразования в Афганистане, обострение социальных противоречий и идейно-политическая борьба в обществе оказывали определенное влияние и на армейские круги, вовлекали их в политику, как бы этому ни препятствовали господствовавшие в стране классы. Неизбежность и историческую обусловленность этих социальных и политических связей между обществом и армией отмечал Ф. Энгельс еще в 1891 г. в «Приветствии французским рабочим по случаю 20-й годовщины Парижской Коммуны». Он писал, «что теперь, когда каждый здоровый мужчина проходит через ряды армии, эта армия начинает все больше и больше отражать настроения и мысли народа»¹⁴¹. Это же подчеркивал В. И. Ленин, указывая, что «войска неизбежно втягиваются в политическую жизнь»¹⁴².

Применительно к Афганистану 60-х — начала 70-х годов степень влияния общенациональных социально-экономических и политических процессов, а также позитивных перемен в мире на различные категории военнослужащих афганской королевской армии была далеко не одинаковой. Так, солдаты, особенно те, которые являлись выходцами из среды политически неразвитого, неграмотного, забитого и отягощенного предрассудками крестьянства, в своем подавляющем большинстве все еще находились во власти традиционных институтов и господствовавшей в стране идеологии и не были готовы к восприятию демократических идей. Они пассивно взирали на разворачивавшуюся в обществе политическую борьбу, хотя иногда и выражали недовольство по поводу несправедливостей и тягот жизни.

Но если рядовой состав в период монархии был в целом

еще политически несознательным, то этого нельзя было сказать об унтер-офицерах, хотя и в их среде прочно сохранялись взгляды и настроения отсталой части мелкобуржуазных слоев, выходцами из которых они являлись,— приверженность традиционному образу жизни, религии и частной собственности, стремление сделать карьеру и выбиться «в люди», индивидуализм, раболепие перед верхами и пренебрежение к низам.

Вместе с тем определенная часть унтер-офицеров в процессе длительного общения с радикально настроенными офицерами неуклонно эволюционизировала в своих политических взглядах, переходя от стихийного недовольства своим социальным положением к критике общественных пороков и государственной администрации, а затем и к осознанию необходимости активной политической борьбы с целью переустройства общества. Этой эволюции взглядов унтер-офицерского состава во многом благоприятствовали его длительное пребывание на военной службе, большая концентрация в частях и подразделениях, связи с политически активными средними слоями, боровшимися за армию, а также известный уровень грамотности, позволявший ему понять и усвоить национально-демократические концепции.

В условиях афганской королевской армии особенно быстро революционизировалось многочисленное по своему составу унтер-офицерство технических частей (танковых, авиационных, инженерных, связи и т. п.), расположенных в большинстве своем в столице и ее окрестностях.

Однако самым знаменательным явлением в жизни афганской армии 60-х годов было, безусловно, политическое расслоение ее офицерства. Офицерский корпус Афганистана, который еще в 50-х годах в целом покорно следовал за правящими кругами и в основном разделял их идеологические концепции, в условиях прогрессирующей активности городских средних слоев и под воздействием ряда других внутренних и внешних факторов, стал быстро втягиваться в водоворот политической борьбы. Уже к середине 60-х годов в его среде отчетливо определились следующие основные течения и группировки: приверженцы монархического строя; последователи крайне правых клерикальных кругов; сторонники так называемой прогрессивной демократии и, наконец, группировка радикально настроенных офицеров, ориентировавшаяся на некапиталистический путь развития Афганистана и разделявшая социалистические идеи.

В число преверженцев монархии входили главным образом генералы, старшие и частично младшие офицеры, представлявшие двор и знать племен, крупных помещиков и буржуазию, в основном торговую. Эта группа генералов и офицеров являлась активным проводником монархических взглядов в армии и сторонником экономических преобразований и модернизации государственного строя в рамках парламентарной монархии.

Вместе с тем следует отметить, что приверженцы монархии

не представляли собой некое единое, сплоченное целое. Среди них примерно в первой половине 50-х годов появились по крайней мере две влиятельные фракции (два крыла), разрыв между которыми все больше углублялся по мере нарастания кризиса режима.

Лидером и кумиром первого крыла являлся двоюродный брат короля Мухаммад Дауд. Хотя он с марта 1963 г. и был отстранен от политической деятельности, однако его влияние и авторитет в армии, особенно среди его почитателей, продолжали сохраняться. Любопытно, что его портреты по-прежнему висели во многих частях, штабах и военно-учебных заведениях.

Особенно много сторонников Мухаммад Дауд приобрел в армии в 1953—1963 гг., когда он был премьер-министром и министром национальной обороны. В эти годы в связи с широким привлечением армии для строительства различных государственных объектов — дорог, аэродромов, промышленных предприятий, ирригационных сооружений и т. п., он приблизил к себе многих деятельных офицеров, выдвигая их на ключевые посты в вооруженных силах. Некоторые из этих офицеров получили по его протекции звания старших офицеров и генералов.

Сторонники Мухаммада Дауда связывали с ним новый этап развития Афганистана, характеризовавшийся, как уже говорилось, мерами по преодолению экономической отсталости страны, ликвидации некоторых патриархально-феодалных пережитков, упрочению суверенного внешнеполитического курса.

Это крыло, оставаясь в целом на антиимпериалистических позициях, ориентировалось на получение экономической, финансовой и военно-технической помощи социалистических стран, усматривая в ней гарантию национальной независимости и залог успеха в осуществлении экономических преобразований.

Выступая за сохранение монархии, эти офицеры вместе с тем ратовали за расширение представительства национальной буржуазии в управлении государством. Среди них имелись и лица, считавшие уже во второй половине 60-х годов, что настало время оставить за монархией только формальные представительские функции, а управление страной полностью передать представительным органам.

Следует заметить, что Мухаммад Дауд и его сторонники даже в начале 60-х годов не ставили вопрос о ликвидации монархии. Так, по данным афганской военной печати, М. Дауд в последние годы пребывания на посту премьера в своих предложениях по поводу основ новой конституции выступал за сохранение монархического режима, предусматривая лишь отделение правительства от династии и ограничение прерогатив короля¹⁴³. Переход М. Дауда и его сторонников из лагеря приверженцев монархии в лагерь ее противников, что сильно ослабило промонархические силы в стране, произошел уже после его отстранения от власти в 1963 г.

Второе крыло монархистов, тесно связанное с родо-племен-

ной верхушкой, влиятельными мусульманскими богословами и крупными помещиками, группировалось вокруг дяди короля маршала Шах Вали¹⁴⁴. Активными членами этого крыла являлись сын Шах Вали — генерал Абдул Вали, бывший командующий ВВС и ПВО генерал-полковник Абдурраззак, генерал-полковник Абдурраззак Майванд, генерал Мухаммад Асеф, полковник авиации Шах Вали и др. Все они являлись крупными собственниками земли и домов, сдававшихся в аренду богатым иностранцам, и держателями акций национальных компаний. В частности, маршал Шах Вали был крупным помещиком, владевшим плодородными землями в районе Чар-Асиаб и в других местах.

Для этого крыла были свойственны крайний пуштунский национализм и стремление во что бы то ни стало сохранить привилегии господствовавшей верхушки и все prerogatives монархии, сохранить и усилить влияние религии и богословов на все стороны жизни страны и населения, расширить экономические и политические связи с империалистическими государствам, установить широкое сотрудничество по военной линии со странами Запада и ограничить таковое с СССР и другими странами социализма. В 60-е годы сторонники маршала Шах Вали активно выступали за так называемое сбалансирование отношений с Западом и Востоком путем получения Афганистаном военной помощи из двух источников (СССР и США). Офицеры, входившие в это крыло, проявляли враждебность по отношению к СССР и явные симпатии к США и другим капиталистическим государствам. Проамериканские настроения были особенно характерны для тех офицеров, которые окончили военные учебные заведения в США или являлись выходцами из среды торговой буржуазии, связанной с американскими фирмами.

Довольно значительными по численности среди офицерского корпуса Афганистана, прежде всего его генералитета, были последователи крайне правых консервативных кругов. По многим вопросам они смыкались со сторонниками маршала Шах Вали. Для них была характерна ультрареакционность в подходе к решению внутренних социальных проблем, стремление к международной изоляции, панисламизм и крайняя враждебность к прогрессивным идеям и движениям.

Однако эта группировка офицеров не была единой. Она распадалась на ряд замкнутых, изолированных, а порой и враждебных друг другу групп. В частности, офицеры — выходцы из района Кабула и его окрестностей чтили известных религиозных лидеров из семьи Моджаддади; выходцы из Панджшера и Тагав — видного исламского деятеля Фахр уль-Ма-шайех Ахунд-заде Тагави; из Герата — богословов из клана Кяхрих; из Логарской провинции — Ахад-заде Саиб Муса Логари; из провинции Пактия — Сейида Моктада Саиба и т. д.

Третье течение — сторонники так называемой прогрессивной демократии (иногда это течение называли «Мусавват») — в ар-

мни было немногочисленным. Объединяя в своих рядах офицеров и генералов, связанных с растущей национальной буржуазией, высшими прослойками интеллигенции и чиновничества, оно выступало за проведение в стране буржуазно-демократических преобразований в духе «мусульманского социализма» при сохранении конституционно-монархической формы правления. Решение внутренних проблем деятели данного течения связывали с получением широкой помощи от стран буржуазного Запада. В своих публичных выступлениях и программных лозунгах они часто использовали социалистическую фразеологию, что привлекало на их сторону часть политически активных слоев интеллигенции и студенческой молодежи.

Все указанные выше течения в офицерской среде Афганистана не были организационно оформлены, если не считать руководящего ядра сторонников Мухаммада Дауда, сложившегося в середине 60-х годов.

Совершенно иной характер имела группировка офицеров — сторонников прогрессивных, демократических идей. Эта четвертая группировка среди офицерского корпуса страны объединяла в своих рядах главным образом молодых офицеров (происходивших из среды мелкой буржуазии города и деревни, низших и средних прослоек национальной интеллигенции и чиновничества), тесно связанных с образованными и наиболее политически активными кругами общества. Эти офицеры, постоянно контактируя с солдатами, хорошо знали о положении, настроениях, нуждах и чаяниях народных масс.

Рассматриваемая группировка выступала за глубокие социально-экономические и политические преобразования в Афганистане. В международном плане ее сторонники были непримиримыми противниками империализма и поборниками тесного и всестороннего сотрудничества со странами социализма.

В среде этой части афганского офицерства резко осуждению подвергались пороки существовавшего строя, высказывались взгляды о несоответствии монархической формы правления последовательно демократическим преобразованиям в стране и отрицалась культивировавшаяся официальной пропагандой концепция о значимости монарха как «отца нации», «символа единства» и «выразителя прогресса и демократии».

Молодые прогрессивно настроенные офицеры проявляли большой интерес к изучению идей научного социализма. Они стремились приобрести необходимую литературу, вступали в контакты с революционно-демократическими элементами страны и входили в организованные последними нелегальные кружки, где вели горячие дискуссии по вопросам марксистско-ленинской теории, о внутреннем положении и будущем своей страны. Большое воздействие на формирование политических взглядов этой части офицеров оказывало также их пребывание на учебе за границей, прежде всего в социалистических странах.

Идеи «беспокойной молодежи», тяготевшей к социализму,

приносили в офицерскую среду и выпускники Кабульского университета и других высших учебных заведений страны, которые в соответствии с Законом о всеобщей воинской повинности проходили военное обучение в школе офицеров запаса, а затем стажировались в войсках.

Прямым следствием политизации молодых офицеров-разночинцев афганской армии явилось создание 17 сентября 1964 г. нелегальной Армейской революционной организации (АРО). В принятых этой организацией документах — программе и уставе АРО — были даны оценка международной и внутривнутриполитической обстановки, анализ расстановки классовых и политических сил в стране, обоснована необходимость создания революционной организации, а также изложены цели, задачи и организационные принципы построения АРО.

Для свержения экономического и политического гнета реакции программа АРО предусматривала всестороннюю подготовку вооруженного восстания с участием рабочих, крестьян, передовой гражданской и военной интеллигенции, ремесленников, мелкой национальной буржуазии. При этом решающая роль в победе революционных сил отводилась армии. В качестве ближайшей цели на первом этапе революции выдвигалась задача создания правительства народной демократии, которое повело бы страну по пути некапиталистического развития, а в качестве конечной цели — построение социалистического общества.

Чтобы превратить афганскую королевскую армию «из оплота врагов народа и реакции в движущую силу революции», программа АРО намечала: централизацию всей революционной марксистско-ленинской деятельности в армии путем создания нелегальной широкой и гибкой организации; пропаганду марксистско-ленинской теории среди военнослужащих; развертывание революционно-демократической пропаганды в армии, и прежде всего среди офицеров и унтер-офицеров, поскольку они «находятся в рядах армии достаточно долго и могут считаться ее активной силой»; противодействие идеологическим усилиям правительства, направленным на превращение армии в оплот реакции; приобретение и совершенствование навыков подпольной работы; поддержание контактов с различными прогрессивными движениями в Афганистане и за его пределами и др.¹⁴⁵

Армейская революционная организация, по замыслу ее создателей, изложенному в уставе АРО, должна была быть не чем иным, как армейской партийной организацией, «авангардом революционеров в армии». Членство в АРО обуславливалось согласием с программой и уставом, активной работой в одном из органов АРО, беспрекословным подчинением организации, верностью интересам Афганистана, уплатой вступительных и членских взносов.

Устав АРО определял также условия приема в ряды этой организации, требования к личным качествам вступающего, права и обязанности членов АРО.

В основу построения АРО были положены принципы демократического централизма. Низшее звено АРО составляли ячейки, объединявшие, как правило, трех человек. В целях конспирации и сохранения организации члены ячеек, за исключением ее секретаря, не имели связей с вышестоящим звеном АРО.

Программа АРО сыграла определенную роль в политизации армии и усилении антимонархических настроений. Следует отметить, что АРО была первой левой организацией, созданной в армии в середине 60-х годов. После образования Народно-демократической партии Афганистана члены АРО вошли в ее состав.

Организационное оформление рядов радикально настроенных офицеров, их искреннее стремление осмыслить и решить вопросы будущего своей родины с прогрессивно-патриотических позиций, а также установление ими связей с левой оппозицией в стране, вне сомнения свидетельствовали о неизбежности в ближайшем будущем выхода армии на арену активной политической борьбы и одновременно о шаткости и обреченности господствовавшего режима.

Подчеркивая позитивное в движении указанных офицеров, вместе с тем нельзя не видеть и того, что оно зачастую носило политически незрелый характер. В этом движении, к сожалению, было много непоследовательности. Большой вред формированию глубоких, последовательно марксистских взглядов у этой части афганских военнослужащих наносили экстремистские элементы, толкавшие национально-прогрессивные силы на пагубный путь.

Определенным показателем недостаточной идейной зрелости афганских офицеров явилось и содержание программы АРО. В ней имелись некоторые установки, проистекавшие из неумения применить общетеоретические положения к конкретно-историческим условиям страны.

Мы не располагаем сведениями о характере деятельности АРО по реализации задач, намеченных в ее программе. Однако на основе косвенных данных можно утверждать, что к началу 70-х годов прогрессивно настроенные офицеры посредством революционно-демократической пропаганды среди личного состава, в первую очередь среди офицеров и унтер-офицеров, сумели превратить ряд подразделений в танковых бригадах, полку связи, авиационных и некоторых других частях в свою надежную ударную силу.

Следует подчеркнуть, что рассмотренные выше течения и группировки, существовавшие в армейской среде Афганистана до июльских событий 1973 г., охватывали, однако, далеко не весь офицерский состав. К ним не примыкала значительная часть офицеров, которых условно можно назвать «нейтралами». Это были в основном старшие и младшие офицеры, выходцы из мелкобуржуазных слоев. Для данной группы офицеров были характерны аполитичность, беспринципность, боязнь скомпроме-

тировать себя связями с неблагонадежными, карьеристские побуждения, злоупотребления служебным положением. Не питая особых симпатий к монархическому режиму, они смотрели на службу лишь как на источник существования для них, как правило, больших семей. Отличительной чертой поведения этих офицеров являлось то, что они в случае возникновения «взрывных» ситуаций в армии и стране, руководствуясь исключительно личными интересами, могли встать на сторону любой из противоборствующих группировок, а точнее, на сторону той из них, у которой, как им кажется, больше шансов на успех.

Таким образом, весь ход общественно-политического развития Афганистана и связанные с этим развитием процессы в армейской среде делали неизбежным выступление армии как наиболее организованной силы.

К началу 70-х годов в Афганистане в условиях дальнейшего обострения кризиса центральной власти, господствовавшие круги уже не могли с уверенностью положиться на все войско для защиты монархического режима. Офицерский корпус, бывший прежде надежной опорой династии, оказался политически расколотым. При этом наиболее сплоченной и определяющей по своему влиянию в армии, главным образом в ее низших звеньях, являлась группировка радикально настроенных офицеров и унтер-офицеров. Примечательно, что эта группировка не была замкнутой, изолированной от общества, так сказать, чисто армейской организацией. Она не только питалась идеями национально-демократических общественных движений, но и организационно входила в действовавшие на полулегальном положении фракции Народно-демократической партии Афганистана — «Парчам» и «Хальк» и направлялась ими.

Однако оппозиционные монархии армейские группировки, если рассматривать каждую из них в отдельности, были не настолько сильными, особенно вне столицы, чтобы быть в состоянии самостоятельно противостоять консервативным силам в стране и армии как в ходе, так и, главное, после захвата власти. Например, группа М. Дауда, в организационное ядро которой входили начальник автобронетанкового управления генерал Абдул Карим Мустагни, отставной полковник Гулам Хайдар Расули, его двоюродный брат преподаватель тактики бронетанковых войск на курсах «А» майор Мухаммад Сарвар и некоторые другие офицеры сухопутных войск и ВВС, хотя и обладала обширными связями в верхах, войск в своих руках фактически не имела.

В свою очередь, левые офицеры контролировавшие часть войск, прежде всего в столице и ее окрестностях, не имели в своих рядах признанного в общенациональном масштабе лидера, который был бы способен не только взять на себя руководство выступлением, но и своим авторитетом нейтрализовать после захвата власти консервативные силы в стране и армии. Роль лидера левых сил не могла еще в то время выполнить и

недавно созданная Народно-демократическая партия Афганистана.

Таким лидером в конкретной политической обстановке тех лет стал Мухаммад Дауд. Это был опытный политик, закрепивший за собой среди широкой общественности страны еще в 50-х годах репутацию сторонника преобразований в социально-экономической и политической сферах, имевший приверженцев в кругах либеральных помещиков, национальной крупной и средней буржуазии, влиятельных мусульманских богословов и высшей бюрократии, пользовавшийся авторитетом среди афганских племен. Будучи связанным родственными узами с династией, он обладал еще и способностью уже одним этим парализовать в известной мере волю монархистов к сопротивлению в защиту прежнего режима. Имея в виду эти качества М. Дауда, левые офицеры в начале 70-х годов пошли на установление контактов с его сторонниками, не без оснований надеясь с его помощью обеспечить успешное свержение монархии.

Подготовка государственного переворота силами левых офицеров и сторонников М. Дауда происходила в глубокой тайне. Однако первая, неудачная попытка его совершения, предпринятая весной 1973 г., раскрыла существование подпольной антимонархической оппозиции в армии. Над участниками неудавшегося выступления нависла угроза физического уничтожения. Это заставило военную оппозицию форсировать подготовку и осуществление переворота.

В середине лета 1973 г. для реализации этого плана сложились исключительно благоприятные условия: недовольство политикой монархического режима приняло массовый характер; король выехал за границу на лечение, что облегчало борьбу за власть и в то же время снимало такую щекотливую для М. Дауда проблему, как определение судьбы монарха, своего двоюродного брата, после его низложения; войскам в связи с выходом на полевые учения с боевой стрельбой были выданы боеприпасы и горючее для машин; и, наконец, офицеры — участники переворота под предлогом выезда на учения получили возможность осуществлять передвижения войск в соответствии с планом переворота, не боясь навлечь на себя подозрение.

Оценивая соотношение сил, сложившееся в армии накануне государственного переворота, следует подчеркнуть, что монархия все еще располагала большими возможностями для защиты существовавших устоев. Ее наиболее воинственные представители, в частности зять короля генерал Абдул Вали, чувствуя приближение взрыва в армии, готовились с помощью верных им армейских и жандармских формирований совершить превентивный верхушечный переворот, установить в стране режим военной диктатуры, физически расправиться с гражданской и военной оппозицией и таким образом спасти монархический строй. Однако антимонархические силы, опередив защитников монар-

хин на несколько дней в выступлении, захватили инициативу в свои руки и обеспечили этим свой успех.

Государственный переворот начался в ночь с 16 на 17 июля 1973 г. захватом королевского двора и взятием под стражу членов королевской семьи. Одновременно с этим были перерезаны все каналы связи, соединявшие членов правительства и высшее военное командование с воинскими частями, полицией и жандармерией, арестованы видные гражданские и военные деятели, заняты правительственные учреждения и важные государственные объекты (почта, телефон, телеграф, банк, аэродром), перекрыты все дороги, ведущие в столицу, блокированы части и штаб Центрального корпуса, которые могли быть использованы в интересах защиты прежнего режима. Самое активное участие в осуществлении переворота приняли офицеры и унтер-офицеры 4 и 15-й танковых бригад, батальона «коммандос», полка связи, а также отдельные подразделения королевской гвардии.

Утром, после того как успех государственного переворота стал несомненным, по кабульскому радио выступил Мухаммад Дауд и объявил о ликвидации монархического режима и об установлении в стране республиканского строя.

Почувствовав перевес чаши весов в пользу нового режима, на его сторону перешли и офицеры-«нейтралы». К исходу дня в поддержку переворота высказались также и отдаленные гарнизоны. Правда, здесь, как и в столице, не обошлось без арестов и изоляции наиболее рьяных монархистов. Следует отметить, что в ходе осуществления переворота приверженцы династии неоднократно пытались остановить выступление радикально настроенного офицерства или даже поднять находившиеся под их командованием части для подавления восставших. Такие попытки предпринимали, например, командир батальона «коммандос», начальник штаба королевской гвардии, командир 8-й пехотной дивизии, командир Центрального корпуса генерал Абдул Вали и др. В целом тщательно подготовленный и умело осуществленный переворот прошел почти бескровно: по официальным данным, в ходе переворота погибло 8 человек, из них 4 полицейских и 4 военнослужащих¹⁴⁶.

Сразу же после переворота был создан высший руководящий орган страны — Центральный комитет Республики Афганистан, в который наряду с доверенными лицами М. Дауда вошли и представители молодого офицерства, придерживавшиеся леворадикальной ориентации, — капитаны Файз Мухаммад, Пача Гуль и Абдул Хамид.

Итак, свержение монархического режима в Афганистане в июле 1973 г. не было случайностью или делом рук группы заговорщиков. Оно явилось закономерным следствием социально-экономического и политического развития страны и тех качественных изменений, которые произошли в 60-х — начале 70-х годов в ее армейских кругах.

Июльскими событиями афганская армия впервые открыто вмешалась в общественно-политическую борьбу на стороне левых и демократических сил. При этом решающую роль в подготовке и осуществлении антимонархического выступления армии сыграли офицеры и унтер-офицеры — члены и сторонники НДПА. Войдя в центральные республиканские органы власти, левые офицеры вместе с представителями прогрессивных сил получили возможность оказывать влияние на формирование программных установок нового режима.

Государственный переворот 1973 г. привнес в движение прогрессивно настроенных офицеров ряд совершенно новых моментов. Он обогатил их бесценным опытом политической борьбы, позволил им на практике осознать силу и возможность армии как орудия насилия против своих классово-политических противников и, как ничто другое раньше, способствовал быстрой поляризации сил, дальнейшему размежеванию в армейской среде. Однако, пожалуй, самым примечательным явилось то, что афганская армия, выступив как революционно-демократическая сила и отдав М. Дауду и его группировке ключевые посты в высших органах власти, не намерена была ни в коей мере допускать правого перерождения режима. Левые офицеры, не строя особых иллюзий относительно радикализма М. Дауда, отягощенного родственными связями с низложенной династией и принадлежностью к помещичье-буржуазной верхушке, не исключали того, что группировка М. Дауда может оказаться неспособной реализовать первоначальные обязательства, изложенные в программных заявлениях от 17 июля и 23 августа 1973 г. В этих условиях, как они считали, левые силы будут поставлены перед проблемой отстранения М. Дауда и его сторонников от власти с помощью войск, находившихся под контролем революционных элементов.

Глава V

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ АФГАНИСТАНА В 1973—1977 гг.

После государственного переворота 1973 г. республиканское правительство объявило о намерении осуществить «коренные преобразования в экономической, социальной и политической жизни общества». Программные лозунги нового режима, на выдвижение которых большое воздействие оказали прогрессивно настроенные элементы, в том числе и представители левых сил, включали дальнейшее укрепление вооруженных сил страны с целью обеспечения защиты независимости, территориальной целостности и национального суверенитета страны; чистку и реорганизацию государственного аппарата; ликвидацию всех форм дискриминации; индустриализацию страны; проведение аграрной реформы «в интересах большинства народа»; установление государственного контроля над внешней торговлей, повышение жизненного уровня народа и т. д.¹

Поставленные в повестку дня задачи укрепления республиканской власти и социально-экономического освобождения страны потребовали выработки такой идеологии, которая отразила бы изменения, происшедшие в политической структуре общества, способствовала бы объединению всех слоев и классов вокруг правительственных программ и не в последнюю очередь обеспечила бы поддержку режиму со стороны армии. Исходя именно из этих потребностей, глава государства М. Дауд, выступая в марте 1975 г. перед жителями г. Кандагар, заявил, что «Афганистан больше всего и прежде всего нуждается в единстве мысли и действий»². С тех пор этот тезис стал ведущим на страницах правительственных органов печати, в том числе и армейских, а в 1977 г. был включен в конституцию страны в качестве основной цели афганского государства.

В годы, последовавшие за государственным переворотом, даудовская верхушка выдвинула в идеологической области задачу создания так называемой народной и национальной теории революции. Структура этой «теории» не была строго очерчена. Однако, судя по публичным выступлениям официальных лиц того времени, можно сделать некоторые выводы относительно ее основных направлений применительно к проводившейся в 1973 — начале 1978 г. идеологической работе в армии.

В качестве одной из главных частей упомянутой «теории» был сохранен национализм. М. Дауд в том же выступлении в Кандагаре подчеркивал, что «существующий строй Афганистана опирается и будет опираться на национальную основу и национализм»³. Исходя из этой официальной установки, армейские пропагандистские органы, как и при монархии, выдвинули на первый план идеи исторической пуштунской исключительности, явно отдавая приоритет афганцам (пуштунам) перед другими этническими группами страны. При этом в пропагандистских материалах «укрепление и развитие духовных основ афганства» трактовалось ими как «основная задача» идеологической работы в армии⁴.

Основополагающей частью официальной идеологии по-прежнему оставался ислам. Все документы и декларации, выступления государственных деятелей страны и пропагандистские материалы, предназначавшиеся для широких масс, несли в себе значительный заряд исламских догм. Более того, неизменно делалась попытка обосновать новые реальности страны ссылками на традиции ислама⁵. В армии с целью усиления воздействия религиозной пропаганды на личный состав было развернуто строительство новых и реконструкция старых мечетей, при инспектировании войск обязательно проверялось соблюдение военнослужащими религиозных обрядов. С этой же целью высшие армейские чины во время поездок по частям посещали войсковые мечети и принимали участие в коллективных молитвах⁶.

Заметное место в морально-политической обработке афганских военнослужащих отводилось воспитанию верности и преданности даудовскому режиму. В армейской прессе и в устной пропаганде постоянно подчеркивались заслуги М. Дауда как «основателя и руководителя республики».

Указанные выше направления идеологической обработки армии были рельефно отражены в содержании военной присяги, принятой 26 июля 1973 г. Текст ее гласил: «Клянусь великим богом и чистотой благородного Корана, что буду преданным исламской Республике Афганистан и не пожалею своей жизни для защиты и сохранения национальной чести и территориальной целостности родины, служения армии и ее знамени под руководством главы Республики»⁷.

Как известно, бывшая монархическая верхушка всячески стремилась представить армию в качестве «организации вне политики» и таким образом не допустить распространения в ней неугодных взглядов и идей. После того как в июле 1973 г. армия открыто вышла на арену политической борьбы, ей, и прежде всего ее офицерству, стала отводиться роль важной национальной политической силы. М. Дауд, подчеркивая это обстоятельство в своем выступлении на торжествах по поводу выпуска офицеров Кабульского высшего военного училища в декабре 1974 г., указывал, что «народ и республиканское правительство рассматривают их (офицеров.— Авт.) не только как

защитников независимости и национального суверенитета, но и ожидают, что они вместе с другими своими братьями станут участниками, авангардом и примером в духовном и материальном развитии и возвышении страны»⁸. Однако примерно с 1976 г. этот аспект начал все реже и реже ставиться в правительственной пропаганде на армию, что вызывало в политически активных левых армейских кругах недовольство режимом М. Дауда.

Непосредственное участие леворадикальных элементов в подготовке и осуществлении государственного переворота 1973 г., а затем их вхождение в центральные и местные органы власти нашли свое выражение в том, что в язык официальных документов и пропаганды вошли такие понятия, как «социализм», «социальная справедливость», «уничтожение эксплуатации во всех ее видах и формах», «равенство», «братство», «гарантирование права на труд» и др.

Следует отметить, что от социализма даудовское руководство брало только его экономический аспект. Наиболее отчетливо свое понимание социализма М. Дауд выразил в интервью корреспонденту агентства Танюг в феврале 1976 г. «Социализм, который мы избрали в качестве нашей экономической основы нового афганского общества,— говорил М. Дауд,— фактически является средством достижения социальной справедливости, ликвидации классового неравенства и антагонизма позитивным, прогрессивным и мирным путем. Необходимо пояснить, что составными частями нашего социализма являются историческая реальность, национальная культура, объективные и субъективные условия существования нашего общества, а также дух подлинного ислама»⁹.

Социалистическая терминология в устах М. Дауда и его сторонников была не более чем уступкой левым силам, рассчитанной на то, чтобы укрепить политическую власть буржуазии и тех прослоек помещичьего класса, которые понимали необходимость определенных преобразований для преодоления отсталости страны.

В период с июля 1973 по апрель 1978 г. особое и постоянное внимание на страницах афганской военной печати, как и в устной армейской пропаганде, уделялось популяризации буржуазно-националистических идеологических доктрин. Это направление, как уже говорилось, было широко представлено в морально-политическом воспитании личного состава королевской армии Афганистана. Однако при даудовском режиме в указанный период оно не только сохранилось, но и получило дальнейшее развитие и еще большую целенаправленность.

Анализ вышедших в этот период номеров журнала «Да урду маджалла» показывает, что примерно 35—40% их объема занимали переводы из западных, прежде всего американских, источников или же статьи, написанные на их идейно-политической основе. Примечательно, что эти печатные заимствования

в основном освещали различные аспекты буржуазной идеологии и политики, в то время как публикации, взятые из советских изданий и, кстати, количественно намного уступавшие материалам западного происхождения, по своему содержанию не выходили за рамки чисто оперативно-тактических, учебно-методических и военно-технических вопросов.

Одним из неизменных направлений армейской пропаганды в указанные годы продолжало оставаться оправдание агрессивного внешнеполитического курса американского империализма. Об этом в афганской военной прессе в 1973 — начале 1978 г. писалось довольно много и часто в виде обзоров международных событий, пропагандистских статей местных авторов и переводных материалов из западных источников.

Нельзя не отметить, что содержание статей из западных буржуазных источников в подаче для афганского военного читателя не подвергалось каким-либо существенным изменениям: сохранялись их приспособленная к интересам международного империализма аргументация, стиль и антикоммунистическая и антисоветская направленность.

В роли активных пропагандистов буржуазных идейных концепций в афганской военной печати выступали ее штатные сотрудники и авторский актив, как правило, из числа офицеров, получивших военное образование в странах Запада. Между прочим, указанный идеологический аппарат был представлен в рассматриваемый период теми же лицами, которые вели подобного рода работу и при монархии.

Анализ имеющихся материалов позволяет сделать вывод о том, что после свержения монархии в Афганистане и вплоть до апреля 1978 г. политико-идеологические доктрины, положенные в основу армейской пропаганды, не претерпели существенных изменений. Была сохранена прежняя структура идеологии, составными компонентами которой являлись приверженность традиционным духовным ценностям и западным буржуазным концепциям. Как и прежде, в морально-политическом воспитании афганских военнослужащих практически отсутствовал антиимпериалистический аспект. Более того, высшее афганское командование, разделяя вследствие своей духовной близости западные буржуазные идеи и взгляды, усиленно внедряло их в сознание личного состава как через армейскую печать, так и через систему обязательных занятий по моральной подготовке. В содержании идеологической обработки вооруженных сил страны значительное место по-прежнему занимало оправдание агрессивного внешнеполитического курса империализма и насаждение явно негативного отношения к коммунизму.

Вместе с тем следует признать, что предпринимавшиеся правительством М. Дауда идеологические усилия не привели к укреплению его контроля над армией. Более того, повторение старых, имевших хождение при монархии, воззрений и буржуазная идеологическая ориентация режима М. Дауда оттолкнули

от него левых офицеров и унтер-офицеров и в конце концов заставили их в противовес официальной пропаганде заняться еще более активным распространением революционно-демократических идей и взглядов в армейской среде. По мере углубления борьбы в идеологической области леворадикальное офицерство все больше убеждалось в том, что подлинные намерения М. Дауда и его сторонников состоят не в чем ином, как в попытках сохранить под прикрытием республиканской вывески господство помещичье-буржуазного блока при главенствующей роли в нем представителей прежнего династического клана.

Группировка М. Дауда, придя к власти в результате антимонархического переворота, использовала для укрепления своих позиций в армии кроме чисто идеологических и многие другие средства. В частности, наиболее активным офицерам — участникам июльских событий 1973 г., за исключением генералов, было присвоено звание на две ступени выше, была сокращена на один год выслуга в очередном звании; всем сержантам армии присвоено звание младшего лейтенанта; молодые офицеры, в том числе и значительная часть получивших образование в СССР, были назначены на ответственные посты и в центральном аппарате и в войсках; часть офицеров была направлена в местные органы власти. В конце июля 1973 г. все военнотружущие приняли присягу на верность республиканскому режиму.

Была проведенная чистка высшего командования. Однако она коснулась лишь наиболее одиозных фигур, таких, как командир Центрального корпуса генерал-майор Абдул Вали, министр национальной обороны генерал армии Хан Мухаммад, начальник Главного штаба генерал-полковник Гулам Фарук и некоторых других. Большинство же генералов и старших офицеров, придерживавшихся консервативных взглядов и тесно связанных с помещичье-буржуазно-клерикальными кругами, остались либо на своих прежних постах, либо получили перемещение по службе. Среди них были командующий ВВС и ПВО генерал-полковник Мухаммад Муса, начальник зенитной артиллерии генерал-майор Мухаммад Асеф, командир 11 пехотной дивизии генерал-майор Мухаммад Юнус и др.

Сохраняя прежнюю военную элиту, М. Дауд, вне сомнения, рассчитывал этим расширить свою социальную опору в армейских кругах. Однако это, конечно, не означало, что все высокопоставленные армейские чины, оставшись в вооруженных силах, безоговорочно приняли происшедшие в стране перемены и отдали М. Дауду свою поддержку. Как и следовало ожидать, внутренняя реакция, располагавшая опорой в армии, ни в коей мере не хотела примириться с разрушением старой государственной системы, а главное — с перспективой утраты своих господствующих позиций в связи с намерением республиканского режима провести в стране ряд преобразований в экономике и политике, и прежде всего аграрную реформу.

Уже через полтора месяца после свержения монархии был раскрыт крупный антиреспубликанский заговор. Нити этого заговора уходили за пределы Афганистана. В группу заговорщиков входила в основном реакционная военщина — генералы и старшие офицеры, в прошлом тесно связанные с двором. Среди них были бывший командующий ВВС и ПВО генерал-полковник в отставке Абдурраззак, бывший губернатор Нангархара генерал-лейтенант в отставке Хан Мухаммад, бывший командующий полицией и жандармерией генерал-лейтенант Мухаммад Рахим, полковник Заргун Шах, Саид Амир, Кохат и др.

Второй не менее опасный заговор был организован реакционной религиозно-политической организацией «Братья-мусульмане»; он был ликвидирован в декабре 1973 г. Однако это не остановило реакционные круги: они продолжали попытки свергнуть республиканский режим, делая основную ставку на своих приверженцев среди офицерства. Новые крупные заговоры, инспирированные некоторыми видными мусульманскими богословами, были обезврежены в июле 1975 и декабре 1976 г. Во главе последнего заговора стоял тесно связанный с шиитскими клерикалами начальник артиллерийского управления министерства национальной обороны генерал-майор Саид Мир Ахмад Шах. Заговорщики ставили своей главной целью создание теократического государства и «искоренение влияния коммунистов».

Важным следствием развернувшейся в эти годы борьбы явилось то, что политически наиболее активная часть верхушки правых сил была в известной степени обескровлена и заметно утратила свою прежнюю опору в армейской среде, что объективно не могло не содействовать изменению соотношения сил в пользу радикальных общественных движений. Потеряв надежду добиться своих целей путем заговоров, а также почувствовав усиление правых тенденций во внутренней и внешней политике режима М. Дауда, реакционные круги ослабили борьбу против него и перенесли свои основные удары на прогрессивные силы (это стало отчетливо наблюдаться с 1977 г.), не останавливаясь перед совершением террористических актов против представителей левой оппозиции.

Период с июля 1973 по апрель 1978 г. был заполнен в Афганистане не только противоборством с крайне правыми силами. Все это время шла упорная и непрекращавшаяся борьба и внутри республиканской коалиции, содействуя углублению кризиса помещичье-буржуазного режима М. Дауда. Дело в том, что силы, объединившиеся в начале 70-х годов во имя общей цели — свержения монархии, придерживались по существу разных взглядов относительно путей дальнейшего развития страны. М. Дауд и его классово-политические сторонники стремились удержать развитие Афганистана в рамках капиталистической эволюции и сохранить прежний помещичье-буржуазный строй, а радикально настроенные элементы, укрепившие после

переворота 1973 г. свои позиции в низших и средних звеньях армейского руководства и получившие доступ в государственные органы власти,—направить развитие страны по пути уничтожения эксплуатации человека человеком.

М. Дауд и его окружение, встретив в лице левой оппозиции в армии и стране помеху своему политическому курсу и угрозу классовым основам власти, приняли все меры к тому, чтобы устранить оппозицию из общественно-политической жизни страны как самостоятельную силу. Прежде всего эти меры коснулись армии, ее революционно-демократических офицеров. Одни из них даудовским режимом были изгнаны из республиканского руководства путем реорганизаций и чисток (так, в правительстве М. Дауда, созданном в феврале 1977 г., уже не осталось ни одного представителя левого офицерства); другие куплены высокими постами в административном аппарате в центре и на местах и примкнули к группировке М. Дауда; третьи вовлечены в правительственную даудовскую партию (так называемую Партию национальной революции), направлены на работу подальше от беспокойной столицы, в провинциальные, уездные и другие органы власти или даже за границу (к примеру, капитан Файз Мухаммад, бывший министр внутренних дел в первом республиканском правительстве, был назначен послом в Индонезию, капитан Пача Гуль, бывший министр по делам границ — послом в Болгарию, а затем в Ливию и т. д.); и, наконец, четвертые подвергнуты репрессиям. Есть все основания предполагать, что ряд судебных процессов над офицерами, состоявшихся в 1974—1976 гг., был явно сфабрикован сверху с тем, чтобы расправиться с потенциально опасными представителями левых армейских кругов.

Даудовский режим стремился не только ликвидировать прогрессивные, оппозиционно настроенные элементы и организации в армии, но и снова запереть ее в казармы и ограничить политическую деятельность в войсках лишь узкими рамками Высшего совета вооруженных сил, который предполагалось создать согласно Конституции 1977 г. На деле это означало фактический запрет военнослужащим заниматься политикой. Этой же цели служил и Закон о наказаниях, вступивший в силу в ноябре 1976 г. и запретивший под страхом тюремного заключения сроком до десяти лет создание организаций, групп, обществ и распространение идеологии, не совпадавшей с официальными установками.

В результате указанных мер даудовскому режиму удалось нанести определенный урон леворадикальным силам в армии. Прогрессивно настроенные офицеры, во многом обеспечившие в 1973 г. установление республиканского строя в Афганистане, оказались вытесненными из высших органов государственной власти и частично устраненными из армии. Однако М. Дауд все же не смог полностью вернуть армию в казармы и ликвидировать внутри нее левую оппозицию.

В ходе политической борьбы, развернувшейся в стране и армии в 1973 — начале 1978 г., революционно-демократические силы сумели сохранить и укрепить в армейской среде свое боевое ядро. Именно в этот период среди передовой части офицеров и унтер-офицеров значительно усилилось влияние и авторитет Народно-демократической партии Афганистана.

После переворота 1973 г. НДПА в своих многочисленных заявлениях и обращениях к правительству М. Дауда неизменно подчеркивала, что объявленная им 23 августа 1973 г. программа преобразований в экономике и политике может быть претворена в жизнь лишь при опоре на объединенный фронт, включающий НДПА и другие национально-демократические силы. Однако М. Дауд не хотел прислушиваться к голосу прогрессивной общественности страны. Более того, сформировав в феврале 1977 г. кабинет исключительно из числа представителей бюрократической элиты и крупных землевладельцев, он начал все отчетливее проявлять стремление отказать от выполнения данных им обязательств по переустройству общества. Прежде всего это касалось аграрной реформы и демократизации общественной жизни. Во внешней политике он взял курс на расширение сотрудничества с реакционными кругами Ирана и Саудовской Аравии.

Усиление правых тенденций во внутренней и внешней политике правительства М. Дауда, наступление на прогрессивные, демократические силы делали для последних невозможным мирную борьбу за коренное переустройство общества. В такой обстановке Народно-демократическая партия Афганистана, принимая во внимание роль, которую армия могла бы сыграть в развертывавшейся классовой борьбе, приняла решение активизировать организаторскую и политическую работу в вооруженных силах с тем, чтобы при соответствующих благоприятных условиях с их помощью свергнуть автократический режим М. Дауда и утвердить в стране народную власть.

Деятельность НДПА в армии приобрела непрерывный, целенаправленный и глубоко законспирированный характер и включала усилия по привлечению в ряды партии прогрессивно настроенных офицеров и унтер-офицеров, созданию и укреплению боевой армейской партийной организации и расширению ее влияния в войсках, прежде всего в тех частях, которые могли стать ударной силой вооруженного восстания, осуществление идейно-политической подготовки партийных кадров в армии и революционно-демократической пропаганды среди личного состава с целью повышения его политической сознательности, а также проведение организационных мероприятий в армии, направленных на подготовку революционного выступления войск.

Все это не могло не сказаться на укреплении позиций НДПА в вооруженных силах, в первую очередь на росте численности партийных рядов среди военных. Уже к апрелю 1978 г. воен-

ная организация НДПА насчитывала в своих рядах более 2 тыс. членов — офицеров и унтер-офицеров¹⁰.

Особое место в военной работе НДПА отводилось организационным мероприятиям, призванным подготовить руководящие партийные кадры в армии к действиям в условиях чрезвычайных обстоятельств с использованием находившихся под их контролем частей и подразделений. Для этого в соответствии с детально разработанным планом многократно проводились тренировки-репетиции с участием офицеров — членов НДПА, на которых отрабатывались различные возможные варианты революционного выступления армии. Как показало апрельское вооруженное восстание 1978 г., проведенные организационные мероприятия во многом обеспечили слаженность, четкость и эффективность действий восставших.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Борьба между двумя тенденциями в политическом развитии Афганистана, представленными автократическим режимом М. Дауда, с одной стороны, и прогрессивными силами в лице НДПА — с другой, достигла своей кульминации в апреле 1978 г. События, непосредственно предшествовавшие историческому вооруженному восстанию, развивались стремительно и бескомпромиссно.

17 апреля 1978 г. в Кабуле правыми террористами был убит член ЦК НДПА Мир Акбар Хайбар. Его похороны, в которых приняли участие тысячи человек, превратились во внушительное шествие под красным знаменем. Через день в столице состоялась многочисленная политическая демонстрация. Ее участники несли антиимпериалистические лозунги, произносили горячие речи, читали стихи, в которых критиковали правительство М. Дауда и требовали от него выполнения данных после переворота 1973 г. обещаний по коренному переустройству общества, а также принятия решительных мер против реакции¹. Это народное выступление со всей очевидностью обнаружило в стране наличие признаков революционной ситуации.

Правящая верхушка, напуганная растущей сплоченностью левых и демократических сил, поспешила объявить эти шествия и выдвинутые в ходе их требования «незаконными и антиконституционными». Ради спасения своей власти она приняла решение обезглавить руководство НДПА и физически расправиться с прогрессивной оппозицией в стране и в армии. 26 апреля 1978 г. в первом часу ночи полиция по приказу М. Дауда арестовала генерального секретаря ЦК НДПА Нур Мухаммада Тараки, секретаря ЦК Бабрака Кармаля и других лидеров НДПА. Одновременно начались аресты государственных служащих, гражданских и военных, известных своими оппозиционными взглядами.

Возникла именно та политическая ситуация, которую руководство НДПА уже давно предвидело и к действиям в условиях которой оно давно готовилось.

Утром 26 апреля, когда стало известно об аресте руководителей НДПА, было принято решение о начале революционного выступления армии. Оно было назначено на 9 часов утра следующего дня. Незамедлительно данное решение было доведено через лиц, обеспечивавших связь партии с армией, до руково-

дящих армейских партийных кадров, находившихся в штабе ВВС и ПВО в районе Хаджа Раваш (на северо-восточной окраине Кабула, рядом с Кабульским международным аэропортом) ².

В соответствии с планом восстания командирами революционных частей и подразделений были назначены офицеры — члены Народно-демократической партии Афганистана.

В течение дня 26 апреля ответственные функционеры партии разъезжали по столице и ее окрестностям и передавали решение о начале вооруженного выступления армии тем офицерам, которые были назначены командирами частей и подразделений, а также с помощью партийных связных в армии доводили персонально до всех офицеров — членов НДПА, чтобы они в 8 часов утра 27 апреля 1978 г. явились к вновь назначенным командирам частей и подразделений для получения соответствующих инструкций. Следует заметить, что по соображениям конспирации члены партии в вооруженных силах, кроме названных выше командиров, вплоть до утра указанного дня не знали о решении партии относительно вооруженного восстания и времени его начала.

План вооруженного восстания предусматривал:

- объявление в 9 часов утра 27 апреля майором М. А. Ватанджаром в штабе 4-й танковой бригады решения НДПА о начале революционного выступления;

- захват танковыми частями радиостанции «Радио Афганистана» и других ключевых пунктов столицы и открытие огня по президентскому дворцу;

- установление контроля над частями и подразделениями армии. Принятие мер со стороны военнослужащих — членов НДПА к недопущению использования армии в интересах правительства М. Дауда;

- блокирование 7-й и 8-й пехотных дивизий с помощью зенитных батарей, расположенных на высотах в Кабуле и вокруг него, в случае попыток этих дивизий оказать поддержку режиму М. Дауда;

- захват революционно настроенными офицерами аэродрома Хаджа Раваш в Кабуле, а также Баграмского военного аэропорта (в 60 км к северу от столицы) и приведение самолетов в готовность для боевых вылетов;

- в случае необходимости нанесение ударов с воздуха по контрреволюционным силам;

- организацию передач радиостанции «Радио Афганистана» с целью информирования населения страны о революционном выступлении вооруженных сил.

Далее события развивались следующим образом. Вечером 26 апреля по столичному радио было передано заявление правительства М. Дауда об аресте руководящих деятелей Народно-демократической партии Афганистана. Это известие потрясло все прогрессивные силы, особенно в армии, и еще больше

содействовало укреплению их решимости выступить на защиту национально-демократического движения и добиться устранения от власти помещичье-буржуазных кругов.

После передачи указанного правительственного заявления военный министр Гулам Хайдар Расули отдал приказ привести все части армии в состояние боевой готовности, а утром 27 апреля провести в войсках митинги в поддержку режима М. Дауда. Последнее обстоятельство оказалось крайне благоприятным для организации выступления: офицеры — члены НДПА получили возможность связаться друг с другом и согласовать все вопросы относительно подготовки восстания, не опасаясь вызвать какие-либо подозрения со стороны приверженцев М. Дауда.

27 апреля в 6.30 утра офицеры — члены партии встретились вблизи Димазанга (район Кабула) и уточнили свои задачи, а затем на автобусах, которые ежедневно развозили военнослужащих по воинским частям, отправились к месту своей службы.

В 9.00 утра майор М. А. Ватанджар, выступая перед своими боевыми соратниками в гарнизоне Пули-Чархи (в 30 км к востоку от Кабула), объявил о начале вооруженного восстания. Вслед за этим члены и сторонники партии приняли меры к нейтрализации контрреволюционных элементов и без промедления приступили к подготовке танков и бронетранспортеров к выходу. В этот момент командир 15-й танковой бригады генерал Мухаммад Юсуф попытался помешать выступлению революционно настроенных офицеров и унтер-офицеров. Однако его попытка провалилась, танковые бригады оказались полностью в руках восставших. В 9.30 была выведена из строя линия телефонной связи между министерством национальной обороны и гарнизоном Пули-Чархи.

Уже в 11.30 первый танк под командованием М. А. Ватанджара вышел из гарнизона Пули-Чархи и двинулся в направлении столицы. За ним вскоре последовали другие боевые машины из числа имевшихся в то время в этом военном городке 250 танков и бронетранспортеров.

С самого начала вооруженное выступление армии возглавил Военно-революционный совет вооруженных сил. От его имени правительству М. Дауда был предъявлен ультиматум — уйти в отставку и передать власть Военно-революционному совету. Когда предъявлялся этот ультиматум, президентский дворец (где заседал кабинет министров) был уже окружен восставшими. Однако М. Дауд отверг требование революционных войск, надеясь спасти положение с помощью оставшихся на его стороне полка гвардии, нескольких подразделений жандармерии и батальона «коммандос».

По приказу М. Дауда по восставшим был открыт автоматный и артиллерийский огонь. В 12.00 между танковыми подразделениями восставших и силами М. Дауда разгорелся бой.

Сильное сопротивление оказывал батальон «коммандос». Однако революционным танкистам во главе с офицерами — членами партии, находившимися внутри батальона, все же удалось блокировать его действия. После того как командиры «коммандос» — сторонники М. Дауда были убиты, командование этим подразделением взял в свои руки Шах Наваз — член НДПА. В ходе штурма президентского дворца левые офицеры неоднократно обращались по телефону к командиру полка гвардии с предложением прекратить огонь и капитулировать. Но все их попытки такого рода успеха не имели.

В тот момент, когда разворачивался штурм президентского дворца, напряженная обстановка сложилась в штабе военно-воздушных сил в Хаджа Раваш. Сюда в соответствии с планом восстания прибыли два танка, задание которым должен был дать майор С. М. Гулабзой. Однако он получил тяжелое ранение и был отправлен в госпиталь.

В этих условиях прибывшие танкисты, взяв инициативу в свои руки, быстро установили контакт со своими соратниками по партии в военно-воздушных силах. Полковник Абдул Кадыр, возглавлявший Военно-революционный совет, немедленно вылетел на вертолете в Баграм. Здесь к этому времени уже все было готово к захвату аэродрома. Вскоре он перешел в руки офицеров — членов НДПА. Летчики сразу же получили приказ подвергнуть бомбардировке резиденцию М. Дауда и некоторые другие объекты, находившиеся в руках контрреволюции. 27 апреля, около 16.00, по президентскому дворцу был нанесен удар авиации.

В центре города было еще несколько очагов сопротивления контрреволюционных сил. Во второй половине дня восставшие, используя танки и бронетранспортеры, атаковали министерство внутренних дел, охранявшееся жандармскими подразделениями, и захватили его. Кроме того, были заняты муниципалитет и помещения кабульского провинциального и полицейского управлений. В ходе операции был убит командующий полицией даудовского режима генерал Тахер. К 17.30 танковые подразделения захватили радиостанцию «Радио Афганистана», которая в результате вмешательства активистов НДПА еще ранее, в 15.00, прекратила передачу продаудовского содержания.

С самого начала вооруженного восстания велись поиски арестованных руководителей Народно-демократической партии Афганистана. Около 17.30 наконец удалось отыскать тюрьму, куда были брошены руководители партии (это была тюрьма кабульского полицейского управления). Разрушив с помощью танков стену тюрьмы, танкисты освободили их и на бронетранспортерах доставили в здание «Радио Афганистана», которое стало штабом вооруженного восстания.

По прибытии на радиостанцию лидеров НДПА, было подготовлено сообщение о победе Апрельской революции, а в 19.00 оно было передано по «Радио Афганистана». Текст сообщения

зачитали члены Военно-революционного совета вооруженных сил М. А. Ватанджар (на языке пушту) и Абдул Кадыр (на языке дари).

В то время как происходили описанные выше события в центре города и в районе аэродрома Хаджа Раваш, упорная борьба развернулась на северо-западной, юго-западной и западной окраинах столицы — в гарнизонах 7-й и 8-й пехотных дивизий, 88-й артиллерийской бригады и штабе Центрального корпуса. Сюда под покровом темноты 27 апреля бежал военный министр свергнутого режима генерал-полковник Гулам Хайдар Расули. Он прежде всего сделал попытку поднять на борьбу против восставших части 8-й дивизии. Однако командир танкового батальона дивизии Алауддин, другие члены НДПА и их сторонники, прибегнув к оружию, не допустили выхода дивизии за пределы гарнизона. Существенную помощь в этом им оказала зенитная батарея под командованием офицера — члена НДПА Керима, начавшая обстрел района дислокации дивизии с соседних высот. Борьба внутри 8-й дивизии завершилась ее переходом на сторону революции.

Революционные офицеры предприняли меры к задержанию и нейтрализации Г. Х. Расули. Но ему вместе с начальником Главного штаба Абдул Азизом и начальником штаба Центрального корпуса Абдул Али удалось бежать и укрыться в штабе Центрального корпуса (на западной окраине Кабула, в местечке Тадж Бек). Вскоре этот штаб был подвергнут воздушной бомбардировке, и названные выше лица были вынуждены оставить его и направиться в 7-ю пехотную дивизию.

Положение в этой дивизии в день восстания оставалось крайне сложным. Ее командир генерал Назим попытался выступить в поддержку М. Дауда. Но как только части дивизии двинулись в сторону Кабула, они тут же были обстреляны зенитными батареями из района Карга и Дар-уль-Аман. Через некоторое время восставшие летчики блокировали с воздуха дорогу, ведущую из расположения 7-й пехотной дивизии в сторону города. Все это еще больше усилило брожение среди личного состава дивизии и ужесточило стычки между членами и сторонниками НДПА, с одной стороны, и контрреволюционными элементами — с другой. В ходе их погиб активный член партии Мухаммад Али, назначенный по плану восстания командиром 7-й пехотной дивизии. Были сбиты два самолета, принимавших участие в блокировании 7-й дивизии, однако летчикам удалось спастись. В конце концов сопротивление продаудовской части офицерства было сломлено и 7-я дивизия капитулировала.

27 апреля сделала попытку выступить в защиту режима М. Дауда и 88-я артиллерийская бригада, расположенная на западной окраине Кабула. Однако после передачи по радио о победе революции она перешла на сторону восставших и участвовала в подавлении сопротивления 7-й дивизии.

К рассвету 28 апреля 1978 г. совместными усилиями танкистов и летчиков было окончательно подавлено сопротивление гвардии, защищавшей президентский дворец. К М. Дауду, по его согласию, была направлена группа парламентариев во главе с капитаном Имамуддином. Последний, прибыв во дворец Гульхана, где находились некоторые члены свергнутого правительства, заявил М. Дауду, что политическая власть перешла в руки Народно-демократической партии Афганистана, и предложил ему сдаться. В ответ М. Дауд выстрелил в офицера-парламентаря и ранил его. В завязавшейся перестрелке кроме М. Дауда были убиты его брат Мумаммад Наим, вице-президент Абдулла, министр внутренних дел Абдул Кадыр.

После взятия президентского дворца вооруженное восстание в столице одержало полную победу. Нельзя не подчеркнуть, что революционные войска с начала и до конца действовали организованно, с исключительным мужеством и решительностью. Несмотря на ожесточенный характер борьбы, победа в революции была достигнута в целом «малой кровью».

Армейские соединения и части, дислоцированные в провинциях, непосредственного участия в вооруженном выступлении не принимали. Активисты Народно-демократической партии Афганистана, как военные, так и гражданские, сразу же после получения известий о победе революции в столице стали брать власть в свои руки. Вскоре под контроль революционно настроенных офицеров перешли гарнизоны Кандагара, Джелалабада, Герата, Газни, военные аэродромы Шинданда, Мазари-Шарифа, Кандагара.

Между 27 апреля и 3 мая 1978 г. в Кабуле не выходила ни одна газета. Информацию о происходивших в стране событиях население получало только из передач кабульского радио, которые до 29 апреля велись от имени Военно-революционного совета вооруженных сил. В этих передачах раскрывались основные программные лозунги восставших и характер начавшейся революции. В частности, в обращении к соотечественникам, переданном 27 апреля в 22.30, говорилось, что в Афганистане «началась подлинная национально-демократическая революция», положившая конец «господству сардаров-демагогов, превративших священное слово „революция“ в игрушку в своей антинародной политике»³.

29 апреля в 21.00 был принят Указ Военно-революционного совета. В нем говорилось: «7 саура 1357 г. (27 апреля 1978 г.) по воле народа Афганистана произошло революционное восстание патристически настроенных офицеров и солдат страны. Это восстание, знаменующее собой начало национально-демократической революции Афганистана, менее чем за 24 часа свергло деспотический режим Мухаммада Дауда и заложило в стране основы национально-демократического строя. Но для того, чтобы революция 7 саура смогла творчески, всесторонне и эффективно выполнять свои огромные национально-демократические

задачи, Военно-революционный совет передает всю полноту высшей государственной власти Революционному совету Демократической Республики Афганистан. В соответствии с решением Военно-революционного совета выполнение национально-демократических задач переходит в руки Революционного совета Демократической Республики Афганистана»⁴.

Революционный совет, в состав которого вошли около 35 человек, в том числе и 5 представителей вооруженных сил, на своем первом заседании 30 апреля 1978 г. избрал генерального секретаря ЦК НДПА Нур Мухаммада Тараки председателем Ревсовета и одновременно главой правительства (премьер-министром), а Бабрака Кармаля — заместителем председателя Ревсовета и заместителем премьер-министра. Революционный совет, ставший высшим органом государственной власти, 30 апреля провозгласил страну Демократической Республикой Афганистан.

День спустя было сформировано правительство ДРА в составе 20 министров и заместителей премьер-министра. Три министерских поста получили военные — активные участники апрельского вооруженного восстания: полковник Абдул Кадыр — министра обороны, майор М. А. Ватанджар — заместителя премьер-министра и министра связи, майор Мухаммад Рафи — министра общественных работ⁵.

Советский Союз был первой страной, признавшей революционный режим Афганистана

Признание Советским Союзом и другими социалистическими странами Демократической Республики Афганистан имело для этой страны огромное политическое значение.

Революционное правительство ДРА выдвинуло во внутренней политике широкую программу социально-экономических и политических преобразований: осуществление демократической аграрной реформы в интересах трудящихся крестьян, ликвидацию феодальных и дофеодальных отношений в деревне, индустриализацию страны, повышение жизненного уровня народа, демократизацию общественной жизни, обеспечение подлинных прав и свобод трудящихся, равноправия женщин, справедливого решения национального вопроса, устранение влияния неокolonизма и империализма в различных сферах — в экономике, культуре, идеологии. Было намечено провести чистку государственного аппарата от контрреволюционных, антидемократических элементов, принять меры по укреплению народных вооруженных сил ДРА и в первую очередь обеспечить права солдат и офицеров на широкое участие в общественно-политической жизни страны.

В числе задач правостепенной важности, выдвинутых правительством демократического Афганистана, были обеспечение территориальной целостности, национального суверенитета и независимости страны, решительная защита завоеваний Апрельской революции, создание действительного единства всех на-

циональных, прогрессивных и патриотических сил. Для решения этих задач в провинции были назначены новые губернаторы, как правило, из числа офицеров армии и членов НДПА; активисты партии развернули работу по разъяснению правительственной политики и созданию народных организаций — рабочих, крестьянских, молодежных, женских. Такие организации должны были стать массовой опорой новой власти.

В области внешней политики ДРА выступила за проведение самостоятельной миролюбивой политики неприсоединения, позитивного и активного нейтралитета на принципах мирного сосуществования, за укрепление отношений добрососедства со всеми странами региона, развитие и всестороннее расширение дружественных отношений с Советским Союзом.

В поддержку правительства ДРА и выдвинутой им программы в области внутренней и внешней политики высказались рабочие, крестьяне, интеллигенция, студенты, представители национальной буржуазии и других слоев афганского общества.

Что касается реакционных сил внутри страны и за ее пределами, то они крайне враждебно отнеслись к созданию Демократической Республики Афганистан. В частности, шах Ирана взял на себя роль организатора некоего регионального альянса, цель которого состояла в оказании противодействия новому прогрессивному режиму Афганистана.

Внутренние и внешние враги революционного Афганистана развернули кампанию по дискредитации установленного в стране национально-демократического строя и намеченных реформ и преобразований. Бежавшие из страны представители реакционных кругов при прямой помощи и поддержке империалистических сил и консервативных режимов региона начали создавать на территории некоторых соседних государств террористические и диверсионные банды и засылать их в демократический Афганистан, надеясь таким путем помешать становлению прогрессивного афганского государства и вернуть себе утраченное господство.

В этой обстановке наряду с задачами экономического, социального и политического характера вскоре после свершения Апрельской революции в числе первоочередных была выдвинута задача защиты революции и революционных завоеваний от вооруженной агрессии. В связи с этим неотложным стал вопрос борьбы за немедленное превращение афганской армии в подлинно народную армию, способную быть надежной опорой национально-демократического строя.

Апрельская революция 1978 г. в Афганистане явилась логическим следствием и закономерным результатом обострения социальных противоречий, длительной борьбы трудящихся страны за ликвидацию эксплуатации и гнета, влияния империализма, той острой внутривнутриполитической борьбы, которая развернулась в обществе и органах власти в период даудовского режима по вопросу о глубине и характере социально-экономиче-

ских и политических преобразований, о выборе магистрального пути развития страны.

Главной ударной силой вооруженного восстания, которое привело к провозглашению Демократической Республики Афганистан, стали революционные части армии, прежде всего танковые и авиационные. Непосредственное руководство их действиями осуществлял Военно-революционный совет вооруженных сил, созданный и направлявшийся Народно-демократической партией Афганистана.

Отношение Советского Союза к сложным революционным процессам, происходившим в Афганистане, как и в других освободившихся странах, всегда было четким и определенным: «Мы на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости и относимся к ним, как к своим друзьям и товарищам по борьбе»⁶.

Борьба за идеалы афганской революции потребовала и еще потребует немало жертв и напряжения всех сил. Однако, как говорил Бабрак Кармаль, «дело, за которое отдают свои жизни афганские революционеры в борьбе с империализмом, реакцией и гегемонизмом, есть дело правое и исторически оправданное»⁷. Оно неизбежно завершится полной победой. Залогом этой победы и необратимости революционных процессов в Афганистане является мужественная и решительная борьба афганского народа под руководством Народно-демократической партии Афганистана против происков внутренней и внешней реакции и империализма, интернациональная помощь и солидарность Советского Союза, других социалистических стран и всех прогрессивных сил мира.

В социальной революции от политических действий армии зависит не только ход революции, но и военное строительство: изменение социального облика вооруженных сил, приобретение ими новых функций в деле защиты революционного отечества.

Апрельская революция 1978 г. коренным образом изменила функции и характер вооруженных сил Афганистана. Основным принципом строительства вооруженных сил стал принцип народности армии, т. е. ее органического единства с народом. Это единство имеет глубокие корни в общественном сознании и постепенно укрепляется, наполняясь прогрессивным национально-демократическим содержанием.

После образования Демократической Республики Афганистан, и в особенности на новом этапе Апрельской революции, когда ее прогрессивный народный характер упрочился и получил новые, более благоприятные возможности для расширения и развития, Народно-демократическая партия Афганистана и ее Центральный комитет постарались в первую очередь обеспечить прогрессивную идейно-политическую ориентацию армейских масс, являвшихся по своему составу в основном крестьянскими. В афганской армии было создано Главное политическое управление, введен институт политработников. Этими мерами

преследовалась, как писал по аналогичному поводу В. И. Ленин, важнейшая цель — пробудить трудящиеся массы к революционной активности, самостоятельности и организации «независимо от того, на каком уровне они стоят»⁸.

Постепенно в каждом батальоне были созданы ячейки НДПА, а в полках и выше — партийные комитеты. В ряды НДПА вступала самая революционная, патриотически настроенная и сознательная часть офицеров, унтер-офицеров и солдат.

Таким образом, впервые в истории Афганистана была создана система руководства вооруженными силами страны со стороны революционной партии, при которой личная ответственность и единоначалие командиров соединений, частей и подразделений сочетались с коллективным руководством НДПА. (В 1980 г., в условиях усиления агрессии против ДРА сил международного империализма и реакции, НДПА стала осуществлять свое руководство через оперативные штабы восьми военно-политических зон, возглавляемые уполномоченными ЦК НДПА.)

Необходимость надежной охраны завоеваний Апрельской революции потребовала от афганских вооруженных сил определенных мер по совершенствованию структуры, которая претерпела существенную эволюцию⁹. Не вдаваясь в детальное описание, выделим основные направления этих изменений.

Весной — летом 1980 г. были образованы пограничные войска, батальоны царандоя (народной милиции). По договоренности с пуштунскими племенами, достигнутой в 1981 г., их ополчения усилили несение охранно-полицейской службы. Более оперативным стало управление войсками.

Необходимость безотлагательного осуществления этих преобразований определялась не только усилением необъявленной войны против ДРА, но и насущной потребностью ликвидации того ущерба вооруженным силам молодой республики, который нанесли им на первом этапе революции преступные действия Хафизуллы Амина и его сторонников, сумевших пробраться к власти¹⁰.

В результате этих мер массы убедились в надежности своей армии, ее способности дать отпор недругам демократического Афганистана. Началось повсеместное широкое формирование «отрядов защиты революции», в которые вступили тысячи трудящихся.

Афганистану необходимы были сильные, современные и сплоченные вооруженные силы. Реальные пути к их созданию руководство ДРА видело в ликвидации негативных последствий деятельности Х. Амина, в привлечении в ряды армии активных патриотически настроенных граждан, в консолидации всех патриотических сил страны для отпора внешней и внутренней реакции.

Военно-политические мероприятия руководства ДРА во главе с Бабраком Кармалем встретили поддержку трудящихся,

всех патриотов ДРА. Результатом стала поддержка вооруженных сил ДРА со стороны масс афганского населения, которое на своем опыте убедились в необходимости укреплять «оборонную способность страны, повышать боеспособность и сознательную железную дисциплину освободительных вооруженных сил ДРА»¹¹.

Решение правительства ДРА сохранить земельные наделы за кадровыми военными, главами и старейшинами пуштунских племен, имевшими особые заслуги в деле защиты родины, так же как практика наделения земельными участками тех крестьянских семей, чьи сыновья добровольно вступали в ряды армии¹², оказали благотворное влияние на проводимую в ДРА перестройку вооруженных сил на новых, революционных началах.

ЦК НДПА и Революционный совет ДРА постоянно искали новые гибкие формы взаимодействия армии и масс в деле защиты завоеваний революции. В июне 1980 г. состоялся III Пленум ЦК НДПА, на котором был взят курс на закрепление итогов военных операций политическими, административными и социальными мероприятиями народной власти.

В августе 1981 г. был создан Высший Совет Оборона, наделенный полномочиями государственной и военной власти. В его компетенцию входила мобилизация населения для борьбы с внешней агрессивней и внутренней контрреволюцией; им же принимались решения об организационном строительстве вооруженных сил. Высший Совет Оборона состоял как из военных, так и гражданских лиц. Его возглавил Генеральный секретарь ЦК НДПА Бабрак Кармаль. В провинциях и уездах Афганистана были созданы местные органы Высшего Совета Оборона¹³.

В процессе строительства новых революционных вооруженных сил ДРА неуклонно повышалась роль Главного политического управления, укреплялась система партийно-политической работы с военнослужащими, расширялась подготовка кадров политработников на специальных курсах, в военных учебных заведениях, на военно-политическом факультете Института общественных наук при ЦК НДПА. Из преданных революции политически грамотных военнослужащих было создано несколько сот мобильных агитационно-пропагандистских групп.

Большую помощь политорганам оказали выпускники школ и лицеев, а также старшеклассники, добровольно вступавшие в ряды армии.

Обучение основам военного дела и политической подготовки включены в учебные программы школ и институтов ДРА; созданы военные интернаты для детей, чьи родители погибли от рук контрреволюционеров.

Важнейшим шагом на пути дальнейшего укрепления вооруженных сил ДРА явилось введение в стране в соответствии с Законом, принятым 9 января 1981 г., системы всеобщей воинской повинности. Поправка № 1 к этому Закону (март 1982 г.)

снизила возраст призывников с 20 до 19 лет. Следует отметить, что претворение в жизнь Закона о всеобщей воинской повинности осуществлялось при последовательном учете специфики условий в различных национально-этнических и географических регионах страны.

Что касается добровольной воинской службы, то эта форма пополнения вооруженных сил ДРА продолжала играть свою роль. Вместе с тем постепенное введение обязательной воинской службы позволило накапливать воинские резервы, использовать демобилизованных солдат для претворения в жизнь созидательных целей Апрельской революции.

В 1982 г. ЦК НДПА и Революционный совет ДРА приняли решение о создании эффективно действующей комплексной военно-политической системы «защиты революции и народа, составными частями которой должны быть армия, пограничные войска, царандой, органы безопасности, отряды защитников революции, ополчения племен»¹⁴.

За время, прошедшее после свершения Апрельской революции и создания ДРА, несмотря на тяжелое наследие (обусловленное общей социально-экономической и культурной отсталостью дореволюционного Афганистана) и трудности, связанные с подрывной деятельностью внутренней контрреволюции и внешних реакционных сил, перестройка вооруженных сил на принципах национально-демократической революции в целом осуществлялась успешно. Вооруженные силы ДРА насчитывали в своих рядах к концу 1982 г. почти 130 тыс. человек. (Накануне Апрельской революции 1978 г. штатное расписание вооруженных сил составляло 100—110 тыс. человек.) Но это уже не была прежняя армия: изменился ее социально-политический облик, изменились и ее функции.

Вооруженные силы ДРА очистились от контрреволюционных элементов, которые были связаны с феодально-бюрократической правящей верхушкой старого Афганистана. Если до Апрельской революции 1978 г. высшие командные посты в армии занимали представители этих кругов, то ныне весь командный состав формируется из представителей трудящихся и патристических слоев населения, верных идеалам национально-демократической революции. Вместе с тем в армии сохранились и упорочились демократические структуры, присущие афганскому обществу. В вооруженных силах уважаются религиозные чувства военнослужащих. За определенными слоями населения сохранено традиционное право воинской службы в полувойенных формированиях. Сглаживаются бывшие межнациональные расхождения, порожденные бытовавшим в дореволюционном Афганистане шовинизмом правящих кругов и феодально-бюрократической верхушки.

Важную роль в морально-политической ориентации военнослужащих ДРА стал играть фактор интернационального боевого содружества афганских и советских солдат в укреплении.

завоеваний Апрельской революции, защите государственного суверенитета, территориальной целостности и независимости ДРА, укреплении мира в регионе Среднего Востока и Южной Азии.

Пришел конец былой изоляции вооруженных сил от трудящихся масс. Контакты армии с населением всемерно расширяются, что укрепляет национально-демократический характер армии. Вместо былой аполитичности появились непримиримость к врагам ДРА и международной реакции, убежденность в идеалах равенства, братства народов.

Важную роль в строительстве новых революционных вооруженных сил сыграли решения Первой национальной конференции НДПА (март 1982 г.). Эти решения еще раз подчеркнули, что союз рабочего класса, крестьянства и патриотической интеллигенции при руководящей роли НДПА, выразительницы интересов всех трудящихся Афганистана, составляет морально-политическую и социальную основу вооруженных сил ДРА. В принятой на конференции Программе действий НДПА, сказано, что «современные афганские вооруженные силы — это армия нового типа. Она защищает революцию и рожденную ею народную власть»¹⁵.

Партийно-политическими органами проведена значительная работа с личным составом вооруженных сил: созданы курсы ликвидации неграмотности, организованы армейские библиотеки, издается армейская пресса, действуют специальные армейские пропагандистские группы.

На необходимость дальнейшего усиления идеологической работы в армии обратил внимание пленум ЦК НДПА, состоявшийся в сентябре 1982 г.

Курс ЦК НДПА и Революционного совета ДРА на социально-политическое сплочение афганских вооруженных сил имеет важное значение. Он направлен на укрепление морально-политического единства офицерского корпуса и всего личного состава вооруженных сил ДРА. Он служит делу охраны революции, пресекает экспорт контрреволюции.

Народам Афганистана, как и всем другим народам планеты, нужен мир. Во имя мира совершенствуются вооруженные силы ДРА. Преодолевая трудности, они становятся надежным гарантом необратимости революционных преобразований, торжества идеалов социального прогресса и национальной демократии.

Впечатляющий по своему динамизму период становления новых вооруженных сил ДРА свидетельствует об огромной созидательной силе идей социального прогресса. Как указывал Ф. Энгельс, революция — это могучий двигатель, помогающий стране «за какой-нибудь пятилетний срок проделать путь, который в обычных условиях она не совершила бы и в течение столетия»¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Эти сообщения публиковались в «Санктпетербургских ведомостях» (подробнее см.: Библиография Афганистана. М., 1965, № 1127—1130).

² См.: Библиография Афганистана, № 916—961.

³ Подробнее см.: В. А. Ромодин. Изучение Афганистана в Советском Союзе.— Ближний и Средний Восток. Экономика и история. М., 1983, с. 194—195.

⁴ А. Ванченко. Афганистан и его вооруженные силы. М.—Л., 1928; С. Севрюгов. Конница наших среднеазиатских соседей. М., 1931, с. 38—56.

⁵ И. Маздур. Афганистан и его армия. М., 1933; А. Станисhevский. Афганистан. М., 1940.

⁶ И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954, с. 334—389; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. 2. М., 1965, с. 363—365.

⁷ М. Г. М. Губар. Ахмад-шах — основатель афганского государства. М., 1959, с. 233—251.

⁸ Азизуддин Попользай. Тимур-шах Дуррани. Кабул, 1332; С. К. Риштия. Афганистан в XIX веке. М., 1958, с. 270—272.

⁹ Ganda Singh. Ahmad Shah Durrani. Bombay, 1959, с. 357—364.

Глава I

¹ Ф. Меринг. Очерки по истории войны и военного искусства. М., 1938, с. 95.

² Подробнее см.: И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954; История Афганистана. М., 1982, с. 125—139.

³ См., например: G. Forster. A Journey from Bengal to England. Т. 2. L., 1798, с. 151.

⁴ Там же, с. 86; Хрисанф, митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах.— Чтения в Имп. Обществе истории и древностей Российских. Кн. I. СПб., 1861, с. 11.

⁵ Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмад-шахи. М., 1974, л. 265-а, 267-а.

⁶ G. Forster. A Journey from Bengal to England. Т. 2, с. 85.

⁷ Casi Raja Pundit. An Account of the Battle of Paniput.— «Asiatic Researches». Т. 3. Calcutta, 1792, с. 104, 108, 139.

⁸ Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмад-шахи, л. 213-а, 213-б.

⁹ J. Rennell. Memoir of a Map of Hindostan or the Mogul Empire. L., 1792, с. CXXIII.

¹⁰ M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul. L., 1815, с. 532.

¹¹ Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмад-шахи, л. 32-а, 145-б.

¹² Calendar of Persian Correspondence. Т. 3. Calcutta — Delhi, с. 331, № 798.

¹³ Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмад-шахи, л. 437-а.

¹⁴ M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, с. 519; Calendar of Persian Correspondence. Т. 9, с. 108, № 431.

¹⁵ Хрисанф. О странах Средней Азии..., с. 11.

¹⁶ M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, с. 535.

- ¹⁷ F. Colombari. Les Zembureks. P., 1853.
- ¹⁸ M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, с. 531—532; H. R. Gupta. Studies in the Later Mughal History of the Panjab (1707—1793). Lahore, 1944, с. 269 (по данным английского разведчика Гулам Сарвара, посетившего Афганистан в 1793—1794 гг.).
- ¹⁹ Тебризский ман—около 3 кг.
- ²⁰ Подробнее см.: Ghazi Irfan. The Story of Kim's Gun.—«Perspective». T. 1, № 4, Lahore, 1967, с. 75—76.
- ²¹ A. Dow. The History of Hindostan. T. 2. L., 1770, с. 386.
- ²² G. Forster. A Journey from Bengal to England. T. 2, с. 68.
- ²³ Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмад-шахи, л. 256-а; Хусайн Али. Зиб-и тарихха. Рук. ИВАН Узб.ССР, № 1626, л. 32-б.
- ²⁴ M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, с. 289.
- ²⁵ Архив внешней политики России (АВПР). Ф. «Сношения России с Персией». 1770, д. 3, л. 25.
- ²⁶ Calendar of Persian Correspondence. T. 5, с. 438, № 1843.
- ²⁷ G. Forster. A Journey from Bengal to England. T. 2, с. 29.
- ²⁸ АВПР. Ф. «Сношения России с Персией». 1755, д. 5, л. 253.
- ²⁹ Хусайн Али. Зиб-и тарихха, л. 36-а, 38-а.
- ³⁰ H. G. Raverty. Notes on Afghanistan and Part of Baloochistan..., L., 1880, с. 44.
- ³¹ Casi Raja Pundit. An Account of the Battle of Paniput, с. 105, 139.
- ³² Хусайн Али. Зиб-и тарихха, л. 6.
- ³³ Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмад-шахи, л. 157-6; Hakikat-i Bina wa Urui-i Firkah-i Sikhan. Calcutta, 1942, с. 19.
- ³⁴ См., например: T. S. Shejwalkar. Panipat: 1761. Poona, 1946, с. 89.
- ³⁵ M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, с. 530.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ G. Forster. A Journey from Bengal to England. T. 2, с. 85.
- ³⁸ Накануне сражения при Панипате Ахмад-шах, расположив свою армию на поле боя, лично проинспектировал все части; его сопровождали знатные ханы (см.: Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмад-шахи, л. 481-а, 407-а).
- ³⁹ Султан Мухаммад-хан Дуррани. Тарих-и Султани. Бомбей, 1298, с. 154—155.
- ⁴⁰ G. Forster. A Journey from Bengal to England. T. 1, с. 277—278; Hakikat-i Bina wa Urui-i Firkah-i Sikhan, с. 15, 20, 21.
- ⁴¹ Кос равен приблизительно 3 км.
- ⁴² Хрисанф. О странах Средней Азии..., с. 11.
- ⁴³ Ch. J. Rodgers. The Coins of Ahmad Shah Abdali.—«Journal of the Asiatic Society of Bengal». T. 54, 1885, с. 67.
- ⁴⁴ Так было, например, в битве при Панипате, когда Ахмад-шах, чтобы опрокинуть маратхов, бросил в бой свою личную гвардию под командой кулар-агаси Хаджи Наваб-хана Алькозая (Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмад-шахи, л. 491-б).
- ⁴⁵ В 1750 г. армия Ахмад-шаха насчитывала 50—60 тыс. человек; в конце 1754 г. Ахмад-шах имел в Хорасане 50 тыс. человек (см.: АВПР. Ф. «Сношения России с Персией». 1750, д. 8, л. 3; 1751, д. 5, л. 106; 1755, д. 5, л. 78). Афганцы, взятые в плен под Сабзеваром в 1755 г., показали, что армия шаха Дуррани состояла из 60 тыс. человек (см.: П. Б. Бутков. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Т. 1. СПб., 1869, с. 415). Феррье утверждает, что Ахмад-шах имел с собой в этом походе 70 тыс. воинов (J. P. Ferrier. History of the Afghans. L., 1858, с. 74).
- ⁴⁶ Hakikat-i Bina..., с. 18—19.
- ⁴⁷ Casi Raja Pundit. An Account of the Battle of Paniput, с. 105. Мухаммад Амин приводит аналогичные данные: 41 тыс. всадников, 28 тыс. пехоты, 2 тыс. замбуреков (Мухаммад Аман. Муджми л ат-таварих ба'д Надирийе. Leiden, 1896, с. 127). Махмуд ал-Хусайни общую численность армии, с которой Ахмад-шах выступил против маратхов, определяет в 130 тыс. (Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмад-шахи, л. 396-б).
- ⁴⁸ A. Dow. The History of Hindostan. T. 2, с. 382—383. Как полагает

индийский историк Ганда Сингх, численность армии Ахмад-шаха во время его походов в Индию никогда не превышала 80 тыс. В Хорасанских походах он имел от 70 до 120 тыс. воинов (Ganda Singh. Ahmad Shah Durrani, 364).

⁴⁹ G. Forster. Journey from Bengal to England. Т. 2, с. 85.

⁵⁰ Хрисанф. О странах Средней Азии..., с. 2.

⁵¹ Calendar of Persian Correspondence. Т. 8, с. 637—638, № 1548.

⁵² Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l'Asie centrale. P., 1876, с. 11, 21.

⁵³ Calendar of Persian Correspondence. Т. 8, с. 331, № 798.

⁵⁴ Рафаил Данибегов. Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815, с. 54.

⁵⁵ Фаиз Мухаммад. Сирадж ат-таварих. Т. 1. Кабул, 1331, с. 56; См. также: M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, с. 530—531.

⁵⁶ Хусайн Али. Зиб-и тарихха, л. 33-6.

⁵⁷ Фаиз Мухаммад. Сирадж ат-таварих. Т. 1, с. 15.

⁵⁸ АВПР. Ф. «Сношения России с Персией». 1752, д. 5, л. 126.

⁵⁹ Махмуд ал-Хусайни. Тарих-и Ахмад-шахи, л. 480-б.

⁶⁰ АВПР. Ф. «Сношения России с Персией». 1755, д. 5, л. 78; П. Б. Бутков. Материалы..., с. 409. По дошедшим до нас описаниям, большая часть афганских крепостей того времени имела форму квадрата или прямоугольника. Их обычно окружала толстая глинобитная стена с бойницами и зубцами. В стене с внутренней стороны устраивался банкет — выступ для стрелков, ширина которого позволяла пройти рядом двум человекам. На стене через определенные расстояния сооружались небольшие полые башни. Угловые башни делались большего размера и приспособлялись для установки артиллерийских орудий. Часто крепость окружал ров, который мог наполняться водой. Крепостные ворота с бойницами, устроенными над ними, обивались огромными гвоздями. Некоторые ворота крепости были постоянно заперты, а открытые усиленно охранялись специальными стражниками.

⁶¹ Джагир — привилегированное земельное пожалование, обычно освобожденное от уплаты налогов.

⁶² Азизуддин Попользай. Тимур-шах Дуррани. Кабул, 1332, с. 161.

⁶³ H. G. Raverty. Notes on Afghanistan..., с. 217, 269—270.

⁶⁴ M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, с. 464, 475, 476.

⁶⁵ H. Pottinger. Travels in Beloochistan and Sindh. L., 1816, с. 284.

⁶⁶ Хусайн Али. Зиб-и тарихха, л. 33-6.

⁶⁷ М. Г. М. Губар. Ахмад-шах Баба-и Афган. Кабул, 1322, с. 156—160.

⁶⁸ Хрисанф. О странах Средней Азии..., с. 12.

⁶⁹ G. Forster. A Journey from Bengal to England. Т. 2, с. 29, 49, 86, 88.

⁷⁰ Там же, с. 49.

⁷¹ H. C. Rawlinson. Report on the Dooranee Tribes. Ч. 2. Calcutta, 1871, с. 824—827. По словам Г. Роулинсона, 25 туманов были равны 277 индийским рупиям. Кульба — участок земли, для обработки которого требовалась одна упряжка быков. На нем можно было высеять шесть харваров зерна (1 харвар — около 565 кг). В современном Афганистане — кульба — около 33 га.

⁷² H. C. Rawlinson. Report on the Dooranee Tribes, с. 826.

⁷³ M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, с. 529, 533, 534; H. G. Raverty. Notes on Afghanistan..., с. 269—270.

⁷⁴ H. G. Raverty. Notes on Afghanistan..., с. 44, 94—95; M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, с. 356.

⁷⁵ G. Forster. A Journey from Bengal to England. Т. 2, с. 54, 55—58.

⁷⁶ M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, с. 474—475.

⁷⁷ Malcolm. Sketch of the Sikhs.—«Asiatic Researches». Т. 11. Calcutta, 1812, с. 246.

⁷⁸ АВПР. Ф. «Сношения России с Персией». 1766, д. 137, л. 30, 43.

- ⁷⁹ G. Forster. A Journey from Bengal to England. Т. 2, с. 151. См. также: Хрисанф. О странах Средней Азии..., с. 11.
- ⁸⁰ G. Forster. A Journey from Bengal to England. Т. 2, с. 88.

Глава II

- ¹ Подробнее см.: История Афганистана. М., 1982, с. 139—155.
- ² Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке. М., 1958, с. 382—396.
- ³ The Imperial Gazetteer of India. Т. 5. Oxford, 1909, с. 62.
- ⁴ А. Гамильтон. Афганистан. СПб., 1908, с. 11.
- ⁵ М. А. Бабаходжаев. Борьба Афганистана за независимость. (1838—1942). М., 1960, с. 7.
- ⁶ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 270.
- ⁷ А. Д. Давыдов. Социально-экономическая структура деревни Афганистана (особенности эволюции). М., 1976, с. 13.
- ⁸ А. Бернс. Кабул. Путевые заметки сэра Александра Бернса в 1835, 1837 и 1838 годах. Ч. 2. М., 1847, с. 164.
- ⁹ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 270—271.
- ¹⁰ Там же, с. 275.
- ¹¹ А. Гамильтон. Афганистан, с. 167.
- ¹² J. Harlan. A Memoir of India and Afganistaun. Philadelphia, 1842, с. 148.
- ¹³ V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan. Politics of Reform and Modernization. 1880—1946. Stanford, 1969, с. 75.
- ¹⁴ Фаиз Мухаммад. Сирадж ат-таварих. Т. I. Кабул, 1331, с. 300.
- ¹⁵ Н. Ханьков. Экспедиция в Хорасан. М., 1973, с. 191.
- ¹⁶ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 15. СПб., 1885, с. 238.
- ¹⁷ Там же, с. 239.
- ¹⁸ А. Гамильтон. Афганистан, с. 171.
- ¹⁹ V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan, с. 77.
- ²⁰ «Сын отечества». 1842, № 10, с. 29.
- ²¹ The Imperial Gazetteer of India. Т. 1. L., 1881, с. 36.
- ²² Л. Н. Соболев. Страница из истории восточного вопроса. Англо-афганская распря. Очерк войны 1879—1880. Т. 1—4. СПб., 1880—1885, с. 595.
- ²³ Н. А. Халфин. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в.— начало XX в.). М., 1959, с. 75.
- ²⁴ Там же, с. 76.
- ²⁵ P. Sykes. The History of Afghanistan. Т. 2. L., 1940, с. 78.
- ²⁶ «Туркестанские ведомости», 1877, № 35.
- ²⁷ «Туркестанские ведомости», 1872, № 36.
- ²⁸ Подробнее см.: В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. 2. М., 1965, с. 239—245.
- ²⁹ И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 2. СПб., 1883, с. 164.
- ³⁰ «Туркестанские ведомости», 1877, № 25, 35.
- ³¹ «Туркестанские ведомости», 1872, № 37.
- ³² Автобиография Абдулрахман-хана — эмира Афганистана. Т. 2. СПб., с. 72.
- ³³ Л. Н. Соболев. Страница из истории восточного вопроса, с. 196.
- ³⁴ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 5. СПб., 1883, с. 101.
- ³⁵ The Second Afghan War. 1878—80. Official account. L., 1908, с. 14.
- ³⁶ И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану..., с. 204.
- ³⁷ М. Н. Какар. Afghanistan. A Study in Internal Political Developments. 1880—1896. Kabul, 1971, с. 7.
- ³⁸ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 329.
- ³⁹ М. Г. М. Губар. Афганистан дар масир-и тарих. Кабул, 1346, с. 596.
- ⁴⁰ Н. И. Гродеков. Через Афганистан. СПб., 1880, с. 51.

- ⁴¹ А. Гамильтон. Афганистан, с. 171.
- ⁴² Н. И. Гродеков. Через Афганистан, с. 21.
- ⁴³ «Туркестанские ведомости», 1877, № 31.
- ⁴⁴ Г. А. Арандаренко. Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. Журнал командировок. М., 1974, с. 104.
- ⁴⁵ Там же, с. 65.
- ⁴⁶ Л. Н. Соболев. Страница из истории восточного вопроса, с. 596.
- ⁴⁷ Сборник географических, топографических, статистических материалов по Азии. Вып. 15, СПб., 1885, с. 338—339.
- ⁴⁸ Л. Н. Соболев. Страница из истории восточного вопроса, с. 196.
- ⁴⁹ «Туркестанские ведомости», 1877, № 25.
- ⁵⁰ «Иррегулярная конница, содержащая караул в провинции, получает вознаграждение от губернаторов, которым сдаются провинции с обязательством поставлять известную сумму дохода в год». — «Пчела», 1877, № 33.
- ⁵¹ Н. И. Гродеков. Через Афганистан, с. 115.
- ⁵² J. P. Ferrier. History of the Afghans. L., 1858, с. 316.
- ⁵³ Там же, с. 317.
- ⁵⁴ Там же, с. 316.
- ⁵⁵ Afghanistan. Correspondence Respecting the Relations between the British Government and That of Afghanistan of the Ameer Shir Ali Khan. L., 1879, с. 2.
- ⁵⁶ Л. Н. Соболев. Страница из истории восточного вопроса, с. 195.
- ⁵⁷ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 5, с. 101.
- ⁵⁸ V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan, с. 88.
- ⁵⁹ Н. И. Гродеков. Через Афганистан, с. 25.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 270—271.
- ⁶² Накануне первой англо-афганской войны в кавалерии «амалы» насчитывалось до трех тысяч всадников (см. [А. Бернс]. Кабул. Путевые заметки..., с. 164.)
- ⁶³ Л. Н. Соболев. Страница из истории восточного вопроса, с. 596.
- ⁶⁴ Там же, с. 195.
- ⁶⁵ Там же, с. 598.
- ⁶⁶ А. Гамильтон. Афганистан, с. 172.
- ⁶⁷ Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 3, д. 445, оп. 1, л. 16.
- ⁶⁸ Н. И. Гродеков. Через Афганистан, с. 50.
- ⁶⁹ Там же, с. 51.
- ⁷⁰ По утверждению Ж. Ферье, зачастую артиллерийские батареи укомплектовывались не специалистами-артиллеристами, а пехотинцами.
- ⁷¹ Цит. по: М. А. Бабаходжаев. Борьба Афганистана за независимость (1838—1842 гг.). М., 1960, с. 8.
- ⁷² Н. А. Халфин. Провал британской агрессии в Афганистане..., с. 36.
- ⁷³ «Артиллерийский журнал». 1844, № 1, с. 53.
- ⁷⁴ V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan, с. 76.
- ⁷⁵ J. Ferrier. History of the Afghans, с. 317.
- ⁷⁶ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, с. 270.
- ⁷⁷ J. W. Kaye. History of the War in Afghanistan. Т. 1. L., 1841, с. 459.
- ⁷⁸ The Imperial Gazetteer of India. Т. 5. Oxford, 1909, с. 63.
- ⁷⁹ А. Гамильтон. Афганистан, с. 170.
- ⁸⁰ G. Masun. Afghanistan from Darius to Amanullah. L., 1929, с. 318.
- ⁸¹ Л. Н. Соболев. Страница из истории восточного вопроса, с. 195.
- ⁸² Там же, с. 598—599.
- ⁸³ H. W. Bellew. Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857. L., 1862, с. 224.
- ⁸⁴ А. Гамильтон. Афганистан, с. 40.
- ⁸⁵ Там же, с. 172.
- ⁸⁶ Н. И. Гродеков. Через Афганистан, с. 40.
- ⁸⁷ «Да урду маджалла». Кабул, 1389, № 22, с. 10.
- ⁸⁸ Там же.

⁸⁹ К сожалению, автору не удалось ознакомиться с указанным уставом, и для его описания он пользовался статьей военного историка Ш. З. Садики в журнале «Да урду маджалла» (№ 2, 1348).

⁹⁰ Л. Н. Соболев. Страница из истории восточного вопроса, с. 600.

⁹¹ Там же.

⁹² А. Гамильтон. Афганистан, с. 175.

⁹³ «Ариана». Кабул, 1348, № 4, с. 39—55.

⁹⁴ Арк — кремль, цитадель.

⁹⁵ «Ариана». Кабул, 1348, № 4, с. 45.

⁹⁶ J. Ferrier. History of the Afghans, с. 315.

⁹⁷ H. W. Bellew. Journal of a Political Mission to Afghanistan..., с. 89.

⁹⁸ М. Г. М. Губар. Афганистан дар масир-и тарих, с. 595.

⁹⁹ «Туркестанские ведомости», 1877, № 22, 35.

¹⁰⁰ «Ариана», 1348, № 4, с. 53.

¹⁰¹ V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan. Stanford, 1969, с. 88.

Глава III

¹ Н. М. Гуревич. Экономическое развитие Афганистана. М., 1966, с. 60—61.

² Новая история стран Азии и Африки. М., 1975, с. 397.

³ Подробнее см.: В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. 2. М., 1965; История Афганистана. М., 1982.

⁴ В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. 2, с. 315.

⁵ М. А. Бабаходжаев. Миссия Нидермайера—Гентига в Афганистане (1915—1916 гг.).—«Краткие сообщения института востоковедения». Вып. XXXVII. М., 1950, с. 21.

⁶ Н. М. Гуревич. Экономическое развитие Афганистана, с. 213—214.

⁷ История Афганистана, с. 220.

⁸ V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan, с. 141.

⁹ Л. К. Артамонов. Гератская провинция. Асхабад, 1896, с. 154.

¹⁰ П. А. Риттих. Афганский вопрос (военно-географический и политический этюды). СПб., с. 52.

¹¹ Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 10.

¹² Э. Рыбичка. Бурные годы Афганистана. М.—Л., 1929, с. 113.

¹³ М. А. Бабаходжаев. Вооруженные силы Афганистана и военные преобразования эмира Абдурахмана.—Очерки новой истории Афганистана. Таш., 1966.

¹⁴ Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 7, 8, 28.

¹⁵ Там же, л. 8.

¹⁶ Устав пехоты 1913 г. Кабул, 1913, с. 173, 174, 301.

¹⁷ С. Шохуморов. «Ахкам-и хузур» как источник по истории Афганистана начала XX в. М., 1980, с. 88.

¹⁸ «Сирадж ул-Ахбар», 17 самбола, 1296, № 3, с. 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ М. А. Бабаходжаев. Вооруженные силы Афганистана..., с. 45.

²¹ Л. К. Артамонов. Гератская провинция, с. 157.

²² П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 51.

²³ Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 6.

²⁴ Устав пехоты 1913 г., с. 67, 73, 79, 167.

²⁵ П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 56. Представляется маловероятным, чтобы половина пехотных частей имела магазинные ружья.

²⁶ Сам эмир Абдулдархан отмечал, что в его армии было стрелковое оружие самых различных систем, а именно: ружья Митфорда, Генри Мартини, Снайдера, Маузера, австрийские карабины и несколько видов русских ружей (см.: Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1. СПб., 1902, с. 73).

²⁷ Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 16, 17.

²⁸ А. Гамильтон. Афганистан, с. 174.

²⁹ Там же, с. 179.

- 30 Сборник новейших сочинений о вооруженных силах иностранных государств. Афганистан. СПб., 1904, с. 3.
- 31 Там же, с. 5.
- 32 П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 57.
- 33 А. Гамильтон. Афганистан, с. 173.
- 34 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 12.
- 35 Военная энциклопедия. Т. 3. СПб., 1911, с. 275.
- 36 Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств, с. 3.
- 37 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 160, л. 8.
- 38 М. А. Бабаходжаев. Вооруженные силы Афганистана..., с. 51.
- 39 П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 57—58.
- 40 Э. Рыбичка. Бурные годы Афганистана, с. 48.
- 41 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 8.
- 42 Там же.
- 43 F. A. Martin. Under the Absolute Amir. L.—N. Y., 1907, с. 9.
- 44 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 8.
- 45 А. Гамильтон. Афганистан, с. 177.
- 46 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 6.
- 47 М. А. Бабаходжаев. Вооруженные силы Афганистана..., с. 48.
- 48 П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 51.
- 49 Военная энциклопедия. Т. 3, с. 275.
- 50 С. Шохуморов. «Ахкам-и хузур»..., с. 87.
- 51 F. A. Martin. Under the Absolute Amir, с. 172.
- 52 П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 60. На складе продовольствия в Шадане (близ Мазари-Шарифа) хранилось более 100 тыс. батманов пшеницы, которые каждый год обновлялись (см.: М. А. Бабаходжаев. Вооруженные силы Афганистана..., с. 73).
- 53 П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 60. В Кабуле находилось около 100 слонов, которые использовались для транспортировки артиллерии и других тяжестей. Слоны размещались в специальных помещениях в центре Кабула на правом берегу р. Кабул рядом с мостом, который сейчас называется Пул-и Махмуд-хан, и в других местах (см.: Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 12).
- 54 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 13.
- 55 С. Шохуморов. «Ахкам-и хузур»..., с. 75—76.
- 56 А. Гамильтон. Афганистан, с. 180.
- 57 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 28.
- 58 П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 57.
- 59 М. А. Бабаходжаев. Вооруженные силы Афганистана..., с. 49.
- 60 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 28.
- 61 Там же.
- 62 С. Шохуморов. «Ахкам-и хузур»..., с. 75.
- 63 П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 50.
- 64 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 4. В ведении сенах-салара находилось военное ведомство «дафтар-и амин-низам», которое осуществляло учет военнообязанных и военнослужащих, занималось выдачей жалованья, оружия и всего необходимого.
- 65 Там же, л. 5.
- 66 Там же.
- 67 П. А. Риттих выделял Кандагарский округ в качестве самостоятельного.
- 68 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 7.
- 69 П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 53.
- 70 М. А. Бабаходжаев. Вооруженные силы Афганистана..., с. 65.
- 71 Там же, с. 67.
- 72 П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 53.
- 73 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 25.
- 74 Там же, л. 26.
- 75 Д. А. Мельников. Район операционных путей от Термеза к Кабулу. Таш., 1907, с. 166—185.

- 76 F. A. Martin. Under the Absolute Amir, c. 171.
- 77 Там же.
- 78 П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 54.
- 79 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 6.
- 80 F. A. Martin. Under the Absolute Amir, c. 172.
- 81 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 160, л. 2.
- 82 Там же, л. 5.
- 83 Там же.
- 84 Автобиография Абдуррахман-хана, Т. 2, с. 76—77.
- 85 F. A. Martin. Under the Absolute Amir, c. 175.
- 86 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 27.
- 87 Там же.
- 88 E. and A. Thornton. Leaves from an Afghan Scrapbook. The Experiences of an English Official and His Wife in Kabul. L., 1910, с. 103—104.
- 89 F. A. Martin. Under the Absolute Amir, c. 172.
- 90 О порядке выдачи жалования см.: Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 19.
- 91 F. A. Martin. Under the Absolute Amir, c. 111—112.
- 92 ЦГИА СССР. Ф. 933, оп. 2, д. 46, л. 1.
- 93 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 160, л. 5.
- 94 F. A. Martin. Under the Absolute Amir, c. 172.
- 95 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 20.
- 96 F. A. Martin. Under the Absolute Amir, c. 171.
- 97 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 24.
- 98 Очень интересный материал о порядке прохождения службы в армии, денежном довольствии, дисциплине и других сторонах армейского быта в начале XX в. можно почерпнуть из чрезвычайно насыщенной фактическим материалом работы С. Шохуморова «Ахкам-и хузур»...
- 99 Д. Я. Очильдиев. Очерки борьбы афганского народа за национальную независимость и внутренние реформы (1900—1914 гг.). Таш., 1967, с. 43.
- 100 Там же, с. 97.
- 101 Там же, с. 104.
- 102 Там же.
- 103 Строевой устав 1893 г. значится в каталоге Библиотеки рукописей Кабульской публичной библиотеки под названием «Да аскари кавазд» (другое название «Кавазд-и аскари-йе мосаввар») за № 352. Название устава «Аскари кавазд» («Военные правила») было присвоено ему в Кабульском музее, где он первоначально хранился. Сам устав названия не имеет, но в соответствии с содержанием представляется более правильным назвать его строевым уставом. Устав написан в 1311 г. х., что соответствует 1893 г. В строевом уставе 458 с. формата 31,5×35 см. Устав представляет собой собрание акварельных рисунков (применяется также тушь и перо) различных строев с пояснительными надписями на языке пушту.
- 104 Строевой устав 1893 г., с. 7. В каталоге Библиотеки рукописей Кабульской публичной библиотеки автором устава ошибочно значится Мир Сейф уд-Дин Азиз.
- 105 Там же, с. 5.
- 106 Там же, с. 108.
- 107 «Таалимнаме-йи пиаде». Кабул, 1331.
- 108 Устав пехоты 1913 г., с. 305.
- 109 Там же, с. 8.
- 110 Там же, с. 10.
- 111 Там же, с. 9.
- 112 «Сирадж уль-Ахбар», 1291, № 11, с. 2—3.
- 113 «Сирадж уль-Ахбар», 1293, № 5, с. 3.
- 114 А. Гамильтон. Афганистан, с. 177.
- 115 Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 22.
- 116 «Сирадж уль-Ахбар», 1293, № 4.
- 117 F. A. Martin. Under the Absolute Amir, c. 169.
- 118 Э. Рыбичка. Бурные годы Афганистана, с. 48—49.
- 119 «Сирадж уль-Ахбар», 1293, № 4, с. 2.

- ¹²⁰ Там же, с. 4.
- ¹²¹ Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 160, л. 2, 7, 8.
- ¹²² Д. Я. Очильдиев. Очерки борьбы афганского народа..., с. 10.
- ¹²³ Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 26—27.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ «Сирадж уль-Ахбар», 1291, № 4, с. 3; См. также: С. Шохуморов. «Ахкам-и хузур»..., с. 90.
- ¹²⁶ История Афганистана, с. 206.
- ¹²⁷ М. Г. М. Губар. Афганистан дар маср-и тарих, с. 704.
- ¹²⁸ «Сирадж уль-Ахбар», 1291, № 20, с. 4—5.
- ¹²⁹ E. and A. Thornton. Leaves from an Afghan Scrapbook, с. 161.
- ¹³⁰ «Сирадж уль-Ахбар», 1291, № 20, с. 5.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же, № 18, с. 4.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ В 1913 г. в газете «Сирадж уль-Ахбар», № 22 отмечалось, что нуристанцы были выделены в отдельный курс 3—4 года тому назад, т. е. в 1910 г.
- ¹³⁶ Полки из уроженцев Нуристана под названием «Джадид уль-ислам» были сформированы в 1896 г., когда по приказу Абдуррахман-хана в армию было призвано 10 тыс. жителей Нуристана. Возможно, училище для нуристанцев было названо «Джадид уль-ислам» по традиции.
- ¹³⁷ «Сирадж уль-Ахбар», 1291, № 14, с. 2, 3.
- ¹³⁸ Кушкеки. Надир-и Афган. Кабул, [б. г.], с. 65.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ «Сирадж уль-Ахбар», 1291, № 14, с. 1.
- ¹⁴¹ С. Шохуморов. «Ахкам-и хузур»..., с. 90.
- ¹⁴² Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, с. 3.
- ¹⁴³ F. A. Martin. Under the Absolute Amir, с. 184.
- ¹⁴⁴ «Сирадж уль-Ахбар», 1291, № 16, с. 3. По свидетельству Ф. А. Мартина, материальное положение рабочих было тяжелым. Жалованья хватало только на то, чтобы не умереть с голода.
- ¹⁴⁵ П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 57.
- ¹⁴⁶ F. A. Martin. Under the Absolute Amir, с. 169—170.
- ¹⁴⁷ Там же, с. 170.
- ¹⁴⁸ «Сирадж уль-Ахбар», 1291, № 16, с. 2—3.
- ¹⁴⁹ Не исключено, что англичане сознательно ввели афганские власти в заблуждение, продав им совсем не то, что те хотели, чтобы помешать наладить выпуск бездымного пороха в Афганистане.
- ¹⁵⁰ М. А. Бабаходжаев. Вооруженные силы Афганистана..., с. 69.
- ¹⁵¹ А. Гамильтон. Афганистан, с. 178.
- ¹⁵² М. А. Бабаходжаев. Вооруженные силы Афганистана..., с. 69.
- ¹⁵³ П. Герих. Афганистан и его политическое значение. 1902, с. 21.
- ¹⁵⁴ Д. Я. Очильдиев. Очерки борьбы афганского народа..., с. 74.
- ¹⁵⁵ В окрестностях Герата находились также пороховые мастерские (см.: ЦГИА СССР. Ф. 1282, оп. 3, д. 332, л. 14).
- ¹⁵⁶ П. А. Риттих. Афганский вопрос..., с. 58.
- ¹⁵⁷ Фаиз Мухаммад. Сирадж ат-таварих. Т. 3. Кабул, 1333, с. 462, 464.
- ¹⁵⁸ Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. 115, оп. 1, д. 143, л. 28.
- ¹⁵⁹ Д. Я. Очильдиев. Очерки борьбы афганского народа..., с. 7.
- ¹⁶⁰ Штаб Туркестанского военного округа. Сводка сведений о сопредельных странах. 1909, № 5, с. 2.
- ¹⁶¹ ЦГИА СССР. Ф. 560, оп. 28, д. 455, л. 1—2.
- ¹⁶² Подробнее см.: История Афганистана, с. 204—205, 217—220.

Глава IV

¹ В. И. Ленин. Тетрадь материалов о Персии.— Полное собрание сочинений. Т. 28, с. 708.

² Н. М. Гуревич. Экономическое развитие Афганистана (денежно-кредитные вопросы). М., 1972, с. 5.

- ³ И. М. Рейснер. Независимый Афганистан. М., 1929, с. 160.
- ⁴ Подробнее см.: Л. Б. Теплинский. 50 лет советско-афганских отношений: 1919—1969. М., 1971, с. 27—28.
- ⁵ В. И. Ленин. Письмо королю Афганистана Аманулла-хану.— Т. 50, с. 386.
- ⁶ Л. Б. Теплинский. 50 лет советско-афганских отношений..., с. 35, 55.
- ⁷ И. М. Рейснер. Независимый Афганистан, с. 176; К. И. Соколов-Страхов. Гражданская война в Афганистане в 1928—29 гг. М., 1931, с. 28.
- ⁸ Там же.
- ⁹ В. М. Примаков. Афганистан в огне. М., 1929, с. 90.
- ¹⁰ V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan, с. 478.
- ¹¹ К. И. Соколов-Страхов. Гражданская война в Афганистане..., с. 27—28.
- ¹² И. М. Рейснер. Афганистан.— Новейшая история стран Зарубежного Востока. Вып. 1. М., 1954, с. 224—226.
- ¹³ Незамнама-йи джаза-йи аскари. [Б. м.], 1302, с. 5, 6, 10, 27, 28, 32, 35.
- ¹⁴ Насер Мухаммад. Рахнама-йи Кабул. Кабул, 1345, с. 189.
- ¹⁵ Там же, с. 294; В. М. Примаков. Афганистан в огне, с. 104.
- ¹⁶ И. М. Рейснер. Независимый Афганистан, с. 176; В. М. Примаков. Афганистан в огне, с. 90.
- ¹⁷ Donald N. Wilber. Afghanistan. New Haven, 1962, с. 166.
- ¹⁸ В. М. Примаков. Афганистан в огне, с. 91.
- ¹⁹ Там же, с. 102—103.
- ²⁰ А. Н. Хейфец. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1964, с. 299; Л. Б. Теплинский. Советско-афганские отношения в 1919—1960 гг., с. 56; «Да урду маджалла». 1968, № 5, с. 73.
- ²¹ К. И. Соколов-Страхов. Гражданская война в Афганистане..., с. 12; В. М. Примаков. Афганистан в огне, с. 123—127.
- ²² В. Н. Зайцев. Реформы в Афганистане (1919—1928 гг.).— «Вестник Московского университета». Сер. XIV. Востоковедение. М., 1970, № 1, с. 41.
- ²³ К. И. Соколов-Страхов. Гражданская война в Афганистане..., с. 12, 29.
- ²⁴ В. М. Примаков. Афганистан в огне, с. 90.
- ²⁵ К. И. Соколов-Страхов. Гражданская война в Афганистане..., с. 26—27.
- ²⁶ Там же, с. 27—28.
- ²⁷ И. М. Рейснер. Независимый Афганистан, с. 181.
- ²⁸ Подробнее см.: В. Г. Коргун. Афганистан в 20—30-е годы XX в. М., 1979, с. 40—65.
- ²⁹ V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan, с. 264.
- ³⁰ В. М. Примаков. Афганистан в огне, с. 143—144.
- ³¹ Цит. по: К. И. Соколов-Страхов. Гражданская война в Афганистане..., с. 66.
- ³² «Да урду маджалла». 1970, № 2, с. 97.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же, с. 98.
- ³⁵ Там же, с. 97—98; № 3, с. 66.
- ³⁶ И. М. Рейснер. Афганистан, с. 180.
- ³⁷ Л. Б. Теплинский. Советско-афганские отношения за сорок лет существования независимого Афганистана.— Независимый Афганистан. М., 1958, с. 16—17.
- ³⁸ «Да урду маджалла». 1970, № 3, с. 65.
- ³⁹ V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan, с. 371.
- ⁴⁰ Л. Б. Теплинский. 50 лет советско-афганских отношений, 1919—1969, с. 103.
- ⁴¹ V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan, с. 371.
- ⁴² И. М. Рейснер. Афганистан, с. 185.
- ⁴³ «Да урду маджалла». 1970, № 3, с. 65—68.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.

- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же, с. 68.
- ⁴⁸ В. И. Ленин. Отдача в солдаты 183-х студентов.— Т. 4, с. 393.
- ⁴⁹ В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. 2, с. 243—244.
- ⁵⁰ Ф. Энгельс. Афганистан.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 14, с. 77.
- ⁵¹ Н. М. Гуревич. Межимпериалистическая борьба в Афганистане в период второй мировой войны.— «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». Вып. 37. М., 1960, с. 47.
- ⁵² Подробнее см.: История Афганистана. М., 1982, с. 252—253.
- ⁵³ А. И. Лобашев. Социально-экономическая структура населения Афганистана. Автореф. канд. дис. М., 1972, с. 19.
- ⁵⁴ Г. П. Ежов. Наш сосед Афганистан. М., 1965, с. 18—19.
- ⁵⁵ The Statesman's Year-Book. Statistic and Historical Annual of the State of the World. L.—N. Y.
- ⁵⁶ Подробнее см.: История Афганистана, с. 293—304.
- ⁵⁷ В. И. Ленин. Социалистическая партия и беспартийная революционность.— Т. 12, с. 133, 137.
- ⁵⁸ «Kabul Times», 2.06.1970; «Анис». 30.05.1970.
- ⁵⁹ «Анис», 14.08.1963.
- ⁶⁰ «Анис», 12.09.1963.
- ⁶¹ Подробнее см.: Л. Б. Теплинский. Советско-афганские отношения в 1919—1960 гг., с. 93.
- ⁶² The Statesman's Year-Book. 1951, с. 770.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Подробнее см.: Л. Б. Теплинский. Проблема Пуштунистана во внешней политике современного Афганистана.— «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». Вып. XXXVII. М., 1960, с. 16.
- ⁶⁵ Современный Афганистан. М., 1960, с. 207.
- ⁶⁶ The Statesman's Year-Book. 1977/78, с. 742.
- ⁶⁷ The Statesman's Year-Book. 1962/63, 1977/78.
- ⁶⁸ «Air-Force Magazine», декабрь 1976, с. 81.
- ⁶⁹ «The Kabul Times Annual». 1970, с. 38. Подсчет общих показателей по районам произведен автором данного раздела.
- ⁷⁰ И. М. Рейснер. Независимый Афганистан, с. 75.
- ⁷¹ Конституция Афганистана. Кабул, 1964, с. 39.
- ⁷² Закон о всеобщей воинской повинности. [Б. м.], 1333 (1954), с. 82.
- ⁷³ The Statesman's Year-Book. 1977/78, с. 742.
- ⁷⁴ «Да урду маджалла». 1964, № 7, с. 67.
- ⁷⁵ Закон о всеобщей воинской повинности.
- ⁷⁶ Там же, с. 4, 5, 6, 13.
- ⁷⁷ Там же, с. 14—25.
- ⁷⁸ «Да урду маджалла». 1966, № 10—11, с. 77.
- ⁷⁹ The Statesman's Year-Book. 1977/78, с. 742.
- ⁸⁰ «Да урду маджалла». 1969, № 1, с. 119.
- ⁸¹ Закон о государственных чиновниках. Кабул, 1971, с. 6—7.
- ⁸² Там же, с. 7; Закон о временных государственных рабочих и служащих. Кабул, 1349 (1971), с. 2.
- ⁸³ «Да урду маджалла». 1966, № 10—11, с. 77.
- ⁸⁴ «Да урду маджалла». 1970, № 6, с. 48—51.
- ⁸⁵ Ф. Энгельс. Персия и Китай.— Т. 12, с. 220.
- ⁸⁶ Абдурраззак Майванд. Пропаганда и деятельность пятой колонны во второй мировой войне. Меры по борьбе с ней. Кабул, 1340 (1961), с. 190.
- ⁸⁷ «Харби похантун». 1970, № 3, с. 3.
- ⁸⁸ «Анис», 06.06.1970.
- ⁸⁹ «Анис», 14.08.1963.
- ⁹⁰ «Да урду маджалла». 1969, № 12, с. 105—106.
- ⁹¹ «Да урду маджалла». 1971, № 4—5, с. 15—16.

- ⁹² «Да урду маджалла». 1966, № 12, с. 78; 1969, № 7, с. 57; № 10, с. 29; № 11, с. 29.
- ⁹³ «Харби похантун». 1969, № 3, с. 93; «Да урду маджалла». 1969, № 6, с. 1.
- ⁹⁴ «Да урду маджалла». 1969, № 12, с. 106.
- ⁹⁵ «Харби похантун». 1970, № 3, с. 145.
- ⁹⁶ Конституция Афганистана. 1964, ст. 7.
- ⁹⁷ «Харби похантун». 1969, № 3, с. 2.
- ⁹⁸ «Харби похантун». 1970, № 3, с. 146; «Да урду маджалла». 1970, № 5, с. 2.
- ⁹⁹ «Анис», 06.06.1970.
- ¹⁰⁰ «Да урду маджалла». 1968, № 6.
- ¹⁰¹ «Да урду маджалла». 1971, № 4—5, с. 65.
- ¹⁰² Ф. Энгельс. Афганистан.— Т. 14.
- ¹⁰³ В. И. Ленин. Тетрадь материалов о Персии.— Т. 28.
- ¹⁰⁴ «Харби похантун». 1968, № 3, с. 2, 6; 1970, № 2, с. 89—91.
- ¹⁰⁵ Там же, № 1, с. 117.
- ¹⁰⁶ «Да урду маджалла». 1968, № 5, с. 1—2; 1968, № 6, с. 12; 1971, № 6, с. 61—63.
- ¹⁰⁷ «Харби похантун». 1969, № 3, с. 94.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 91.
- ¹⁰⁹ «Да урду маджалла». 1966, № 10—11, с. 30; 1969, № 12, с. 106; «Харби похантун». 1969, № 3, с. 93, 94.
- ¹¹⁰ Абдурраззак Майванд. Пропанганда и деятельность пятой колонны..., с. 188.
- ¹¹¹ «Да урду маджалла». 1968, № 6, с. 6—9; 1969, № 12, с. 8.
- ¹¹² «Kabul Times», 02.06.1970.
- ¹¹³ «Харби похантун». 1969, № 3, с. 91.
- ¹¹⁴ Положение и устав о внутренней службе афганской армии. [Б. м.], [6. г.], с. 35.
- ¹¹⁵ В. И. Ленин. Армия и народ.— Т. 13, с. 283.
- ¹¹⁶ Положение о воинских наказаниях. [Б. м.] 1341, с. 112.
- ¹¹⁷ «Да урду маджалла». 1970, № 6, с. 80—82.
- ¹¹⁸ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
- ¹¹⁹ Гулам Фарук. Да харб тарих. [Б. м.], 1346 (1967), с. 301—303.
- ¹²⁰ Абдурраззак Майванд. Пропанганда и деятельность пятой колонны..., с. 157—158.
- ¹²¹ Там же, с. 157—167.
- ¹²² В. И. Ленин. Империализм и раскол социализма.— Т. 30, с. 176.
- ¹²³ Абдурраззак Майванд. Пропанганда и деятельность пятой колонны..., с. 159—167.
- ¹²⁴ «Да урду маджалла». 1970, № 6, с. 109.
- ¹²⁵ Гулам Фарук. Да харб тарих, с. 253.
- ¹²⁶ Абдурраззак Майванд. Пропанганда и деятельность пятой колонны..., с. 21; Гулам Фарук. Да харб тарих, с. 294.
- ¹²⁷ Абдурраззак Майванд. Пропанганда и деятельность пятой колонны..., с. 158.
- ¹²⁸ Гулам Фарук. Да харб тарих, с. 240.
- ¹²⁹ Абдурраззак Майванд. Пропанганда и деятельность пятой колонны..., с. 155.
- ¹³⁰ Там же, с. 158, 161.
- ¹³¹ «Да урду маджалла». 1968, № 3, с. 30, 31.
- ¹³² «Да урду маджалла». 1969, № 6, с. 33; 1969, № 7, с. 20—28; 1970, № 5, с. 23; 1971, № 6, с. 64, 116.
- ¹³³ Подробнее см.: М. Р. Арунова. Буржуазные концепции Запада по проблемам внешней политики Афганистана.— Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития. М., 1971, с. 194—221.
- ¹³⁴ Гулам Фарук. Да харб тарих, с. 14, 15.
- ¹³⁵ Там же, с. 14.
- ¹³⁶ «Да урду маджалла». 1969, № 6, с. 55.

- ¹³⁷ Абдурраззак Майванд. Пропаганда и деятельность пятой колонны..., с. 179.
- ¹³⁸ «Да урду маджалла». 1968, № 6, с. 3, 4.
- ¹³⁹ Там же, с. 3.
- ¹⁴⁰ «Анис», 3.03.1965.
- ¹⁴¹ Ф. Энгельс. Приветствие французским рабочим по случаю 20-й годовщины Парижской Коммуны.— Т. 22, с. 187.
- ¹⁴² В. И. Ленин. Кровавые дни в Москве.— Т. 11, с. 318.
- ¹⁴³ «Да урду маджалла». 1973, № 2, с. «б».
- ¹⁴⁴ Государственные и общественно-политические деятели Афганистана. Справочник. М., 1967, с. 51—52.
- ¹⁴⁵ Программа и устав Армейской революционной организации (АРО). [Б. м.], 1964.
- ¹⁴⁶ «Kabul Times», 25.07.1973.

Глава V

- ¹ President and Prime Minister Mohammad Daoud's Speeches of July 17 and August 23, 1973. Kabul, с. 5—14.
- ² «Да урду маджалла». 1975, № 21, с. «м».
- ³ Там же.
- ⁴ Там же, с. 1—3.
- ⁵ «Джумхурият». Кабул, 08.08.1973.
- ⁶ «Да урду маджалла». 1976, № 33, с. 96.
- ⁷ «Да урду маджалла». 1973, № 1.
- ⁸ «Да урду маджалла». 1975, № 19, с. 5.
- ⁹ «Джумхурият», 25.08.1976.
- ¹⁰ «New Age», 23.09.1979, с. 13.

Послесловие

- ¹ «Хакикат-и инкилаб-и саур». Кабул, 17.04.1980.
- ² Подробности описываемых здесь событий взяты нами из брошюры «Об апрельской революции». Кабул, 1979, с. 35—43.
- ³ «Анис», 03.05.1978.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 12.
- ⁷ «Коммунист». 1981, № 6, с. 83.
- ⁸ В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Т. 39, с. 330.
- ⁹ Краткие сведения о вооруженных силах ДРА по состоянию на январь 1981 г. см.: Демократическая Республика Афганистан. М., 1981, с. 57—59.
- ¹⁰ Б. Кармаль. Народ Афганистана отстаивает революцию.— «Проблемы мира и социализма». Прага, 1970, № 4, с. 42.
- ¹¹ «Хивад». Кабул, 17.06.1981.
- ¹² Дополнение № 1 к Декрету № 8 «О земле».— «Хивад», 11.08.1981.
- ¹³ «Kabul New Times», 29.08, 2.09.1981.
- ¹⁴ Программа действий НДПА. Раздел 3.— «Анис», 19.03.1982.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии.— Т. 8, с. 38.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Афганская армия в эпоху шахов Дуррани (1747—1819)	5
Глава II. Вооруженные силы Афганистана в 20—70-е годы XIX в.	28
Глава III. Вооруженные силы Афганистана в 1880—1918 гг.	49
Глава IV. Вооруженные силы Афганистана в 1919—1972 гг.	86
Глава V. Вооруженные силы Афганистана в 1973—1977 гг.	170
Послесловие	179
Примечания	192
Contents	206

CONTENTS

Preface	3
<i>Chapter I. Afghan Army in the Epoch of the Durrani Shahs (1747-1819)</i>	5
<i>Chapter II. Afghan Armed Forces in the 20s-70s of the 19th Century</i>	28
<i>Chapter III. Afghan Armed Forces in 1880-1918</i>	49
<i>Chapter IV. Afghan Armed Forces in 1919-1972</i>	86
<i>Chapter V. Afghan Armed Forces in 1973-1977</i>	170
Afterword	179
Notes	192

ИСТОРИЯ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
АФГАНИСТАНА
1747—1977

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор А. М. Козлова
Младший редактор Л. А. Добродеева
Художник Н. П. Ларский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректор Л. Н. Дегтярева

ИБ № 14918

Сдано в набор 11.12.84. Подписано к печати 05.07.85. А-05700. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 13,36. Уч.-изд. л. 14,68. Тираж 1850 экз. Изд. № 5806. Зак. № 822. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
Главная редакция восточной литературы
издательство «Наука»
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28